

Самир Сельманович

ЭТО ВСЁ О БОГЕ

История мусульманина атеиста иудея христианина

Книга-откровение, вокруг которой объединились представители всех величайших религий. Ее автор бросает дерзкий вызов всем нашим представлениям о духовности, вере и атеизме и дает оригинальный рецепт жить счастливо в мире, где есть «свои» и «чужие».

Посвящается четырем благовестователям:

*Рою Надену, Рафаэлю Канделария,
Роду Колберну и Брайану Макларену.*

Вы спасали мне жизнь.

ОБ АВТОРЕ

Доктор философии Самир Сельманович — писатель, оратор, консультант и общественный организатор. Он родился и вырос в семье этнических мусульман, в атеистической городской среде Загреба — столицы Хорватии, в бывшей Югославии. Во время срочной службы в армии Сельманович присоединился к подпольной группе верующих и стал христианином. Когда он объявил об этом после возвращения домой, родные выгнали его, отослали в долгое путешествие в географическом, культурном и духовном смысле слова.

Сельманович получил диплом инженера-строителя в университете Загреба, а затем — три ученые степени в университете Андрюса в Мичигане, в том числе степень доктора в области религиозного образования. Затем он шесть лет служил пастором и общественным организатором в Манхэттене, в том числе и в тяжелые дни после атаки террористов 11 сентября 2001 года. В 2003 году он переселился в Южную Калифорнию, где способствовал основанию и развитию церкви «Кроссуок». В 2008 году, движимый любовью к Нью-Йорку, он основал манхэттенский Дом веры, межрелигиозную «общину общин», которая свела вместе устремленных в будущее христиан, мусульман, иудеев, атеистов и всех, кому не чужды размышления о взаимозависимости, и стал одним из его христианских лидеров.

Сельманович — рукоположенный пастор церкви адвентистов седьмого дня и один из основателей сети Rechurch Network. Он участвовал в зарождении быстро развивающегося церковного движения, был членом координационной группы Emergent Village и представлял ее в комиссии по межрелигиозным отношениям Национального совета церквей. Сельманович публиковал статьи и главы из книги о взаимосвязи духовности, религии, Священного Писания, культуры и лидерства. Он выступает на национальном и международном уровне по вопросам взаимозависимости, религиозной идентичности, духовных практик, лидерства, межрелигиозного диалога и социальной справедливости. Сельманович живет в Манхэттене вместе с женой Весной и двумя дочерьми, Эной и Летой. Все они — активные члены манхэттенской христианской общины Citylights и «учатся любить по-настоящему».

ОТЗЫВЫ

«Поразительная книга, в которой сочетаются воспоминания, озарения, мудрость, страсть и сострадание».

Маркус Бор, автор книги «Бунтарь Иисус. Жизнь и миссия в контексте двух эпох»

«Если атеисты, агностики и нерелигиозные люди, подобные мне самому, хотят обрести понимание и изменить мир к лучшему, а не только жаловаться на вред и недостатки фундаментализма, им необходимо прислушиваться не только к бескомпромиссным голосам древних религий, но и к самым свежим и разумным голосам современных прогрессивных религиозных мыслителей. Один из них — Самир Сельманович. Я могу не соглашаться с ним в вопросах богословия — в сущности, могу отрицать того самого Бога, о котором он ведет речь, тем не менее я многому научился благодаря его восприимчивости, интеллекту, великодушию по отношению к человечеству».

Грег Эпстайн, священник-гуманист Гарвардского университета

«Самир Сельманович предлагает сугубо личные размышления о вере, сомнениях и, в итоге, о духовном покое. Сельманович, сын мусульманина и христианки, был воспитан в традициях ислама, но позднее обратился в христианство, хотя и не утратил почтения к мусульманской вере. Эта особая межрелигиозная предыстория помогает ему излагать запутанную интроспективную историю, которая одновременно волнует сердце, бросает вызов интеллекту и вдохновляет душу. Читатели этой книги, пронизанной духовностью, обнаружат, что перед ними открываются новые важные перспективы их собственной религии, чужих религий и далее их отсутствия».

Дейзи Хан, исполнительный директор Американского общества распространения ислама (ASMA)

«Духовное путешествие автора — поистине единственное в своем роде. Благодаря этому опыту Самир Сельманович получил возможность высказать чрезвычайно важные соображения о Боге и о том, как религиозные люди поддерживают отношения с Богом и друг с другом. Возможно, не все мысли автора вам понравятся, однако он наполняет новым смыслом слова Иисуса: "Потерявший душу свою ради Меня, сбережет ее". Мне было необходимо прочитать эту книгу, и я рад, что сделал это».

Джон Паулин, декан факультета религии университета Лома Линда

«В мире, где религиозные традиции слишком часто упорствуют на давно утративших актуальность позициях собственной исключительности и правоты, эта песнь любви, обращенная к Богу всего сущего, — долгожданный труд, полный надежды и оптимизма. Широкие взгляды пастора Самира Сельмановича выходят далеко за рамки вежливых формальностей "межрелигиозного диалога", уводят всех нас к новым перспективам

взаимного обучения, к возможности всем вместе жить и радоваться Жизни. Опираясь на собственную необыкновенную историю, в которой фигурируют обращение в христианство и растущее понимание того, что любовь и Бог простираются далеко за пределы этой религии, — Самир Сельманович помогает нам прославить многочисленные чудесные и мистические пути, по которым протекает сквозь нас исполненная любви и дарующая жизнь сила, которую мы называем Богом».

Раввин Марсия Прагер

«Всем искателям Истины углубленное, необыкновенно личное, лирическое стремление к отношениям с Богом, о котором повествует Самир, дает четкое представление о том, что необходимо смотреть в корень, преодолевать традиционные границы веры и богословия, будь то христианские, мусульманские, иудейские или индуистские...».

Ратхи Раджа, президент лонг-айлендского Центра Арша Веданта, исполнительный директор молодежной группы индийской культуры

«Самир Сельманович — смелый, сочувствующий, мудрый духовный наставник и общественный лидер. Эти воодушевляющие мемуары-манифест — значительный вклад в растущую библиотеку книг о современном межрелигиозном диалоге и действиях. Читайте ее и обогащайтесь!»

Раввин Ор Розе, директор отдела межрелигиозных и социальных юридических инициатив еврейского колледжа, один из редакторов издания «Праведное негодование: еврейский призыв к справедливости»

«Самир написал книгу, которая читается как длинное стихотворение, ода к жизни. Там, где другие видят только мрак и деструктивность религии, Самир умеет разглядеть красоту и надежду. Там, где другие замечают лишь соперничество и насилие, Самир видит синергию и жизнь. Его представления — не банальный синкретизм как попытка слияния всех религий в единое безвредное и однородное целое, состоящее из добра и света. Эта книга — прославление постмодернистской «непохожести» высшей степени. Она вдохновит вас, вызовет раздражение, возможно, даже разозлит. Самир не станет отвечать на все ваши вопросы или объяснять, как вам быть дальше. Но если вам хоть когда-нибудь не давало покоя ощущение, что Бог скрывается именно там, где его с наименьшей вероятностью ожидаешь найти, вам необходимо прочитать эту книгу!»

Район Дж.Белл, пастор Голливудской церкви адвентистов седьмого дня

«Это восхитительно заманчивая книга. В непринужденном и поэтично-цветистом стиле Сельманович мягко, но уверенно проводит читателя по этапам своего жизненного пути к заключению одновременно очевидному и непростому — о том, что единственный Бог, в

которого стоит верить, не может быть только «моим» или «нашим» Богом. Для всех, кто строит по-настоящему мультирелигиозное гражданское общество, эта книга — подарок».

Пол Ниммер, профессор богословия, мировых религий и культуры Объединенной богословской семинарии Пауля Тиллиха

«Мне не хватает слов, чтобы описать эту книгу. Читая ее, я несколько раз смеялся вслух, а к концу горько плакал. Это произведение веры, произведение искусства, а для некоторых читателей оно, несомненно, окажется образцом отвратительной ереси. Мне кажется, эта книга способна изменить жизнь людей, более того — она способна спасать жизнь во многих смыслах этих слов. Всем ученым мужам и ведущим на радио и телевидении следует обратить на эту книгу внимание, так как она представляет серьезную угрозу для нашей традиционной и удобной классификации, привычного разделения на черное и белое. Сельмановичу хватило смелости представить себе, как наши религии становятся не крепостными стенами, за которыми мы прячемся и из-за которых бросаем снаряды проклятий, а мостами, по которым мы идем, чтобы найти Бога в окружающих».

Брайан Макларен, писатель и активист

«Самир совершил то, что казалось невозможным — написал книгу о Боге, которая выглядит свежо. Книгам о Боге, вере и религии в наше время грош цена, но эта исполнена надежды и энтузиазма. И абсолютной честности. Дочитав ее, я обнаружил, что стал дышать свободнее и захотел полнее любить Бога и людей. Рекомендую!»

Карл Медеарж, писатель

«Приготовьтесь к тому, что границы вашего мира раздвинутся. Самир Сельманович подобен внутреннему голосу, призывающему нас задуматься о глобальном. Иудеи, христиане и мусульмане одинаково выиграют от этого изучения "ничейного" Бога».

Раввин Юстас Еэрд, директор отдела мультирелигиозного образования Обернской семинарии

«Эта книга, опирающаяся на серьезные научные исследования, читается как песнь любви. Мой внутренний мистик прыгал, скакал и кричал от радости. Я обнаружил, что в большом древнем мире мне уже не так одиноко. Мне казалось, что я на удачной вечеринке: каждый абзац был песней, каждая страница — еще одним бокалом вина, каждая глава — перспективой очередного танца с красивой партнершей. На этой вечеринке никто не сердился на меня за то, что я дал себе волю. В сущности, все, в том числе и Бог, поощряли мои маленькие безумства».

Преп. Вине Андерсон, лидер группы, автор песен, поклонник хон-ки-тонка, один из пасторов революционной церкви Нью-Йорка

«Совершенно новым и неожиданным образом эта книга противостоит моему христианскому мировоззрению и бросает вызов моим представлениям о Боге. Но насколько я понимаю,

Сельманович стремится не убедить и не обратить в веру, а изучать и будить воображение. Его рассказ — примечательная демонстрация и свидетельство красоты и возможностей воображения, радикально ориентированного на Бога».

Джулиус Нам, профессор религии университета Лома Линда

«Эта книга стала пищей для моей души, она напитала мою жизнь, помогла сосредоточиться на том, что действительно имеет значение — на дарующей жизнь, радикальной, открытой любви. Самир Сельманович обладает даром рассказывать истории простым, но выразительным языком, приземленным, но вместе с тем ничем не ограниченным, пророческим и полным любви, серьезным и шутливым. Я смеялся, плакал и удивлялся. Меня охватила ностальгия, я вспомнил о доме моего детства и о "тонких местах" — границах миров, где происходят встречи с божественным. Любовь Самира к жизни излучает сияние, его вера не дает нам покоя. Это сильная, трогательная, вдохновляющая книга, полная дерзкой надежды».

Элеазар Фернандес, профессор систематического богословия, Объединенная богословская семинария Миннеаполиса-Сент-Пола

«Тем, кто любит странствовать, не покидая кресла, Самир Сельманович предоставляет увлекательный отчет о своем духовном путешествии, которое завело его в самую гущу межрелигиозных столкновений. Эта книга позволит вам увидеть это приключение его глазами. Она может побудить вас сделать следующий шаг в познании самого себя. В таком случае пристегните ремни и возьмите с собой Самира Сельмановича как проводника. Чем больше людей идет на такой риск, тем чаще мне думается, что наш мир становится лучше».

Раввин Нэнси Фукс-Креймер, директор отдела мультирелигиозных исследований, Реконструкционистский раввинский колледж

«Что, если мучительные трения между Богом и религией следует не отрицать, а скорее, принимать как акт любви и преданности и божественному, и человеческому? В своей книге Сельманович предлагает представления о духовности, согласно которым в эти трения вкладывается сакральный смысл. Вместо того чтобы оставаться в изоляции в нашей "системе управления Богом", мы можем сотрудничать, несмотря на все рамки, которые нас определяют. Наш мир при этом изменился бы к лучшему, наши религии стали бы более истинными, справедливыми, прекрасными».

Саммер Абоелела, общественный организатор, Нью-йоркское сообщество прогрессивного ислама

«Общество дорого платит за то, что нам недостает углубленной дискуссии, за усиливающееся расслоение, за насмешки над религией. Путь назад — или вперед — долг, но Сельманович положил перед нами карту. Эта книга эпохальна, она предназначена для каждого атеиста, который готов к обращению, и для всех религиозных людей, желающих приподняться и посмотреть поверх стен, которые они сами возвели».

Уильям Бевингтон, преподаватель информационного дизайна и бывший исполнительный директор Института информационной картографии Парсонса

«Я взбудоражен, обеспокоен и вдохновлен текстом этой книги. Поделившись историей своей веры и семьи, Самир показал нам, как развивающиеся представления о царстве Божьем преобразили его мир — и могут преобразить наш мир».

Натан Браун, писатель

«Эта книга вышла в критический период, предлагая помочь тем из нас, кто гадает, каким образом можно привнести традиционные религиозные практики в многообразный мир XXI века».

Дэвид Оукли, доктор философии, основатель и директор по науке WAVi Co., автор проекта колледжа Аддисона

«В своей книге Самир Сельманович берет нас с собой в духовное путешествие по разным культурам, континентам и религиям. Озарения, которые посещают его в пути, приводят его к удивительному пониманию значения всех религий, в основе которого лежит общение с "другими" и с помощью которого он намерен побудить нас задуматься о том, что значит для нас своя вера. Даже тот, кто не согласен с его выводами, сможет оценить приглашение в путешествие к более глубокому пониманию религии и межрелигиозного диалога».

Доктор Антониос Киреопулос, старший директор программы по вере, чинам и межрелигиозным отношениям Национального совета церквей США

«Проницательный рассказчик, умеющий убеждать, Самир Сельманович написал духовную автобиографию, в которой юмор и лирика переплетаются с практическим богословием в рассказе об обращении в веру, принятии веры и примирении. Провокационная, но вместе с тем очаровательная книга "Это всё о Боге" — приятное дополнение к текстам по межрелигиозным отношениям».

Люсинда Мошер, доктор богословия, исполнительный директор организации «Религии за мир», США

«Каждый, кто устал от постоянных трений между приверженцами мировых религий, с удовольствием прочтет эту книгу».

Брюс Бауэр, председатель отдела всемирной миссии, университет Андрюса

«Самир Сельманович стремится донести до нас мысль исключительной важности, особенно в мире, в котором все становится более и более взаимозависимым: мы живем согласно своим религиозным (или нерелигиозным) традициям только тогда, когда уделяем внимание — серьезно, с любовью и признанием — тем, кто не принадлежит к нашей вере. Меня, как бывшего христианина, эта книга наполнила подлинным оптимизмом, помогла представить

людей как одну семью, со всем богатством многочисленных и разных традиций, объединение которых не только необходимо, но и возможно».

Фил Робинсон, лидер фонда Джозефа Кэмпбелла (JCF), группа «Мифологический круглый стол»

«Каким образом наши религии могут стать взаимозависимыми, и следовательно, жизнеспособными и ценными для XXI века и наших внуков? Самир Сельманович посвятил решению этого вопроса всю жизнь, книга "Это всё о Боге" приглашает нас присоединиться к нему в этом путешествии».

Боуи Снодграсс, директор «Дома веры Манхэттена»

«Далай-лама говорит, что в юности он считал тибетский буддизм единственным возможным путем, но позднее, познакомившись с христианами, мусульманами и иудеями, понял, как значительно обогатилась его жизнь. У него и Самира Сельмановича есть немало общего, о чем свидетельствует эта прекрасная, смелая книга. Автор изучает сквозь призму личного опыта «...сокровище различий, а также почему нашей первой значимой реакцией... должна быть благодарность».

Марсия Келли, писатель

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Я писал эту книгу, находясь в другом полушарии, будучи приверженцем традиций противоположного конца религиозного спектра и персонажем совсем другого побочного сюжета человеческой истории. Тем не менее, эта книга русская в большей степени, нежели американская. Я рос в бывшей Югославии, где достаточно подробно изучали литературу всего мира, но именно русские писатели завладели моим юношеским воображением и по сей день занимают в нем особое место.

История, жизнь деревни, культура, славянская душа, простые жизненные радости, вплетенные в печальную канву жизни и описанные такими авторами, как Толстой, Достоевский, Пушкин, Чехов, Набоков, Булгаков и Солженицын, донесли до моего сердца понимание того, что действительно имеет значение в жизни. Я самозабвенно постигал русскую природу и людей. Всем истинным представлениям о жизни я обязан народам севера, откуда много веков назад пришли мои южные славяне.

Огромная страна и во всех отношениях глубокая духовность не могут не поддаться искушению и не впасть в поклонение собственному могуществу и значимости — такова кара каждой великой империи и религии. Эту книгу я предлагаю в качестве доказательства тем жителям противоположной стороны планеты, которые сталкиваются с подобными искушениями. Не только американцам, русским, христианам, мусульманам или атеистам свойственно считать себя центром вселенной. Перед таким соблазном трудно устоять даже моей маленькой Хорватии! Наш девиз гласит: «Бог и хорваты!» Человек находится в затруднительном положении. Мы ведь прекрасно знаем, что ни одна из наших групп не является центром истории человечества и мерилом всей жизни. Вот если бы эта истина о нашем единстве и взаимозависимости проникла не только в наш разум, но и в сердце, в наши поступки и наши сообщества!

Я представляю эту книгу не без опасений, не зная, как дойдет мой язык до русскоязычных читателей. Будут ли мои почтительные слова о Христе адекватно переведены народу, который привнес в мир один из самых прекрасных видов христианского богословия и литургии? Воздадут ли мои упоминания о проблемах и достоинствах ислама и иудаизма должное традициям страны, столь богатой ими? Будут ли мои обращения к атеизму и гуманизму соответствовать многогранности народа и идей, побудивших мир всерьез задуматься о человеческом опыте? Не покажется ли моя речь неприемлемой — и даже кощунственной — народу, который так любит свой язык?

Несомненно, некоторых читателей эта книга доведет до грани раздражения и досады. Но вместе с тем я убежден, что они не станут препятствием. Глубина и дух русских читателей искуплят все, что нуждается в искуплении. Я с нетерпением жду отзывов, обмена мнениями, вопросов и возражений. Как велика эта честь!

В прошлом самыми могущественными были города с наиболее высокими стенами и многочисленными укреплениями. Самые могущественные города современности отличает многочисленность дорог и мостов, аэропортов и коммуникаций. Пусть же так будет и с нашими религиями, доверимся нашим истокам настолько, чтобы разобрать стены и со смирением приготовиться учиться у тех, кто отличается от нас. Великодущие по отношению к окружающим — признак не слабости, а силы. Я надеюсь, что в нашем взаимозависимом и тесном мире Россия щедро одарит мировое сообщество своим благословением.

С уважением, признательностью и волнением Самир Сельманович

ОТ АВТОРА

Спасибо тебе, мама Марта, папа Сеад, сестра Бисера — за то, что научили меня, как следует жить и любить. Спасибо вам, Весна, Эна и Лета, дорогие мои. Мы справились!

Спасибо всем, кто работает в Citylights, Доме веры Манхэттена и других сообществах, поддерживающих меня.

Благодарю всех, кто упомянут в этой книге, и всех, кто подбрасывал поленья в мой костер, утешал меня, когда я оступался, помогал справиться с трудным и прекрасным миром многообразия. В первую очередь это Билл Эшлок, Райан Белл, Натан Браун, Норм Баггел, Рассел Чин, Линнетт Даркен, Роберт Даркен, Дженифер Элвуд, Шон Эванс, Тед Юинг, Лоуренс Джерати, Драгутин Матак, Джулиус Нам, Джон Паулин, Элвин Побласьон, Розмари Побласьон, Монте Солин, Хелми Сильвет, Мэри Йиджер, Зейн И.

Спасибо всем, кто работал вместе со мной над рукописью, в особенности — моему наставнику и другу, заслуживающему звания мастера, профессору Рою Надену, который старательно возделывал этот сад в любое время года. Ваша доброта, терпение и умение спасли меня. Я признателен своему прекрасному литературному агенту Грегу Дэниэлу, замечательному редактору и человеку Шерил Фуллертон — самой доброй фее, о которой только может мечтать автор, а также всей команде из Jossey-Bass/Wiley. Спасибо всем, кто отдал частицу себя и писателю, и тексту. Это Саммер Абоелела, Хорас Александр, Чад Аллен, Вине Андерсон, Юстас Бэрд, Уильям Бевингтон, Мелвин Брей, Мари Браун, Года Чоботар, Элеазар Фернандес, Нэнси Фукс-Креймер, Фриц Гай, Марсия Каннри, Джастин Ким, Пол Ниттер, Джеймс Миллс, Люсинда Мошер, Дэвид Оукли, Марсия Прагер, Ратхи Раджа, Фил Робинсон, Робин Симмонс, Боуи Снодграсс.

Я признателен тем, чье влияние, профессиональная помощь, дружба и поддержка так пригодились мне во время работы над этой книгой. Это Нура Аматулла, Кристина и Радж Атти肯, Лджей Баккер, Лорелея Бэнкс, Айовака Барбер, Кем и Диана Бауэр, Эрих Баумgartнер, Джессика Бинкли, Полина и Райко Бишевач, Лора Босуэлл, Трои Бронсинк, Мири-Энн Бруssa, Рут Брод Шерон, Элис Брайант, Тоан Буй, Тони Камполо, Осман и Эрвин Ченгич, Роберт Чейз, Ио Колберн, Юнис Кордoba, Дэвид Крамм, Бонни Дуайер, Джон Дибдал, Грэг Эпстайн, Марри Эрра, Джекки Эванс, Фред и Анабель Фейсмайр, Джим и Дженелл Фацио, Дуэйн Файк, Сигард Фришманн, Линн Фудзимото, Эрик Ганг, Джейфф Ганг, Бекки Гаррисон, Джулиет Рабиа Джентил, Кристина и Тим Гилмен, Ким и Шелби Герлиц, Шейла Гордон, Марк Гринберг, Лайза Шерон Харпер, Кристина Харрис, Стив Хацман, Петер Хельцель, Сильвия Хордош, Давид Ингбер, Аманда Джексон, Курт и Мишель Джонс, Грэг и Дарла Джонсон, Райан Джонс, Тони Джонс, Кевин и Мишель Кайзер, Дейзи Хан, Майкл Кнехт, Джулиана и Милорад Кожич, Шерил Лейк, Амихай Лау-Лави, Роналд Лоусон, Сэмюэл Леонор, Драгудин Липогар, Грэг Левен, Сэм и Сара Маккэш, Джон Хабир Макгиэн, Митч Макки, Джилл Минкофф, Йосип Мочник, Эктор и Одри Можика, Титус Мюллер, Дэвид Окегера, Энди Падре, Дуг Пагитт, Патель, Виктор и

Денора Печати, Дунья Пехштайн, Стивен Феллс, Ян Подседник, Луиза Пуриче, Нэнси Ракет, Хэзер Рейфснейдер, Пол Ричардсон, Тони Ромео, Ор Розе, Дезире Сантуш-Хо, Мария Сарджент-Уэйн, Фридер Шмид, Грег и Мэри Шрамер, Лори Сантри, Ларри Томас, Мирослав Вольф, Джералд Уайтхаус, Дарлин Зафт и Дженифер Соза. Пусть ваша доброта и впредь становится благом для мира.

Эта книга принадлежит вам, мои родные, друзья, соседи, коллеги и множество других людей, от которых зависит моя жизнь. Я не знаю, где заканчиваются мои слова и начинаются ваши.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Заключительные титры фильма «Неудобная истина» еще ползли по экрану, а мы с моей женой Весной уже вскочили с дивана, чтобы навести порядок в квартире и заняться другими делами. Но наши дочери, 11-летняя Лета и 13-летняя Эма, молча ушли к себе в комнату, и мы последовали за ними, чтобы уложить их в постель.

— В чем дело? — спросил я дочерей, которые не сводили с меня глаз, лежа на своих подушках.

— Что вы натворили? — без тени улыбки спросила Лета. Я замер.

Мы просто застыли. Ты и я.

Наши дети смотрели на нас молча, затаив дыхание. Их невысказанные обвинения и немые надежды относились не только к физическому окружению, которое мы им оставили, но и к духовной атмосфере, которую им предстояло унаследовать.

Я имею отношение к «религиозному бизнесу» уже двадцать лет, и эта книга — выбранный мной способ нарушить молчание, излить горе, попросить прощения и поискать признаки новой жизни. Наши религии, под которыми я подразумеваю любую совокупность значений, — хранители духовной атмосферы в мире. Что же мы натворили? Мы достигли состояния, когда миллионы людей заявляют: «Религия? Нет уж, спасибо. Лучше быть духовным человеком, а не религиозным». Но наш отход от религии в то же время является отходом от таких ее ценностей, как сообщество, понимание, искусство, обряды, организованные действия, трудные уроки. Без религии мы одиноки, непоследовательны и наивны в своем духовном путешествии.

Как заметила в электронном письме Филлис Тикл, автор книг «Божественные часы» и «Великое явление», «каждая вера по-своему мудра в большей или меньшей степени. Различие между нами — наши тайны». Следовательно, честный разговор о наших религиях носит интимный характер. Только когда мы убеждены, что они не повредят нам — хотя могут стремиться понять нас, — мы начинаем делиться не только светлыми, но и темными сторонами своей религии. Вступая в подобные разговоры, нам приходится готовиться к благочестивой неловкости, которой неизменно окружены наши речи о Боге.

Жизнь так широка и глубока, что нашей религии едва оказывается достаточно, чтобы помочь нам воспринять ее. «Это все о Боге» — другой способ сказать «это далеко не все о религии». Данная книга — попытка отступить на шаг вверх, вниз, в стороны от наших религий и взглянуть на них глазами не просто их приверженцев, а человеческих существ. Я написал эту книгу потому, что верю: любовь к нашей религии должна быть столь же динамичной, как любые другие любовные взаимоотношения. Должны присутствовать не только объятия, но и

дистанция — напряжение. «Это все о Боге» — предложение признать существование этой дистанции и найти надежное, добротное, подразумевающее надежду место, позволяющее расположиться в этих взаимоотношениях таким образом, чтобы благотворная любовь к нашим религиям процветала.

Религия, если надлежащим образом придерживаться ее, может изменяться, и когда я смотрю на наших детей, то наполняюсь надеждой. Религии подобны живым существам, и наши дети, а также дети наших детей должны видеть, что мы обращаемся с религиями, как с живыми существами.

Кое-кто из моих друзей, мусульман, атеистов, иудеев и христиан, воспринял подзаголовок этой книги — «История мусульманина атеиста иудея христианина» — как описание человека, который исповедует все четыре религии одновременно. Я не уверен, что подобные люди существуют. Тем не менее, это предположение имеет смысл для высказавших его. «Религиозная принадлежность через дефис» становится реальностью для многих людей, которые обрели Истину, красоту, справедливость — иными словами жизнь, и не только в одних писаниях, традициях и ритуалах. С их точки зрения, просьба все-таки определиться и отказаться от одной религии в пользу другой, сродни принуждению выбрать одного из родителей и отвергнуть другого, или полагаться на один из органов чувств, не пользуясь всеми остальными. Для этих людей важны не столько противоречия и столкновения между религиями, сколько их способность дополнять и проливать свет одна на другую.

Ради полной откровенности признаюсь, что тайна, поддерживающая во мне жизнь, заключена в христианских текстах, истории и сообществе. Колыбель моей религиозной веры — протестантизм, скорее, евангелического толка. Для меня подзаголовок этой книги — в большей степени цепочка характеристик, видоизменяющих существительное «христианин». Я признаю всю честь и позор, связанные принадлежностью к этой религии. Однако я не просто христианин. Подобных людей не существует. Среди нас нет клонов, созданных нашей религией, нет даже людей, которые изо всех сил пытаются быть одинаковыми.

Иные — отдельные лица или группы, не такие, как мы, — всегда рядом, они влияют на нас, уязвляют нас, доставляют нам радость, меняют нас. И поэтому все мы, бесспорно, уникальны. Я не стал бы христианином и не остался бы им, если бы не благословения ислама, атеизма и иудаизма. Надеюсь, что мусульмане, атеисты, иудеи и христиане, читающие эту книгу, услышат еще один голос, подтверждающий, насколько незаменимы сокровища наших разных религий, и не только для нас самих, но и для других. Чтобы поддерживать дыхание жизни в сложном и прекрасном человеческом опыте, наши тайны необходимы друг другу.

Эта книга повествует главным образом о четырех системах значений — трех авраамических религиях и атеизме. Как бы мне ни хотелось пошире раскинуть шатер этой книги, я очень скоро понял, что невозможно объять необъятное. Я не подготовлен для этой задачи и не способен выполнить ее. Но я надеюсь, что сокровища других религий сами прступят между

строк в каждой главе этой книги и будут вновь и вновь дарить нам благословение по мере углубления и расширения темы нашей беседы.

Это книга вовсе не о христианском плюрализме, поэтому всех, кого интересуют мои взгляды по данному вопросу, я отсылаю к великолепной статье, написанной моим другом и одним из наставников, профессором Полом Ниттером «Мой Бог более велик, чем твой», а также главам, включенным в две другие книги.

На многие вопросы, поднятые в этой книге, ранее уже давался ответ. Но вопросы, действительно имеющие особое значение, рано или поздно возникают у нас вновь, приобретают новые формы и обостряются. Для ответа на них я не предлагаю систематическую междисциплинарную Исследовательскую работу. Множество прекрасных книг подобного рода уже написано. Вместо этого я представляю здесь мои личные истории и размышления, прибавив еще один голос ко множеству других, описывающих опыт своей жизни, идеальной лаборатории для всех исследований.

Наши священные писания обращаются к нам, наша жизнь должна дать ответ. Именно так мы любим свои религии, оспариваем их, заботимся о них, преображаем и помогаем осуществлять обещания, данные миру.

Наши дети во все глаза смотрят на нас и верят в нас. Их глазами на нас глядит Бог.

ПРОЛОГ

ЖИЗНЬ ПОБЕЖДАЕТ

Холодным субботним утром в декабре 2001 года Су Ли ждала свою уже опаздывающую подругу на оживленном углу улицы в Манхэттене. Она увидела, что стоит прямо перед дверями церкви у Парк-Авеню — старинной, с известняковыми стенами, где я служил пастором. Ее массивные красные двери символизировали огромные руки Бога, обнимающего всех, кто отваживался зайти внутрь. Так вот что такое Бог, думал я — Он приглашает людей.

Су и большинству ее друзей Церковь представлялась опасным местом. Но холод обжигал, а двери были не заперты. Наступило Рождество, я назвал свою проповедь «Магия христианства». Су, чувствительная и полная жизни кореянка, следовала духовным путем белой магии и викканства, и слова «магия» и «христианство», поставленные рядом, притянули ее из вестибюля в храм. Она села и заслушалась рассказом о яслях в Вифлееме и волшебном моменте в истории человечества, когда, по убеждению христиан, материальный мир, каким он видится нам, людям, и духовный мир Царства Божьего — мир, каков он на самом деле, — в результате взаимопроникновения стали единым целым.

Как я узнал позднее, Су — поразительно стойкий человек, мать-одиночка, горожанка, научившаяся выживать между мельничных жерновов Нью-Йорка с улыбкой марафонца, который в самую трудную минуту вошел в ритм. Нам с женой понравилось общаться с ней. Нам нравилось, как тщательно она строит фразы. Нравилось, что она уделяет невысказанному столько же внимания, сколько и сказанному. А еще нам нравилось, как она обращается со всеми и всем, что ее окружает. С состраданием. За несколько месяцев Су и ее маленький сын Тристан стали друзьями нашей семьи. Вскоре мы привыкли заботиться о самой Су и ее малыше, как о родных детях.

Через несколько месяцев после знакомства с Су в моей церкви было намечено проведение ежегодного собрания национальной сети, к которой я принадлежал; на нем должны были присутствовать преимущественно профессиональные священнослужители и церковные лидеры. Во время завершающего этапа главной службы, названного «Откровения о неудачах», шесть лидеров должны были поведать нам, какие неудачи постигли их в религиозной деятельности. Но без дополнений вроде «как Бог изменил положение к лучшему ради меня» или «как моя неудача в действительности стала успехом». Не предполагалось ни объяснений, ни оправданий — участники должны были просто встать, поделиться своими бедами и сесть. А мне предстояло за месяц найти человека, который смог бы обратиться к этим страдающим людям со словами исцеления.

Я начал мысленно перебирать людей, которые опекали и поощряли меня, и сразу вспомнил о Су. Но эта идея показалась мне абсурдной. Су? Разве можно просить человека, практикующего магию, обратиться к группе священнослужителей? Она не сможет ни прославлять, ни

защищать нашу религию, потому что не принадлежит к ней. Но оказалось, благодаря опыту общения с Су в стене, отделяющей «нас» (тех, кто «внутри») от «них» (тех, кто «снаружи»), появилась трещина. А затем родилась мысль, возникла возможность, которую я счел и досадной, и ободряющей. Что, если и Бог находится «снаружи»? Разве Богу обязательно отсутствовать в одном месте, чтобы присутствовать в другом?

Мысль о приглашении Су в святая святых нашего христианского опыта вызревала подобно вину, опьяняющему мою ортодоксальную веру. Все, чему меня учили, свидетельствовало о том, что Бог, в своей безграничной мудрости и любви, предпочел пребывать в нашей религии. Это утверждение настолько несомненно, что за его правильность можно поручиться жизнью. Однако весь мой опыт, приобретенный за время общения с Су — и, как я постепенно понял, за годы общения с другими людьми, подобными ей, — говорил о том, что Бог пребывает в жизни людей. Всех людей. Одурманенный этими мыслями, я колебался. Что должно победить? Религия? Или жизнь? Надо ли использовать жизнь как опору для моей религии? Или с помощью религии восславить жизнь?

— Хорошо, я согласна, — с улыбкой ответила Су на мой вопрос. И добавила: — Но только если мне можно молиться Богу как Матери.

— Су... — начал я и осекся, проглотив мимолетное сожаление при мысли, что я напрасно вообще обратился к ней, — среди этих религиозных лидеров некоторые обессилены и сломлены, и наша задача на этот день — не пополнить их познания в богословии, а утешить их.

— Понимаю, пастор Самир. Так будет правильно. На этот раз. Дискуссию об одержимости христиан фаллической властью пока отложим, — со снисходительной улыбкой продолжала она. — А если я буду молиться Богу как Святому Духу?

— Чудесно, — с облегчением отозвался я.

В день собрания, после того как шесть «неудачников» поделились своими историями, присутствующие затихли, ошеломленные суповой правдой жизни в применении к религиозной и общественной работе. В большинстве своем мы, верующие, являясь к местам религиозного поклонения с целью получения религиозных «товаров и услуг», полагаем, что наша вера триумфально наступает по всем фронтам. Никто не хочет участвовать в битве, которая грозит завершиться поражением. Поэтому после разговора о неудачах, рассказов, в которых не было счастливых финалов, в наших сердцах возникла невыносимая пустота.

Как гласит Священное Писание, Бог творит в пустоте.

Затем пришла очередь Су молиться. Представив ее собравшимся, я отступил, вновь пожалев о своем выборе, стиснул зубы, почувствовал, как взмокли ладони. Как меня угораздило

предложить поклоннице магии благословить собрание консервативных христиан? Может, я захотел лишиться работы?

Или внял призыву Иисуса — потерял свою жизнь, чтобы обрести ее?

Твердым голосом человека, который не сомневается в постоянном и повсеместном присутствии Божьем в нашей жизни, Су заговорила:

— Уважаемый Святой Дух, я не христианка. Но обо мне и моем сыне заботятся в этой церкви. Эти люди, идущие за тобой, трудятся изо всех сил, чтобы изменить к лучшему мир и любят таких, как мы. Но теперь они устали, они растеряны и обескуражены. Пожалуйста, помоги им увидеть, как на самом деле важен их труд. Каким стал бы наш мир, если бы в нем не было таких людей, как они? Помоги им и впредь заботиться о том, чтобы люди, подобные мне, нашли лучший путь.

Случаются религиозные переживания, способные вызвать «перезагрузку» наших сердец с обновленной верой в Бога, человечество и мир, загруженной в систему нашей души. Это был один из таких моментов. Все притихли, слова Су распространились в воздухе, подобно сладкому языческому аромату. Если некоторые замерли, оскорбленные появлением Су на нашей церковной кафедре, большинство будто согрелось в ее сострадании к нам. Мы надеялись: если мы будем сидеть тихо, возможно, услышим от нее еще что-нибудь, увидим, как она вступится за нас перед Богом.

Жизнь победила.

Когда все разошлись, я присел на скамью в пустой церкви, чтобы внести в блокнот краткую запись: «Нам страшно найти нашего Бога в иных. Почему мы боимся этого чудесного события?».

НЕВЫНОСИМАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

В разные периоды своей жизни я принадлежал к лагерям мусульман, атеистов и христиан. И в каждом из них я находился в состоянии достаточной определенности. Я верил, что мы — кем бы ни были эти «мы», к которым я себя причислял, — правы. А если мы правы, думал я, значит, остальные заблуждаются. Существовали «свои» и «чужие», и меня утешало сознание принадлежности к «своим».

Даже сейчас, когда мне уже за сорок, я знаю, что мне не выжить без определенности какого-нибудь рода. Чтобы жить, мне нужен надежный фундамент, почва, на которой я смогу поддерживать в себе жизнь, место, чтобы раскинуть шатер, территории, где можно завести друзей.

Но последние несколько лет определенность моего религиозного мировоззрения «свой-чужой» внушает мне сомнения. Этой определенности свойственно разделять мой мир, изолировать меня от «чужих», которые, как считали мои собратья по религии и я сам, не способны наставить меня, благословить меня, поправить меня в вопросах Божьих.

Теперь я ищу более подходящий способ стоять на позициях моей излюбленной религии, иначе беречь сокровища моей веры. Теперь я ищу другую, лучшую определенность.

Чтобы расчистить внутри место, я решил впустить в свою жизнь некоторую неопределенность — хотел бы я сказать, что этот опыт оказался чудесным! Ничего подобного. Это было все равно, что ступить на хлипкий подвесной мост, оставив позади твердую почву, без какой-либо уверенности в том, что я найду впереди, за густым туманом. Сомнения в моих определенностях оказались тоскливыми, мучительными опытом.

Неопределенность причиняет боль.

Однако именно эта неопределенность спасала мне жизнь. Сомнение увлекало меня вперед. Когда я позволил новым вопросам служить сосудами моей веры, жизнь побеждала. И становилась шире. Я прорастал в глубину, где мог найти свежие, сильные новые течения.

Суфийский поэт XIII века Мевлана Джалаладдин Руми, великий знаток древних писаний, богословия и закона, признается:

*Te, кто не ощущает,
Что это Любовь притягивает их,
Подобно реке;
Te, кто не пьет зарю,
Словно чашу воды ключевой;
Кто не вкушает закат,
Словно вечернюю трапезу;
Te, кто не желает меняться —
Пусть они спят.
Эта Любовь превыше поучений теологов,
Этих старых уловок и лицемерия.
Если ты надеешься таким способом
Усовершенствовать разум, — Продолжай спать.
Я свой рассудок забросил,
Я в клочки разорвал всю одежду
И вышвырнул ее прочь.
Если ты догола не разделся,
Завернись в изящное*

*Одеяние слов —
И спи.*

(Пер. Л. Тираспольского)

Руми сомневается в словах, особенно в словах, касающихся Бога, и вместо этого доверяется жизненному опыту. Но не потому, что слова лгут, а потому что в сравнении с самой жизнью слова, стремящиеся объяснить жизнь, — сноторное. Наш опыт жизни не может быть выражен простым языком. Наши формулировки поверхностны. Жизнь перетекает через их края.

Если экстатические речи Руми о потере веры в слова, которые силятся определять или отвергать Бога, нашли в вас хотя бы мимолетный отзвук, продолжайте читать, и мы проделаем этот трудный путь вместе. Но если вас тянет остаться на твердой почве, лучше всего поддаться порыву и избавиться от этой книги. Блаженство твердой почвы достается с трудом, и, как мне теперь известно, его слишком легко недооценить.

Для меня определенность моей изолирующей системы убеждений стала невыносима. Долгое время я пытался отрицать ее. Я твердил себе, что обязан свято придерживаться своей веры. Но в конце концов мне пришлось честно признать, что происходит со мной, и лицом к лицу встретиться с моей боязнью неопределенности.

БОГ, ДОСТОЙНЫЙ ПОКЛОНЕНИЯ

Я взял себе за правило совершать вылазки за пределы христианства. Я предпринимал их, во-первых, для того, чтобы выяснить, есть ли мой Бог за пределами моей религии, вплетен ли Он в канву всей жизни, и, во-вторых, чтобы взглянуть на мою религию со стороны и понять, каким образом моя религия, подобно любой другой, исключает «иных». В этом процессе я принял на вооружение простой вопрос, который помогает мне ориентироваться в пути: достоин ли поклонения Бог, который оказывает предпочтение одному за счет другого?

Именно этот очевидный вопрос парализует традиционный иудаизм, христианство и ислам. С ним мы боролись на протяжении всей истории. Но сегодня иные быстро вторгаются в наше политическое, экономическое, концептуальное, семейное и эмоциональное пространство. Никогда прежде мы не ощущали такой взаимосвязи.

И как никогда прежде, присутствие иных во всей красе, хрупкости, достоинстве и потребностях требует наших ответов. Если Бог создал все человечество, но наделил дарующими жизнь знаниями — обычно называемыми «откровениями» — лишь некую часть человечества, может ли Бог хоть в сколько-нибудь значимом смысле считаться Единым Богом, а не просто неким божеством? Разве такое божество не было бы исторически и географически локальным, и, следовательно, либо незаинтересованным и бессильным, либо по иной причине не

способным наделить все человечество знаниями, спасающими жизнь? Утверждение, будто Бог решил явиться всему человечеству посредством всего одной конкретной религии, не убеждает и не удовлетворяет, когда речь идет о Боге. Как только я сделал для себя это открытие, каверзные вопросы начали возникать с поразительной силой и настойчивостью.

Я начал рассуждать, что либо каждое человеческое существо имеет подлинную возможность познать Единого Бога, либо Бог не может в хоть сколько-нибудь значимом смысле быть Богом всего человечества. Иными словами, если познание Бога — способ жизни и если Бог разделил мир посредством откровения, тогда участь тех, кто не получил дарующего жизнь откровения Божьего — служить не чем иным, как «контрольной группой» в эксперименте космических масштабов, обильным человеческим жертвоприношением. Строго говоря, Яхве, Авва (то есть «папа», как с любовью называл Бога Иисус) или Аллах ничем не отличаются от Молоха, древнего бога разрушения, во славу которого, как сказано в Библии, требовалось приносить человеческие жертвы.

Большинство людей или по крайней мере часть их были бы в этом, случае сотворены Богом ради единственной цели — умерщвления. Достоин ли поклонения такой Бог? Я спрашивал себя: «Вправе ли мы задавать подобные вопросы о Боге? Можем ли мы подвергать сомнению мотивы, мудрость, возможности Бога?» И пришел к выводу, что не только вправе, но и обязаны. Вера — акт возложения на Бога больших надежд. Так почему бы и не спросить? Наши священные писания побуждают нас твердить, что Бог есть свет, в котором нет тени. Большие надежды — не оскорбление имени и сущности Бога, а Его почитание. Это способ отличать Бога от не-божеств, способ поклонения Богу.

Временами мы говорим себе: «Бог — тайна, пути Господни неисповедимы. Значит, все, что связано с объяснением сущности Бога и Его путей, недоступно нашему пониманию. Мы не Бог, нам придется смириться со своим незнанием». Это я осознал. Я осознал, что мы не можем этого понять. Да, мы не в состоянии познать Бога таким, каков Он есть. Мы — всего лишь человеческие существа. Но вопросы о Боге отнюдь не казались мне бессмысленными. Слова «Бог — тайна» слишком часто служат для прекращения разговора в корыстных целях, ими пользуются, чтобы избежать необходимости отвечать на вопросы, ответов на которые мы не знаем. Мы можем следить за тем, чтобы наши представления о Боге оставались неоспоримыми, оберегать их от выводов, которые могут вынудить нас допустить присутствие Бога в людях, с которыми мы не согласны. Если принимать во внимание подобные вопросы, может понадобиться изменить наше богословие, богослужение, ритуалы. Рабство определенности способно вытеснить свободу веры и лишить нас возможности говорить: «Мы не знаем», «мыносим извинения», «мы хотим измениться», «что и как мы можем исправить?»

Если мы предпочитаем толковать наши священные тексты и бережно хранимые традиции таким образом, чтобы способствовать укреплению представлений о Боге, который сторонится людей, не принадлежащих к нашей религии, разве этот выбор не сделает Бога не только

менее божественным, но и менее человечным? Разве Бог не должен обладать способностью к справедливости и состраданию — по крайней мере, соответствующей человеческой? Все эти вопросы не давали мне покоя, пока я признавался в сомнениях. Или у каждого есть реальная возможность обрести Бога и, следовательно, жизнь, или Бог недостоин поклонения. Представления о Боге, который таинственным образом сторонится всех, обманывают нравственные ожидания широких народных масс и должны обманывать нравственные ожидания страстно верующих. Ибо Бог, сотворивший человеческие существа и обрекший их на смерть, дабы продемонстрировать последствия жизни вне иудаизма, христианства или ислама, несовместим с самой сутью учений иудаизма, христианства и ислама. Представлять себе Бога отдающим предпочтение какой-либо группе людей было бы просто не по-иудейски, не по-христиански и не по-мусульмански. В этом случае место Единого Бога заняло бы божество. Если Бога нет за пределами наших религий, Его наличие в них уже не имеет значения.

Если Бога нет снаружи, рушится то, что внутри.

НАШ БОГ И МОЯ РЕЛИГИЯ

Я не говорю, что возможно или желательно свести религии всего человечества к одному универсальному набору принципов. Такое слияние неизбежно привело бы к тривиализации, растрачиванию и в конечном итоге — к потере сокровищ религии и культуры. Стремление к общему благу и духовному единству всего человечества зачастую предписывает навязывать всем эти «очевидные» универсалии. Все мы отличаемся каждый своей историей и образом бытия. Универсальным в нас является то, что все мы особенные. Нам принадлежит это сокровище разнообразия, и нашей первой здравой реакцией на подобное положение вещей должна быть благодарность.

Но верно и то, что мы не можем изолировать наши религии одну от другой. Полное обособление наших языков и смыслов повлекло бы за собой в равной степени сокрушительную потерю широкого человеческого сообщества. Мировые сообщества в сфере бизнеса, образования, искусства и науки преодолели изоляцию человеческих сообществ быстрее, чем наши религии. Класс моей дочери в государственной школе более разнообразен в религиозном отношении, чем иные межрелигиозные конференции, на которых я побывал. Религиозные сообщества в настоящее время функционируют, как дети, только начинающиеходить, в яслях: специалисты по психологии развития называют их способ развлечения «параллельной игрой» — дети играют рядом, но не друг с другом. Живя параллельно, мы не создаем синергии, способной помочь нам исправить свое внутреннее «я» и мир.

В общем и целом наша межрелигиозная жизнь на бытовом уровне состоит из ряда таких мероприятий, как ежегодные концерты, праздничные обеды, конференции, групповые дискуссии, богослужения. Попав на одно из них, я обычно чувствую себя как на выпускном

балу. Люди собираются, наряженные во все лучшее, молча наблюдают, уттиво беседуют, держатся непривычно близко друг к другу. Всем неловко. Когда заканчивается мероприятие, мы наконец обмениваемся рукопожатиями, говорим друг другу: «Все прошло на редкость удачно. Попробуем еще раз приобщиться к межрелигиозной жизни в следующем году», и расходимся по домам.

Я не отстаиваю ни средний путь, при котором обе стороны частично отказываются от чего-либо значимого для них ради сосуществования, ни жизнь, при которой все мы замкнуты на своем значимом и никогда по-настоящему не поддерживаем связи друг с другом. В этой книге рассказывается о моих поисках четвертого пути. Я пришел к убеждению, что Бог, который отдает мне предпочтение перед другими, недостоин поклонения. Чтобы по-настоящему заботиться обо мне, мой Бог должен также заботиться о вас. Я попытаюсь доказать: чтобы религия вновь завладела человеческим воображением, богословие и богослужение, теория и практика поиска Бога в иных, должны быть направлены от границ нашего религиозного опыта к его центру. Биение сердца религии, которое благословит мир, должно достигать его краев.

Мы уже начинаем осознавать, что наши отношения с иными и отношения с Божественным Иным неразрывно взаимосвязаны. Сейчас на нас лежит обязанность, нам принадлежит право искать и находить «священное пространство» вне стен нашей религии. Какой шанс! Мы наполнили наши религии своим «я», и самый прямой путь к новому водовороту свежего и содержательного религиозного опыта — поиск и нахождение образа Божьего в тех, кто не соответствует нашему образу. Все это действительно относится к Богу, а Бог на самом деле имеет непосредственное отношение ко всем нам.

ВЕРА ДРУГИХ ЛЮДЕЙ

Но признание наличия абсолютной истины, справедливости и красоты в иных может дорого обойтись. Для многих из ваших и моих товарищ по вере это все равно, что отречься от убеждений наших сообществ, совершив предательство. Когда я стал христианином, мои взбешенные родные, атеисты и мусульмане, выгнали меня из дома на два года. В то время я учился в колледже, изучал проектирование строительных конструкций и был вынужден полагаться на доброту чужих людей, кочуя из одного дома в другой. Когда я начал сомневаться в христианских выдумках о превосходстве над всеми прочими религиями, мне пришлось принять нелегкое карьерное решение, отказаться от стабильной работы в большой церкви и вместе с женой и двумя маленькими дочерьми начать жить заново.

Вот почему каждому из нас следует хорошо подумать, прежде чем всерьез задуматься о сакральном в иных. Руководители организаций, к которым мы относимся, будь они либеральными, консервативными и любыми другими, не знают, что делать в этом случае. Не знают и наши родные. Слишком во многом то, кем мы являемся, зависит от сохранения поляризованного и раздираемого конфликтами мира. Вызов, брошенный такому положению

вешней поисками Бога в иных, не только подрывает наше общественное чувство идентичности, но также изменяет наши социальные и экономические структуры на каждом уровне, от семейного, до общеноционального. Каким-то извращенным способом мы научились извлекать выгоду из несчастного разделенного мира, который сами создали. Теперь нам предстоит отучиться от того, что, как нам кажется, мы знаем, а затем осваивать искусство признания новообретенной реальности нашего глобально взаимосвязанного сообщества.

Если вы хотите избрать этот путь и бросить вызов истине, усвоенной с ранних лет, утешением вам могут стать слова любимого писателя квакеров Паркера Палмера:

«Где люди черпают смелость, чтобы впредь жить без разделяющих барьеров, если им известно, что за это их постигнет кара? Ответ, который я находил в жизни таких людей, как Роза Парке, прост: они преобразили представления о самом наказании. Они пришли к пониманию, что никакое наказание, которое кто-либо способен наложить на них, не может быть хуже наказания, которому они подвергают сами себя, участвуя в унизительном для них заговоре».

Для меня продолжать повторствовать выдумкам сторонников доминирования моей религии — все равно что унижать и себя, и свою религию. Мое путешествие с Богом прекратится. В моей жизни нет будущего для такого Бога.

Проблема разделения мира на «своих» и «чужих» ограничивает все системы значений. Я не задаюсь вопросом, нужны ли нам границы, чтобы обладать идентичностью. Очевидно, нужны. Мой вопрос касается нашей практики проведения черты между нами и иными на основании обладания тем, что не может принадлежать нам.

До нас постепенно доходит: никто из нас не вправе распоряжаться Богом. Райнер Мария Рильке написал стихи, в которые вошли эти строки:

*Не удивляйся. Мой, мое, моя они всему на свете говорят.
Так ветер мог бы, рыская в ветвях,
сказать: мой сад. [...]
Твердят «мое», включают в обиход,
приобретают и суют в карман.
Какой-нибудь безвкусный шарлатан
и солнце так, пожалуй, обзовет.
Твердят они: мой дом, моя жена,
и отповедь как будто не слышна,
хотя жена, и дом, и все кругом
глухие стены, — можно только лбом,
прилизившись, о стены расшибиться [...]
И если кто-нибудь Тебя возьмет*

*в свою мольбу, в свою людскую дрожь:
вновь на восход
Ты, гость, уйдешь.
Удержит кто Тебя? Кому дано
владеть Тобой? Из наших рук бежишь.
Все слаще Ты становишься, вино,
но лишь Себе вовек принадлежишь.*

(Пер. В. Топорова)

Эти слова служат мне глубоким утешением. Определенность моей личной системы убеждений уступает место представлениям о Боге, которым я не могу владеть, таким образом открывая путь к лучшему виду определенности.

Англо-ширианский философ Ананда К. Кумарасвами пишет: «Современный христианин, считающий мир своим приходом, сталкивается с мучительной необходимостью становиться гражданином мира; его приглашают принять участие в симпозиуме и convivium [застолье], но не председательствовать — ибо есть Другой, председательствующий незримо, — а стать одним из многочисленных гостей».

На собственном опыте я убедился, что мы, религиозные люди, особенно иудеи, христиане и мусульмане, постарались перестраховаться. Мы говорим, что верим в Бога всех людей. Но на самом деле это не так. Нам трудно мириться с мыслью, что и другие могут научить нас чему-то важному, связанному с нашей святыней, нашим Богом. Мы склонны одобрительно кивать другим, когда они просто повторяют то, что нам уже известно. О взаимном обмене и речи нет.

Да, мы готовы защищать Бога, в которого верим. Но можно ли сказать что-либо значимое о Боге с позиции защиты? И атеисты время от времени переходят в наступление. Борясь с религией и религиозными людьми, новые атеисты порой попадаются в ту же ловушку, что и верующие, окружая воинствующую догму кольцом фургонов.

Хотя они «твердят "моё"», как пишет Рильке, Бог отказывается принадлежать нашим религиозным конструкциям и соответствовать им, оставаться в наших духовных категориях или держаться в стенах наших богословий или идеологий. Может быть, пришло время религиозным людям отказаться от Бога, в которого они верят, а атеистам отказаться от Бога, в которого они не верят? Тогда наши разговоры о Боге перестанут превращаться в строительство стены, разделяющей нас, и станут словами и поступками, связанными с тем, что имеет для нас значение, с этим чудом своеобразия и единства, происходящим сейчас на этой земле. Правильно осуществленный акт отречения от наших собственнических притязаний на Бога станет не предательством своей религии или взглядов, а выражением признательности Богу и подтверждением прекрасного дара, которым наделены все мы, — жизни.

Кроме того, Кумарасвами утверждает, что даже самые образованные религиозные люди практически ничего не знают о вере других людей, «потому что они никогда не пытаются представить себе, каково было бы жить этими другими верами. Точно так же, как невозможно подлинное знание языка без изобретательного участия в деятельности, связанной с этим языком, не может быть и подлинного знания той или иной «жизни», если не пожить ею в какой-либо мере».

На нашей тесной планете с ее взаимосвязями и взаимными зависимостями рушатся барьеры и преграды, которые когда-то позволили нам замалчивать вопросы жизни Бога среди приверженцев других религий. Наши жизни взаимосвязаны, наше будущее определяется нашей способностью устремлять взгляд дальше, чем просто к мирному сосуществованию, и учиться процветать в атмосфере взаимозависимости.

В настоящее время мы живем вместе с «иными» — в наших семьях, на рабочих местах, в жилых кварталах.

Вся планета — один большой дом. «Параллельная игра» закончена. Одна за другой наши религии и картины мира продолжают проигрывать битву с жизнью, а мы тем временем учимся с уважением относиться к тому, о чем говорит опыт нашего сосуществования. Теория и практика поисков Бога в других смещается от границ нашего религиозного опыта к его центру. Более удачная определенность уже в пределах нашей досягаемости.

Жизнь победит. Жизнь всегда побеждает.

А религия? Ей предстоит лишиться своей жизни, чтобы обрести ее.

На следующих страницах я приглашу вас совершить прогулку по некоторым эпизодам моей жизни. В моей истории вы — желанный гость. И если мне когда-нибудь выпадет честь познакомиться с вами, я не прочь услышать вашу историю.

ГЛАВА 1

БОГ, РЕЛИГИИ И ТАЙНЫ ЖИЗНИ

Раз в год мы возим своих двух дочерей, Эну и Лету, на кладбище. Мы навещаем мертвых. Обычно мы делаем это в отпуске, чаще всего в шаббат, в городе, где нет общины, богослужения которой проводятся в субботу. Моя жена Весна находит на карте ближайшее кладбище, я собираю корзину для пикника, все мы стараемся принарядиться.

Мы рассматриваем памятники. Новые, запущенные, ухоженные, забытые. Памятник монахини-католички, мавзолей отважного пожарного, участок с могилами мусульманской семьи, надгробие поэта. Девочки отмечают детали на портретах, впечатанных в поставленные вертикально каменные плиты. Спрашивают, кто приносит свечи и можно ли рвать цветы, растущие вокруг памятников. Бегают и вдруг замирают, заметив вдову, которая, стоя на коленях, моет плиту на могиле мужа.

Думая о тысячах могил в тысячах городов за тысячи лет, мы силимся представить себе, сколько смеха и слез погребено под нашими ногами. И всякий раз начинаем держаться вместе, девочки, угомонившись, берут нас за руки.— Мама, папа, что такое кладбище?

— Место, где мы вспоминаем.

— Вспоминаем что?

— То, что успели забыть с тех пор, как в последний раз побывали на кладбище.

— Я забыла. Что, папа?

— Что жизнь — это дар.

— Папа, может, тогда надо сходить и туда, где рождаются люди.

— Да, так и сделаем.

«ТОНКИЕ МЕСТА»: ГДЕ ВСТРЕТИТЬСЯ С БОГОМ

В Ирландии христианство распространилось без кровопролития — весьма редкое явление в истории религии. Когда в 431 году н.э. святой Патрик познакомил кельтов со своей религией, он узнал, что Бог был у кельтов еще до христианства. Поэтому вместо того чтобы полностью отказываться от их духовного опыта, Патрик обнаружил присутствие Бога за пределами стен своей религии. Он демонстрировал красоту своей веры так, как научился у этого зачастую грубого, но уже духовного народа, в контексте его веры, в итоге возникла новая, свежая

христианская духовность, отличающаяся от современного ей римского аналога и сохраняющая притягательность по сей день.

Кельтские христиане стремились к «тонким местам» — уголкам на границе миров, где перегородка между простой материальной реальностью и реальностью божественного присутствия истончилась, стала мягкой и проницаемой. Для них «тонкие места» — точки в пространстве и во времени, где мир Бога («реальность в том виде, в каком она есть») пересекается с нашим миром («реальность в том виде, в каком мы ее воспринимаем»), так что этот мир Бога можно увидеть, потрогать, попробовать на вкус, ощутить неким безошибочным образом. Считается, что на побережье, в фьордах, возле рек и колодцев завеса между мирами настолько прозрачна, что сквозь нее почти что можно пройти.

В течение восьми лет из последних двенадцати многолюдные улицы Нью-Йорка были моим «тонким местом». Мне нравится бывать то там, где можно понаблюдать, как люди отдыхают — например, в Юнион-сквер-парке, то там, где можно посидеть и посмотреть, как горожане спешат на работу или с работы. Жизнь в Нью-Йорке предъявляет к ним суровые требования, их походка так же энергична и резка, как их существование. Они движутся быстро и решительно, влекомые стремлением, подозрением — или, скорее, знанием — что в мире есть нечто большее, чем монотонный дневной гул, производимый человечеством, спрессованным в фабрику грез размером с большой город. Тем не менее, этот город — священное место; Бог любит людей, и где люди, там и Бог. Этот большой город, в который помещена любовь Бога в сжатом виде, — «тонкое место» для горожан, имеющих глаза, чтобы видеть, и уши — чтобы слышать. «Тонким местом» может быть разговор, сновидение, комната, дерево, рассвет, побережье, танец, человек, научная лаборатория, день субботний, евхаристия, трапеза ранним утром перед началом поста в Рамадан. Однажды, когда я преподавал в христианской богословской семинарии в Мичигане, одна девушка на занятии подняла руку и вызвалась рассказать о впечатлении, которое привело ее в лоно веры. Это случилось много лет назад, когда, находясь в своей комнате и сидя за компьютером, она обернулась, чтобы дотянуться до книги. Она унюхала Бога. Именно так она выразилась. Мысли остальных присутствующих так и читались по их лицам: «О, нет! Вот от таких-то бес tactностей и страдает репутация нашей респектабельной религии, христианства. Лучше бы мы поговорили о чем-нибудь здравом и реальном». Но та, кого они имели в виду, была в здравом уме и не теряла связи с реальностью, она сияла, как ясный и снежный мичиганский день за стенами класса в университете Андрюса. Очутившись в своем «тонком месте», эта девушка уловила аромат Бога, и ее жизнь переменилась.

«Тонкие места» — точки остановки, где мы, по крайней мере, на какое-то мгновение окружены тем, что лежит за порогом мира, доступного восприятию нашими пятью чувствами. Подобные впечатления подкрепляют наши надежды и ассоциируются с нашими убеждениями. Два мира становятся единым целым.

ЧАСТИЦА ВЕЧНОСТИ В НАШИХ СЕРДЦАХ

Мудрец в книге Екклесиаста говорит, что Бог «вложил вечность в сердце» людей (В Синодальном переводе: «вложил мир в сердце их». — Прим. пер). Это значит, что мы хотим жить не просто вечно, а придать вечный характер жизни прямо сейчас, в рамках нашего нынешнего преходящего существования. Мы привыкли делить жизнь — и Бога — на имманентное и трансцендентное, на «здесь и сейчас» и «там и потом». Екклесиаст же утверждает, что «там и потом» заложено в центре «здесь и сейчас».

Некто или Нечто вложил эту частицу вечности в наш внутренний мир. Край этой божественной занозы впивается в наши смертные ткани. Неудивительно, что каждый поворот жизни ранит нас. Мы существуем, но хотим большего. Иногда это желание ощущается как тупая боль, иногда — как резкая и острыя, когда заноза проникает в плоть.

Так Бог благословляет нас. Мы обращаем внимание на ту часть тела, в которой ощущается боль. Мы поминутно разглядываем ее. Мы щупаем ее, моем, охлаждаем, согреваем, чешем, подсасываем, покусываем, оставляем ее в покое. Мы пытаемся забыть о ней. Но тщетно.

Жизнь — настолько грандиозный дар, что мы неизбежно начинаем стремиться к большему, нас влечет Некто или Нечто, от кого мы получили этот дар.

Зачастую эта заноза ощущается не как присутствие Бога, а как его отсутствие.

Всем нам случалось смотреть по телевизору какое-нибудь из вездесущих «реалити шоу». «Люди устали от виртуального, — твердят представители СМИ, — потому и жаждут реальности». Года два назад одна телесеть предложила нашей семье принять участие в таком шоу, по условиям которого две семьи на некоторое время должны были поменяться одним из членов. Продюсеры сочли, что присутствие семьи священнослужителя оживит шоу. Предложение подкрепили обещанием 50 тысяч долларов в случае согласия.

Все это прозвучало заманчиво. А затем началась подготовительная работа. Для окончательного отбора от нас требовалось предоставить для шоу срез нашей реальности — снять домашнее видео с таким расчетом, чтобы «интересно преподнести нашу повседневную жизнь». Список требований к видеоматериалам занимал две страницы. Нас просили быть не такими, какие мы есть на самом деле, а стать подчеркнуто привлекательной версией самих себя. Несмотря на все уверения телевизионщиков в обратном, реальность их не интересовала. Да, мы не были актерами, которым платят за работу, Тем не менее, нас просили сыграть роли. Мы должны были играть самих себя.

Вместо того чтобы подводить нас ближе к тайне нашей жизни, «реальное телевидение» скрывает ее. Нашу семью попросили не снимать скучных, беспорядочных и небогатых событиями сторон нашей повседневной жизни. От нас потребовали утаивать подобные

банальности и вместо этого старательно преподносить наше самое интересное «Я». А между тем сама тайна жизни скрыта в обыденности, в ее утомительности, повторяемости, временном характере, непоследовательности. Мы с женой отклонили предложение и вернулись к нашей работе, стирке и оплате счетов.

Поскольку подобные шоу утаивают реальность от зрителей, они вполне могут быть одним из многочисленных средств, которыми мы притупляем боль, вызванную этой занозой, осколком вечности, и тем фактом, что человеческая жизнь сама по себе является просто чередой проходящих дней. В боли человеческих несчастий и страданий нет ничего гламурного. Совсем напротив: боль, которую причиняет нам «вечность», ощущается как отсутствие Бога. А мучительнее отсутствия Бога не может быть ничего.

Но жизнь, которая носит вечный характер, всегда начинается именно там — в жизни как она есть. Мы ощущаем эту боль как раз потому, что Дар существует здесь и сейчас, среди нас. Таким образом, боль божественного отсутствия становится знаком божественного присутствия. Не в том, что происходит «на камеру», а в текстурах, звуках, голосах, событиях, отношениях и переживаниях обыденности угадывается Бог.

Бог есть.

Если он не здесь, то где же? Если не сейчас, то когда? «Реальность, какова она на самом деле» Иисус назвал бы «царством Божиим» и повторял бы: «Оно уже рядом. Оно здесь». Всю свою жизнь мы проводим на границе между двумя мирами: с одной стороны — целостный мир в том виде, какой он есть, с другой — упрощенный мир, воспринимаемый пятью чувствами.

А каждая жизнь — это «тонкое место» между ними.

ЧТО ПРИДАСТ НАШЕЙ ЖИЗНИ СМЫСЛ

Поклонение кумирам чуждо иудаизму. Заповедь Божья гласит: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли». Следовательно, ничто не может быть «бе-целем Эло-хим» — образом и подобием Бога. Ничто и никто. Вместе с тем иудаизм и Библия учат, что в мире есть нечто, сотворенное по образу и подобию Бога. Это не храм, не дерево, не статуя и не звезда. Единственный символ Бога — человек, каждый мужчина и каждая женщина.

Бог сказал: «Я создал мужчину и женщину по моему целем» (образу).

Это учение имеет многочисленные и многозначительные подтексты, главный из них заключается в том, что в каждой из наших жизненных историй является Бог. И прекрасные истории, и те, которыми мы ни с кем не делимся, вносят свой знак восклицания в вопли, обращенные к небесам нами, живущими на земле. Независимо от своих идеологических и

религиозных убеждений, все мы живем надеждой, что вместе все наши истории в итоге сплетутся в gobelen любви и смысла.

Библия говорит, что с человечеством все идет отнюдь не так гладко. Что-то разладилось. Что-то сломалось. Но рядом всегда та же благодать, которая создала нас и способна восстановить. Иудеи сказали бы, что, следовательно, восстанавливающее откровение Бога человечеству зависит от нас с вами, от наших рассказов о сохранении и восстановлении. Бог предпочел поместить свою истину и красоту в нас! Иудаизм учит, что невозможно познать Бога, не познав человека, и познать человека, не познав Бога. Вот почему иудеи утверждают, что самый верный путь к познанию — истории, притчи, а не информация. Ни один факт не в состоянии говорить сам за себя. Каждая истина зависит от истории, от контекста, а каждое богословское учение представляет собой биографию.

Сегодня мы ведем опосредованную жизнь, привыкаем скорее наблюдать за ней с помощью СМИ, чем проживать ее; мы отворачиваемся от собственных историй и историй окружающих нас людей, словно они и вправду то, чем кажутся — обыденность, череда проходящих друг за другом дней. И «тонкие места» посещаются все реже. Наше воображение становится пассивным и ленивым, наши фантазии — все более похожими, поскольку они скрежиссированы профессионалами. Опасаясь обрести поразительное великолепие в своей заурядной личной жизни и ничем не примечательных сообществах, мы не решаемся искать Бога в себе и в окружающих.

По сути дела, мы боимся быть образом Бога. Нас ужасает перспектива отыскать образ Бога в тех, кто не представляет собой наш образ и наше подобие.

Однако уклониться от явного великолепия жизни, заключенной в нас, невозможно. Что бы мы ни делали для этого, занозу вечности не вынуть. Дар жизни заявляет о себе, несмотря на смерть, окружающую нас повсюду. Так давайте же все до единого начнем повторять за кухонными столами, на религиозных собраниях, в кофейнях, на городских площадях и в чатах: «Я сотворен по образу Бога. Я сотворен по Божьему целем. Как и все мы».

А потом расскажем друг другу свои истории. Вот вам моя.

ЖИВИ, РАДУЙСЯ И НЕ БУДЬ НЕГОДЯЕМ

Когда мои родители приехали в столицу Хорватии Загреб из маленьких балканских городков, им не было и двадцати лет, и оба мечтали жить в большом городе. Танцы в 60-х годах, в спортивном зале школы, повлекли за собой объятия, грезы и, наконец, брак. Мы медленно танцевали под портретами неустрашимых марксистских вождей и огромным красным знаменем, символизирующим революцию, — точно так же американские старшеклассники танцевали под гигантскими портретами президентов США и звездно-полосатыми флагами. Мои родители возлагали надежды на упорную работу и прочные взаимоотношения.

У мамы сохранилась фотография того времени: новорожденный младенец (моя старшая сестра) — на единственной кровати в первой комнате, которую они сняли, и кастрюля на полу, в которую с потолка капает вода. А рядом — они: мой долговязый, тощий и симпатичный отец в горделивой позе и мама с модной прической сидит, сложив руки, и благодарит их удачу.

Моего отца зовут Сеад, потому что он из семьи черногорских мусульман. Маму — Марта, потому что ее родители — католики из Словении. Мы жили в Социалистической Федеративной Республике Югославия, значит, нам всем полагалось быть атеистами. Но мы не верили ни в одну из этих религий или идеологий. Мы просто жили.

Точнее, мы делали больше, чем просто жили. Мы любили жизнь. У нас была своя чудесная религия. Два ее учения, которые никто не выражал словами, были такими же весомыми, какой только способна быть религиозная догма. Первое учение именовалось «Радость»: «Да возрадуйся жизни». При социализме, в условиях которого мы жили, нас почти не отвлекал непрестанный маркетинг потребительских товаров. Все в конечном счете сводилось к взаимоотношениям. И к еде. Вот почему у нас дома всегда вкусно пахло.

В конце месяца Рамадана устраивался праздник с неторопливым приготовлением жареной баранины, хотя никто не постился ни единого дня. На Рождество мы наряжали елку, на Пасху запекали окорок, но не ходили в церковь. Дни государственных праздников нашей страны мы отмечали затейливой европейской выпечкой, но не собирались посещать Музей социалистической революции.

Лучшую говядину мы находили в горах Боснии; мой отец сам ежегодно выбирал корову, которую предстояло принести в жертву ради нашей семейной веры, и мы коптили ее мясо в арендованной коптильне. Мы сами квасили капусту, у нас была своя бочка с лучшим сербским сыром, а для всех видов мяса, какие только можно было раздобыть, мы держали в доме не один, не два, а целых три социалистических холодильника с морозилками.

С тех пор как мне исполнилось четыре года, по выходным отец возил меня на базарную площадь в центр нашего большого города. Он сам учил меня выбирать лучшие продукты. Мы возвращались домой в машине, нагруженной превосходным мясом и овощами из деревни, мама с сестрой помогали нам перетаскивать на кухню драгоценную добычу. Хотя мы жили в городской квартире, несколько раз отец привозил домой живых кур, которых мы резали в ванне. Это к слову об экологически чистых и свежих продуктах! У каждого из нас были свои обязанности на кухне, мы часто бегали к плите или к духовке — смотреть, как поддумывается фаршированная телячья грудинка, жарится белая средиземноморская рыба или поднимается кекс с греческими орехами. Стоя на коленях перед духовкой, мы с отцом смотрели сквозь застекленную дверцу, как от тепла предмет нашего вожделения поднимается и опадает, отец ласково клал ладонь мне на макушку, словно благословляя, и говорил: «Видишь? Он дышит».

А изготовление вина! Каждую осень мы покупали отборный виноград. Напряженная работа длилась неделю, на которую мне приходилось отменять все вечерние прогулки с друзьями. Вся жизнь, не связанная с виноделием, замирала. Когда этот нектар становился выдержаным, мы разливали его по бутылкам, и весь следующий год отец с гордостью выставлял их на стол во время нескончаемой череды праздников. «Вот если бы нам еще найти еврейскую семью и подружиться с ней, — думали мы в минуту неловкости при виде этого изобилия, — их пыл придал бы изюминку нашему торжеству жизни».

Вторым учением нашей религии была «Честь»: «Не будь негодяем». Полагалось быть великодушным, честным, трудолюбивым — в особенности трудолюбивым. У каждого человека и каждой семьи имелась репутация, или честь. Такова характерная особенность большинства восточных народов. Помимо возможности радоваться, в жизни важно было подтверждать репутацию или честь, беречь ее, держать незапятнанной. Постыдные поступки бесчестили и пятнали репутацию. Репутация приобреталась путем достижения успехов в своем деле, в результате уважения окружающих, при наличии семьи. Ее портили лень, лживость, скопость, бездомность или бессемейность. На протяжении почти всей жизни я обеспечивал себе прочную репутацию усердной учебой. За хорошие оценки мне прощали все, родители оплачивали мои занятия спортом и поездки. Образование и связанная с ним репутация ценились так высоко, что родители даже смотрели сквозь пальцы на некоторые отступления от кодекса чести — например, когда в старших классах я начал встречаться с учительницей или был пойман при попытке контрабандой провезти марихуану из Франции в Германию во время летних каникул. Я честно учился, у меня была прочная репутация.

Я хотел бы, чтобы процедуре обрезания (хитан) меня подвергли сразу после рождения или на седьмой день после него, как, согласно хадисам (изречениям пророка) поступал со своими сыновьями пророк Мухаммад. Но в семье моего отца, где придерживались суннитских традиций ислама, а не обычай Аравийского полуострова, мальчиков обрезали позднее, обычно в возрасте 7-10 лет, вероятно, в ознаменование перехода от детства к юности. Все произошло очень быстро, однажды летним днем в городской больнице, и прежде, чем ко мне вернулась способность ходить, не испытывая дискомфорта, в мою честь закатили праздник. Сотни близких родственников съехались на дачу, которую мы снимали за городом. Прибыли двоюродные и троюродные кузены, явились дяди, которых я прежде никогда не видел. Все это напоминало День независимости, день рождения и День благодарения, вместе взятые. Согласно обычая проведения подобных праздников, все дарили мне деньги, чем вполне возместили необходимость приучаться мочиться заново и в муках.

Только спустя много лет я понял, насколько важен был для моего отца шумный и обильный праздник по случаю моего обрезания. Он вобрал все великолепие нашей семейной религии. Два учения — о радости и чести — слились воедино в идеальной гармонии. Мой отец был старшим сыном в большой семье и после смерти своего отца и деда Займа стал чем-то вроде патриарха в любящем веселье городском племени мусульман. Отец был смекалистым дельцом и обаятельным лидером. Он покинул отцовский дом, чтобы поискать лучшей жизни в

городе, и добился своего. Затем он принялся помогать родителям, братьям, сестрам и их семьям переселиться поближе, чтобы им было легче устроиться на новом месте. В заключение разговора о репутации добавлю, что моя мама была неутомимо, а временами — и почти опрометчиво отзывчивой и щедрой, быстро и живо откликаясь на беды тех, кто нуждался в помощи. И отец следовал ее примеру. Поэтому на праздник пригласили всех и каждого. В день обрезания их единственный сын стал многообещающим юношем, которому предстояло показать миру, на что он способен. Еще один мужчина в доме был готов двинуться по своему пути! В тот день соединилось прошлое, настоящее и будущее моего отца. Жизнь обрела полноту. Казалось, мой отец родился под счастливой звездой, и с тех пор удача не покидала его, несчастья не преграждали путь.

До тех пор, пока я не стал христианином. И все разладилось.

Моя домашняя религия со всеми ее запахами, цветами, смехом, упорным трудом и объятиями была для меня предвкушением жизни, имеющей оттенок вечности, которой, как мне казалось, должны жить люди. Я погружался в море книг, философии и искусства, стремился к большему, затем снова выныривал на поверхность, к надежному и устойчивому миру моей семьи, сновал туда-сюда, выискивал «тонкие места», жаждал, чтобы два мира стали одним. В возрасте 18 лет, проходя обязательную службу в югославской армии, я нашел жемчужину, которую искал, и стал последователем Иисуса.

На моих ничего не подозревающих родных словно обрушилось небо. То, что небеса обещали как высшее блаженство, они восприняли как страшное проклятие.

КАК УХОДЯТ ИЗ МУСУЛЬМАНСКИХ СЕМЕЙ

Мой отец любил жизнь во всей ее полноте, поэтому к нему тянулись люди. Как подобало его единственному сыну, я должен был унаследовать его мантию. Целый год я скрывал важное известие по просьбе матери, которая надеялась, что моя вера угаснет сама собой, а затем наконец решил поделиться с отцом.

Он почти не распространялся о своих чувствах, и поэтому у нас никогда не было серьезных мужских разговоров. Время от времени он давал мне советы — например, когда заметил, что я всеми силами пытаюсь сохранить отношения с девочкой из моей школы, сказал: «Не цепляйся за нее. Пусть уходит. Ты еще не знаешь, что такое любовь». Но серьезных разговоров мы не вели. До своих 19 лет я ни разу не был у отца на работе, поэтому, чтобы намекнуть, что ему предстоит, и дать шанс подготовиться к удару, я организовал нашу встречу там. Отец приготовился к самому худшему. Я до сих пор вспоминаю, как уверенно он держался, встретив меня: «Аборт? Разбитая машина? Нет таких трудностей, с которыми не справилась бы семья Сельмановичей! Ну, выкладывай».

Когда я объявил, что стал христианином, отец содрогнулся так, словно я ударили его кулаком в живот. Даже мои слова о том, что я стал приверженцем культа Санта-Клауса или сатаны, не произвели бы более сильного впечатления. В тот момент мир, который мой отец старательно и упорно возводил десятилетиями, начал рушиться. Весть о том, что сын отверг семейное мировоззрение, отвернулся от мусульманского наследия и культуры, оказалась сокрушительной. Отец развернулся, схватил стул, за спинку которого держался и с силой швырнул его об стену.

Слишком многое оказалось под угрозой. Хотя моя мать освоилась в большой мусульманской семье, подлинная вера в Бога никогда не была для моих родителей вопросом заслуживающим серьезного внимания. Отца сломило мое отношение к подразумеваемым учениям о радости и чести. Он рассудил так: если моя вера и вправду имеет реальную основу, значит, все его представления — иллюзия, следовательно, и его жизнь иллюзорна. С этим он никак не мог смириться. Никто бы не смог. Но если на реальности основаны его представления о мире, значит, любимый сын живет иллюзиями, посвящает свою жизнь воображаемому другу на небесах, еще одному отцу. И в том, и в другом случае кому-то причинялись страдания.

Мое евангелическое рвение новообращенного христианина только осложняло положение. Я повсюду носил с собой Библию с уверенным видом человека, которому только что открылись все до единой тайны жизни. В обществе, имевшем дело с темной стороной христианских учреждений и знаявшем, как много гордыни, угнетения, несправедливости, алчности и кровопролитий было в истории церкви, мое наивное стремление обращать людей в свою веру выглядело помехой. В семье, где житейские радости ценили выше, чем большинство религиозных людей ценят свою религию, я стал еретиком худшего толка. Но у меня практически не осталось выбора. Для того чтобы просто остаться верующим в такой ситуации, мне пришлось обнести свою веру как можно более высокими и прочными стенами. Определенность была единственным путем к выживанию — по крайней мере, в то время.

Кое-кто из родных твердил мне, что я «предал родную кровь», обесчестив отца и отрекшись от своего мусульманского наследия. Я никогда еще не видел отца настолько опустошенным, приступы рыданий и брани чередовались у него с физическими проявлениями вспышек гнева и предложениями вроде «Беги от христиан! Выбери только страну и учебное заведение. Ты только скажи, а деньги мы найдем». С его точки зрения, религии — это исключительно деньги и власть, финансовые пирамиды любой эпохи. Одна из таких пирамид и затянула его сына. Во время одного из последних спокойных разговоров, который состоялся между нами прежде, чем разорвалась моя связь с семьей, отец сказал: «Ты ведь не дурак. Но глупец». Он сделал паузу в ожидании, когда до меня дойдет смысл его слов. Различие и вправду было значительным. Отец не понимал, как может разумный человек сделать такой глупый выбор. «Зачем ты это сделал? — спросил он и с нажимом повторил: — Зачем тебе это понадобилось?»

Меня словно парализовало присутствие этого замечательного и сломленного человека, которого я так боялся и так любил. И я ответил: «Не знаю. Не знаю, как объяснить, что я чувствую».

Отец грубо выругался, как сделал бы и я, если бы решил, что мой сын спятил. Помедлив и повторив то же ругательство дважды, он добавил: «Ты сам не понимаешь, что несешь!»

Я ответил: «Папа, Иисус говорит, что имеющий уши да услышит. Я сумел. То, что я услышал, так прекрасно, что не выразить словами. Оно настоящее, но я не знаю, как его объяснить. Это все равно что музыка, доносящаяся до нас из вселенной и поддерживающая нашу жизнь. Музыка жизненных радостей и скорбей. Я слышу ее со страниц древних книг. А ты слышишь, папа? Слышишь музыку жизни?» Мне хочется верить, что на мгновение его заинтриговала эта мысль — ведь и он знал, что жизнь трудна, но прекрасна и непостижимо глубока. Что это — дар.

«НЕТ ПРИНУЖДЕНИЯ В РЕЛИГИИ»

Вскоре после этого по приказу отца меня изгнали из дома, из семьи, из родных мест. В поступке моих родителей не было ничего особенно мусульманского. В сущности, именно религиозные члены моей большой мусульманской семьи смягчили удар, оказали мне поддержку и окружили любовью. В городской мечети один человек, знающий, в каком положении я очутился, открыл Коран и прочитал мне: «Нет принуждения в религии». Этот текст из Корана я сокрыл в своем обновленном христианском сердце. Он помог мне преодолеть принуждение отречься и не свернуть с пути.

На протяжении следующих двух лет я кочевал из дома в дом товарищей по вере, радуясь доброте людей — и чужих, и в то же время моих новых братьев и сестер. Но я не мог не замечать, насколько сломлено большинство этих людей, как отягощена их жизнь противоречиями, мелочными спорами, актами ханжеской изоляции от мира. Два года я скитался по городу, прежде чем вернулся в унылую и разреженную атмосферу родительского дома. Родители передумали и приняли меня с болью в сердце — подобно родителям, которые принимают сына-гея только потому, что он сын, а не потому, что он человек. «По крайней мере, мы попытались», — рассудили родители.

Вернувшись домой, я получил в университете Загреба диплом инженера-строителя и в 1990 году отправился в США изучать богословие. Я сразу окунулся в американское христианство, с каждым годом все лучше понимая, насколько своекорыстным предприятием является организованная религия, независимо от конфессии. Религии представляли собой отражение культур, которым должны были бросать вызов, отвергали вопросы, на которые не знали, как ответить, соперничали друг с другом за финансовое и политическое господство. И христианство не было исключением. Я присоединился к движению, которое уже

прекратилось, к путешественникам, которые уже прибыли в пункт назначения, поддержал революцию, на которую уже махнули рукой.

Я отправился в духовное пристанище к Бреннану Мэннингу, бывшему священнику-францисканцу, поддавшемуся алкоголизму. Его слова о любви Божьей помогли тысячам священнослужителей, подобных мне, удержаться в наших церковных системах. Он был истинным евангельским мистиком, который помог нам вновь исполниться любви к Богу. Фундамент религии рушился у нас под ногами, и священнослужители, подобные мне, в поддерживаемом Богом повседневном существовании ждали призрачного явления веры нового вида, которая, возможно, спасет нас. Мне хотелось остаться с Бреннаном наедине, чтобы признаться ему, как раздражает меня ход собственной религиозной жизни. Я злился. Мне требовалось объяснения.

В конце концов в середине 90-х годов нам с Бреннаном удалось встретиться, и едва мы остались одни, у меня вырвалось: «Я зол на своих родителей! Они выгнали из дома родного сына! Во мне кипят ярость, обида и жажда справедливости. Мало того, я зол и на свою церковь! Когда родители отреклись от меня, совет церкви вызвал меня и раскритиковал мою манеру одеваться. «Обеспокоенные братья» в Хорватии хотели, чтобы я носил костюм и галстук — мундир, в котором я походил бы на нечто среднее между западным бизнесменом и товарищем-коммунистом!» Я сделал паузу, но лишь на долю секунды. «Меня злит состояние американского христианства! Таким ли оно должно быть? Стоит ли ради него выдерживать столько испытаний, становясь последователем Христа? Умоляю, скажите, что это далеко не вся истина!»

Большеглазый, с кустистыми бровями и уверенными манерами, Бреннан выслушал меня молча. А когда я умолк, заглянул мне в глаза и сказал: «Значит, вас волнует, что они надломлены».

О-о! От его слов повернулась заноза в моем сердце. Их резкость заставила меня осознать, что мой опыт, связанный с религией, — далеко не вся истина. Я сам, а не только те, кто окружал меня, нуждался в серьезном ремонте. Я должен был вернуться к своей жизни — такой, какая она есть, к моей встревоженной и чудесной семье, к проблемам и благословениям христианства, и научиться принимать все это как часть моей жизни. Этот серьезный ремонт продолжается и по сей день. Кратчайших путей в нем нет. Временами я вижу проблески надежды, мой гнев превращается в сострадание. В сострадание к «ним», кем бы они ни были, и в сострадание к себе.

ЖИТЬ ВЕЧНО — НАЧНИТЕ СЕЙЧАС

Вернемся на кладбище. И в родильную палату. Мы все начинаем умирать с того дня, как рождаемся. Но вместо того чтобы считать свою бесценную жизнь «тонким местом», где можно узнать Бога, и вместо того чтобы принять смерть как сокровенную часть жизни в той же

мере, как и рождение, мы боимся этого финала. Независимо от своей религиозности мы даем волю этому страху, возводим его в ранг кумира, а затем тратим жизнь на служение ему. Екклесиаст же имел в виду частицу вечности, заключенную в нашем сердце, когда писал: «Лучше ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира». Почему?

Потому что смерть напоминает нам о нашей пустоте. На кладбище много свободного места, и эта пустота напоминает ту, что находится у нас внутри. Но эта пустота — не то, чего следует бояться и избегать, а скорее, то, что должно произойти ради появления Дара.

Библия открывается словами о том, что земля была безвидна и пуста.

Затем явился Бог и сотворил мир. Мы боимся кладбищенской тишины потому, что в ее спокойствии оказываемся лицом к лицу со своей пустотой. В тишине мы спрашиваем: «А что, если вся эта вера — не что иное, как ощущения? Что, если нет ничего, кроме надгробий сверху и костей под этой землей, на которой мы стоим?» С этих вопросов начинается жизнь, которая носит вечный характер. Появляется пространство для безграничного и обильного сотворения, пустота, исполненная содержания. Мы превращаемся в подобие плодородной почвы, через которую готов пробиться росток жизни.

В прошлый раз наша семья побывала на кладбище во время приезда на нашу родину, в Хорватию. Мы были все вместе — моя жена, две наши дочери, мой отец, уже старый и седой, моя мама, измученная неусыпными заботами о нас, и я. Мы шагали рядом, среди нас были представители католичества, ислама, иудаизма и атеизма — великие мужчины и женщины социалистической революции. В гулком молчании мы вспоминали прожитую жизнь. Вот к чему свелись все наши религиозные и идеологические похвалибы — к пустоте над зеленой травой.

Зачем тратить жизнь (или, если уж на то пошло, очередную книгу), посвящая ее страху? Вы — целем Бога, и я целем Бога. Мы созданы для того, чтобы вести жизнь, имеющую вечный характер, уже сейчас. Для такой жизни потребуется регулярно сомневаться во всем, что нам известно, ибо мы знаем очень мало. Один из величайших поэтов Израиля, Иегуда Амихай, написал стихотворение, озаглавленное «Там, где мы правы»:

*Там, где мы правы,
вовек не цветсти цветам
по весне.
Там, где мы правы,
почва тверда, как
во дворе.
Но сомненья с любовью
вздоют мир,
будто крот, как плуг.*

*Шепот там зазвучит,
где разрушенный дом
раньше стоял.*

Место, где мы правы, редко оказывается «тонким местом». Отказ от правоты в том, что касается Бога, жизни, нас самих — процесс опустошения. Избавившись от потребности ведать всеми ответами, мы открываемся для восприятия историй тех людей, которых, как нам всегда казалось, мы знаем. Слушая и рассказывая, мы обнаруживаем, что наши разные и непростые истории сплетаются в прекрасное целое, чтобы его увидел весь мир.

ГЛАВА 2

ТАИНСТВО ОБЫЧНОЙ ЖИЗНИ

Мне было восемнадцать лет; на расстоянии более 1200 километров от дома я уже четырнадцать месяцев исполнял воинскую обязанность — служил в пехотных войсках Социалистической Федеративной Республики Югославия. Однажды вечером я проголодался, а есть было нечего, кроме банки сардин, к которым еще требовалось раздобыть хлеба. Поскольку ни у одного из солдат моего подразделения хлеба не оказалось, я отправился искать Райко Бишевача, похожего на типичного салагу с широкой улыбкой, известного в части под прозвищем «Тюфяк». Тюфяк был христианином, из тех, что готовы талдычить всем и каждому, как сладка на самом деле Божья любовь — иными словами, товарищи считали его приставучим типом. И солдаты, и офицеры были убеждены в том, что, лишив Тюфяка простого человеческого уважения, помогут ему образумиться. Так они и делали. Никаких поблажек, никакого продвижения по службе, ни малейшего одобрения — Тюфяку не светило ничего. Время от времени усердный капитан, будучи в подпитии и насмотревшись слишком много фильмов в жанре «нуар», вызывал Тюфяка к себе в кабинет, чтобы всю ночь окуливать табачным дымом и вести бессмысленные допросы.

Мало того, прошел слух, будто Тюфяк не только христианин, но и вегетарианец, как будто это лишало его права называться человеком. Постоянно опасаясь, что ему подсунут пищу, приготовленную на топленом свином сале (Речь идет об особенности адвентистских диетических предпочтений, адвентисты не употребляют в пищу свинину (и сало). — Прим. ред.), он повсюду таскал с собой какой-то мешок — мы думали, что в нем обедки. Отсюда и прозвище.

В тот вечер хлеба не нашлось и у него, но у каждого из нас было нечто, в чем нуждался другой. И через пару дней я снова разыскал его. Потом еще и еще. За разговорами я понял, что окружающие верно оценили его — он был глуп. Он верил в несусветную чушь, но мне казалось, что у меня есть шанс помочь ему одуматься. Он не безнадежен, рассуждал я. Да, он глуп, но при этом он определенно не дурак. Он внес меня в свой молитвенный список. Я внес его в свой список чокнутых.

Тюфяк был пытлив и энергичен, над недоброжелательными солдатами и параноидальными офицерами он подшучивал, словно точно знал, что они всего лишь забавны и движимы благими намерениями. Он верил, что способен изменить мир. И в то, что я способен изменить мир. И в то, что на это способен каждый.

Надо лишь по-другому воспринимать его. Мы с Тюфяком придумали, как сделать так, чтобы за обыденными делами встречаться почти ежедневно. Даже когда одному из нас приходилось драить коридоры и туалеты в своей казарме, другой находил возможность побывать рядом. Главное — был бы шанс поговорить. Лучшим временем мы считали вечера, когда

большинство офицеров расходилось по домам. Стارаясь не попадаться на глаза другим солдатам и офицерам, мы бродили по территории части и беседовали в сумерках.

— Тебе не надоел Бог? — однажды спросил я. Он не ответил. Это меня подстегнуло.

— Зачем тебе постоянно думать и говорить о Боге? Почему нельзя, к примеру, просто порадоваться солнечному дню? Войди в этот день, прими его, пусть он омоет тебя своей красотой, но только не приписывай поминутно Богу все и вся. Неужели ты не можешь даже порадоваться солнечному дню самому по себе?

На самом деле Тюфяк умел радоваться жизни. Это я пытался примириться с явлением, которое казалось мне «гнетущим присутствием Бога». Он ответил:

— Когда я вхожу в солнечный день, я вхожу в дар.

Он подразумевал, что Некто думает о таких вещах, как солнечный день, и, осознавая его, наделяет существованием.

Затем Тюфяк парировал мой вопрос:

— А когда в солнечный день входишь ты, во что ты входишь?

Готового ответа у меня не было. Но я думал, что солнечный день можно считать прекрасным, никому не приписывая его, полагая, что этот день — продукт таинственного хаоса, из которого возникли все мы. Однако в течение нескольких недель после этого разговора мысль, что Некто подарил нам жизнь, не покидала меня. Эта мысль крепко запала мне в голову: может ли реальность быть отношенческой?

Позднее в том же месяце мы вместе с другим солдатом выполняли какое-то поручение в кабинете капитана, когда вошел Тюфяк. Он умел здраво оценивать ситуации, связанные с общением, но страсть, кипевшая в нем, порой прорывалась наружу неожиданно. Воодушевившись, он влез в наш разговор и начал что-то втолковывать моему товарищу — очевидно, продолжая спор, завязавшийся днем раньше. Стоя посреди комнаты, он протянул на ладони яблоко, посмотрел в глаза сначала моему товарищу, потом мне и сказал:

— Видите это яблоко? Это яблоко от Бога.

Мой товарищ смотрел на Тюфяка так, словно бедняга лишился рассудка. Тюфяк надкусил яблоко, раздался хруст, по комнате поплыл свежий и сладкий аромат. С набитым ртом Тюфяк продолжал:

— А вы замечали, что у каждого слоя яблока своя плотность и вкус? — при этом он не переставал жевать, его губы стали мокрыми от сладкого сока. — Например, замечали, что ближе к кожуре яблоко тверже и кислее, а возле самых семечек — мягче и слаше?

Пока он говорил об этом с таким видом, словно узрел чудо, я смотрел на красные и зеленые пятна яблочной кожуры и мякоти.

— Это яблоко — плод любви Кого-то, — задумчиво заключил Тюфяк и вышел за дверь.

— Тюфяк последний ум потерял, — заключил я, повернувшись к товарищу. Тот согласно кивнул.

Я вдруг задумался: а если что-то потерял не он, а мы? Что, если это мы, а не он, плохо приспособлены к этому миру? И если мир на самом деле создан вовсе не из хаотичной материи?

Что если элементарные частицы, атомы, физические силы, растительная жизнь, химические процессы мозга — всего-навсего буквы? Буквы, из которых образуются слова, а затем предложения, рассказывающие историю любви о нашем мире. Сплошная цепь священного, пронизывающего обыкновенное.

БОГ ПРОТИВ ДУХОВНЫХ ЛЕКАРСТВ

Быстрая перемотка вперед. После двадцати лет стремления к жизни, имеющей вечный характер, в качестве христианина, я перестал бывать в магазинах христианской литературы. Но не потому, что не мог найти там хороших книг. Такие книги в любом случае стоило поискать.

Просто магазины христианской литературы стали казаться мне местами, оторванными от жизни.

Каким бы богатым ни был магазин и как бы ни увлекал меня поиск жемчужин христианской литературы, потом, выходя на улицы Манхэттена, я чувствовал себя так, словно на время пребывания в магазине мои отношения с городом и живущими в нем людьми были приостановлены. Мне казалось, что я попал туда, где меня захватило убеждение, что Бог имеет непосредственное отношение к религии, что почему-то этот мир недостаточно хорош для Бога и что из всех религий Бог решил ограничиться рамками христианства.

Те же чувства я испытывал, когда выходил из магазина, где продавали иудейскую или мусульманскую литературу, а также из магазина с буддийскими курениями и колокольчиками. При выходе на улицу мне казалось, что большие, равно как скверные, так и великолепные улицы этого города, и люди в нем были предоставлены самим себе. Магазины религиозной литературы, в том числе специализирующиеся на изданиях атеистической или

гуманистической направленности, уподобились аптекам для человеческого духа, местам, где продаются духовные лекарства, но жизнь не воспринимается.

Я заметил, что нигде в Библии не говорится о «духовной жизни».

Только о жизни.

До меня дошло, что дискомфорт, который я ощущаю у дверей магазинов религиозной литературы, исходит от Бога. Однажды, выйдя из такого магазина со стопкой только что купленных книг по христианству, я так и не смог избавиться от чувства, будто моя жизнь сократилась до «духовной жизни». Я огляделся по сторонам, снова вошел в магазин и вернул обратно книги, за которые заплатил пять минут назад.

— Что-нибудь не так с книгами, сэр? — спросила продавщица.

— Нет, книги отличные. Просто я, покупая их, утратил ощущение присутствия Бога, потому хочу вернуться к тому, на чем остановился, прежде чем зайти сюда.

Продавщица уставилась на меня так, словно у меня выросли три головы. С сочувствием. Похоже, я показался ей одним из тех, кого Иисус заметил бы и исцелил. Выйдя на улицу, я прочел молитву: «Благодарю тебя, Господи, за этот город, за эту улицу и людей вокруг. Благодать не начинается с христианства и не заканчивается им. В этом мире она повсюду». Мы не только получаем прощение посредством благодати. Мы живы благодаря благодати. Мы даже грешим благодаря ей. Если бы благодать не поддерживала в нас жизнь, наши грехи уничтожили бы нас.

Подобно воздуху, который окружает нас, касается кожи, проникает в наши легкие, благодать незрима, но реальна. А Бог создает подъемную силу. Он держит нас, хотя мы не помогаем ему и даже не замечаем этого — вероятно, именно это имел в виду датский философ-экзистенциалист Серен Кьеркегор, когда писал: «Вера подобна плаванию в двадцати тысячах саженей воды».

Ничто и никто не заслуживает существования. Чем-то столь же призрачным, как шанс или Бог, все, что существует, было наделено существованием. Бесплатно. Вот почему рассказы наших писаний о мире начинаются не с греха. Все начинается с того, что нас творят. Грех появляется уже потом.

Первой возникает благодать.

Многие из нас, христиан, настаивали на том, что мы, располагая высшим откровением, являемся единственными вестниками благодати в мире и торговцами ею. Но как говорит мой друг преподобный Вине Андерсон, благодать распространяется от всего живого, и другие в равной мере радуются ей. Мы, христиане, утверждаем, что лишь наше откровение —

вместилище и дозатор благодати. Но остальной мир, одаренный благодатью изнутри, неуклонно доказывает, что мы ошибаемся.

Благодать независима.

Только вчера преподобный Вине торжественно сообщил, что закрылся последний христианский книжный магазин в Манхэттене. Мы отгораживались от мира, и мир отгородился от нас.

ВЕЛИЧАЙШИЙ ИЗ ГРЕХОВ

Кьеркегор повторил понятное откровение исторической церкви: апатия — величайший из всех грехов, поскольку под ней подразумевается глубокое и непосредственное отсутствие желаний. Иными словами, тот, кто отделяет опыт жизни от сакрального опыта, лишается желаний. И наоборот, иудеи безраздельно любят и Бога, и жизнь. Повиноваться Богу значит быть в полной мере человеком, быть живым всеми фибрками своего существа. С точки зрения иудеев, нельзя испытывать одно без другого.

Джалаладдин Руми эхом вторил иудеям:

*Со страстью молись.
Со страстью трудись.
Со страстью предавайся любви.
Со страстью ешь, пей, танцуй, играй.
К чему походить на дохлую рыбину
в этом океане Бога?*

С точки зрения наших иудейских братьев и сестер, все в мире существует в ритме Бога. Раскачиваясь верхней частью тела во время молитвы, они движутся в такт со всем сущим, с планетами, в определенном ритме врачающимися вокруг солнца, в ритме нашего дыхания и сердцебиения, так как все в мире связано с ритмами благодати. Они молятся не о том, чтобы превзойти реальность, а чтобы принять ее. Какой бы горестной, трудной и несправедливой ни была жизнь, она все равно для нас дар и потому священна. Настроиться на человеческую жизнь — значит настроиться на Бога.

Само по себе существование — священное дело.

Встречая людей, которые перешли из христианства в иудаизм, я спрашиваю, почему они это сделали. И прежде всего слышу по-разному сформулированную, но одну и ту же мысль: «Христиане знают, как говорить о жизни, но не знают, как любить жизнь».

ОБЫКНОВЕННЫЙ ИИСУС

Даллас Уиллард пишет об Иисусе:

«Если бы его пришествие состоялось в наши дни, он мог бы исполнить свою миссию, занимаясь почти любым приличным и полезным делом. Он мог быть кассиром или бухгалтером в хозяйственном магазине, чинить компьютеры, быть банкиром, редактором, врачом, писателем, учителем, фермером, лаборантом, рабочим на стройке. Мог бы заниматься уборкой домов или ремонтом автомобилей.

Иными словами, если бы он явился сюда сегодня, то вполне мог бы заниматься тем же, чем занимаетесь вы. Мог бы жить в такой же квартире или доме, как вы, дорожить рабочим местом, как вы, иметь ваше образование и жизненные перспективы, жить в вашей семье, среде, времени...

Очевидно, бережно хранимый секрет «обыкновенности» заключается в том, что она создана быть вместилищем божественного, местом, где протекает жизнь Божья».

Вот как жил Иисус:

*Иисус просыпался и вставал.
Иисус шел умываться.
Иисус съедал завтрак.
Шел в мастерскую.
Открывал мастерскую.
Принимал и выполнял заказы.
Убирал в мастерской и запирал ее.
Шел домой.
Убирал за скотом и кормил его.
Мылся.
Ужинал.
Беседовал с соседями.
Ложился спать.
На следующее утро:
Иисус просыпался и вставал.
Иисус шел умываться.
Иисус съедал завтрак.
Шел в мастерскую...
Открывал мастерскую...
И так тридцать лет подряд.
Тридцать.
Лет.*

Зачем Иисус растрачивал свою жизнь таким образом? Если он сумел распространить свое учение по Палестине за три года, почему не начал раньше, не провел три года в Китае, затем еще три — в Африке? Величайший учитель жизни всех времен, каким его считают христиане, тот, в ком пребывало божественное начало, потратил тридцать лет своей жизни просто на жизнь. Сколько времени было потеряно. Сколько возможностей изменить мир упущено. Как много мудрости осталось не поведанной. Как много сил пропало впустую. Как много людей не дождались исцеления. Жаль.

Почему Иисус не занимался духовными делами первые тридцать лет своей жизни? Он занимался ими.

Это и были духовные дела — сон, еда, работа, беседы, умывание.

Это мы стали придерживаться ограниченных представлений о сакральном. Мы изолировали жизнь.

Будучи таким, как мы, ведя обычную жизнь, похожую на наши, Иисус не ограничил свое влияние, а расширил его. Он обрел благодать в источнике жизни. Вот почему учения, проистекающие из жизни палестинского плотника, распространились по всему миру. Не замыкаясь в религии, он был «обширным, как земля» и «глубоким, как жизнь». Поскольку Иисус тридцать лет своей жизни занимался самыми обыденными делами, для христиан ничто не должно быть обыкновенным.

Он был земным человеком. Среди земных людей.

Три года своего служения Иисус говорил о жизни, а не о духовности. Даже возвышенные повеления, произнесенные им после воскресения — «пойдите, возвестите братьям Моим», «идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всякой твари», «научите все народы», «примите Дух Святой», «накормите моих агнцев» — были связаны с устройством повседневной жизни: он приветствует испуганную женщину в саду, идет по проселочной дороге, беседуя с друзьями, вкушает пищу вместе с близкими в верхней комнате, проявляет живой интерес к жизни рыбаков и успехам в их делах, готовит завтрак на берегу, спрашивает, любит ли его Петр. Иисус вел себя так, словно благодать — явление, возникающее не параллельно остальной человеческой жизни, а как ее неотъемлемая часть, и находил святость во всем мирском.

Паркер Палмер задается вопросом о современной христианской вере, перегруженной абстракциями: «Каким образом столько абстрактных концепций возникло из традиции, центральное место в которой отведено "Слову, ставшему плотию"?»

ГЛАВНОЕ ТАИНСТВО

Согласно христианской традиции, таинства — официальные религиозные акты, обеспечивающие людей благодатью Божьей, ритуалы, в которых Бог активен, как никто другой. Считается, что они были введены или узаконены Иисусом. Для многих протестантов существует два таинства — крещения и вечери Господней. Католическая церковь и Православная церковь насчитывают семь традиционных обрядов, соответствующих этому определению. В более широком и общепринятом смысле таинство — направленный наружу, видимый признак, выражающий направленную внутрь реальность благодати. Таинства служат вратами («тонкими местами») между царством Божиим и нашим миром. У каждой религии есть характерные атрибуты, служащие этой цели.

Но вместо того чтобы раздвигать границы нашего мира и помогать нам находить Бога во всей жизни, таинства часто применяются, чтобы суживать и разделять. Винсент Донован, известный католический миссионер из Африки, ставил подобную практику под сомнение: «Таинство защищает нас и укрепляет милостью. Чем чаще мы принимаем его, тем лучше для нас, тем более святыми и защищенными мы становимся. А когда заканчиваем принимать, то, укрепленные и освященные, возвращаемся в мир зла — так уж вышло, что именно он является нашей человеческой жизнью». Нашей человеческой жизнью.

Что, если сама жизнь, человеческая и обыкновенная, есть высшее таинство, место, где две жизни, — имеющая характер вечности и обычна, — становятся единым целым?

На протяжении веков многие народы Азии пользуются ритуалами приветствия, такими, как жесты намаete (Индия) или гассе (Япония): приветствуя друг друга, люди складывают руки ладонями вместе перед собой, обычно на уровне груди или выше (под подбородком, ниже носа или над головой). В этом жесте одна рука символизирует высшую, духовную природу, а другая — «я», пребывающее на земле. Соединяя руки, человек выражает любовь и уважение, способность быть выше различий между людьми, связь с окружающими. Это приветствие свидетельствует о понимании условий человеческого существования, при котором две крайности превращаются в одно целое. Если правая ладонь обозначает ступни божественного, то левая — голову верующего. Союз этих двух измерений человеческой жизни — источник абсолютной радости жизни и утешения во всех скорбях.

Таинство человеческой жизни заменяет нам наши религии. Мы начинаем жить раньше, чем верить, мы прежде всего люди, а уж потом верующие. Общая для нас жизнь — храм, в котором мы все встречаемся.

РЕЛИГИИ ОГРАНИЧИВАЮТ ЗНАНИЕ О БОГЕ

Те из нас, кому привычно отделять сакральные аспекты от остальных сфер жизни, не могут даже представить себе, насколько нереальным кажется подобный образ жизни «обыкновенным» людям. Возьмем для примера христианство. Люди знают благодать.

Благодать уже дана им — как жизнь. Так к ним и пришло понимание. Всякий раз, когда люди поступают поистине человечно, благодать пребывает с ними в активном состоянии. Когда жизнь обходится с ними жестоко, так что они плачут, когда жизнь являет им свою красоту и у них перехватывает дух, когда они , рыдают в отчаянии или покатываются со смеху, или когда отказываются ожесточаться и следуют путем надежды, — они знают. Всем людям известны эти поразительные впечатления. Надежда вплетена в ткань самой жизни. Люди понимают это. Они видят, осознают, слышат, обоняют и пробуют на вкус благодать.

Они не понимают другого: почему многие христиане так склонны отрицать наличие благодати за пределами христианства. При этом христианство выглядит узким, оторванным от жизни, не ценящим людской опыт, неблагодарным.

Православный богослов Александр Шмеман в своей книге «За жизнь мира» предлагает иной, свежий взгляд на христианские таинства. Например, он описывает таинство крещения, во время которого священник «помазует св. миром (елеем, освященным Епископом) грудь, глаза, уши, руки и ноги новокрещеного... Теперь весь человек стал Храмом Божиим и отныне вся его жизнь призвана стать литургией, служением в любви Богу и людям. Тут, в этот момент, обличается как ложное, как противоречащее христианской вере противопоставление, отделение друг от друга "души" и "тела", "духовного" и "материального", "священного" и "пространного", "религиозного" и "мирского". Весь человек освящен и помазан, чтобы во всей полноте быть храмом Божиим, служением Богу и миру. Каждая кроха "материи" — от Бога и в Нем обретает свой смысл. Каждое мгновение есть Божие время, которому предстоит исполнить себя в Божией вечности. Уже нет ничего... нейтрального», ибо Дух Св., как луч света, как улыбка радости, "коснулся" всякой вещи, всего времени, всей жизни и все опять претворил в храм Божий».

Храм Божий.

Иисус говорил, что уже наступает время, когда Бога будут знать и поклоняться ему не в храме, построенных руками человека, а в духе и в истине. Поскольку мы люди, все мы наделены религией того или иного рода, данной нам сообществом, к которому мы принадлежим. Вот почему нам необходимы наши религиозные слова, символы и богословские концепции. Но чтобы наши религиозные таинства выжили, развились, преобразились и служили своей цели во взаимозависимом мире, мы должны отказаться от их роли ограждений для Бога. Им предстоит стать вратами, через которые мы регулярно сможем входить в реальность, по размеру превосходящую нашу религию, в драгоценный храм жизни.

КОНЕЦ ИЗОЛИРОВАННЫХ РЕЛИГИЙ

Мы приближаемся к финалу существования изолированного христианства. К финалу изолированного ислама. И к финалу изолированного иудаизма. К финалу любой религии, выдающей себя за «брокера сакрального».

Пока те из нас, кто принадлежит к христианам, настаивают на своем праве оставаться в своем замкнутом мире значений, нам больше нечего сказать миру. Так и не признав существование Бога, благодати и милости за пределами, которые установили мы сами, не имея возможности дополнять наши представления о Боге, благодати, милости, мы придем либо к финалу христианства, либо к очередному исходу.

Во времена изначального, первого, исхода у народа Божьего имелось немало веских причин оставаться в Египте. Например, лук. Зачем срываться с места? Чтобы достичь «земли обетованной»? Но с какой целью, если тебе знаком лишь Египет, а что может быть лучше Египта? Этих людей призывали отправиться в страну, которую кто-то и когда-то видел, а отважиться на такой поступок людям труднее всего. Но они все-таки отважились. В страшных муках.

Спустя столетия у последователей Иисуса имелось немало веских причин остаться в Израиле. В мире язычников они видели только мрак. Чему они могли научиться у других народов, не имеющих отношения к Израилю? Могла ли культура, остающаяся за рамками иудейской, пролить свет на их путь? Несомненно, другим народам нечего добавить к тому, что им уже известно. Но этих людей просили покинуть колыбель. И они подчинились. Опять-таки с острой болью. И все-таки сумели. Это был второй исход.

Сегодня, спустя тысячелетия, христиан призывают вновь отправиться в путешествие, совершив третий исход. Если те из нас, кого считают христианами, не найдут способа признавать, что Бог присутствует повсюду, мы утратим фундамент для того, чтобы видеть Бога где угодно. Согласно утверждению отца Ричарда Ропа, современного католического мыслителя и писателя, когда мы настаиваем на существовании границ, когда решаем, что выбор за нами, а не за Богом, мы делим мир в соответствии с нашими предпочтениями, или, что еще хуже, — с предубеждениями. Он указывает, что мы «всегда решали и определяли, где следует чтить образ Божий и чтить ли его вообще. Грешникам, еретикам, ведьмам, мусульманам, иудеям, индейцам,aborигенам, бизонам и слонам, земле и воде не повезло. И мы смели называть себя монотеистами... Божественное пребывание, предмет внимания нашего капризного зрения,, по-видимому, не наблюдалось нигде, кроме строго отобранных нами храмов».

Винсент Донован пророчествует: «Областью, в которой церковь сейчас должна искать свой смысл и проживать жизнь, впервые за все время должен стать целый мир. Мы уже не можем позволить себе мыслить более узкими категориями». И он добавляет: «Благая весть, не

обладающая обширностью земли и не имеющая смысла для всей земли, вовсе не Благая весть».

Мир быстро меняется, растет количество людей, признающих нашу самую сакральную связь — то, что все мы человеческие существа.

Наше христианское сознание невозможно отделить от общечеловеческого. Слово «сакральный» приобретает все более широкий смысл, включает все больше сторон жизни — один исход за другим, из рабства в землю, из земли к народам, от народов — ко всему сущему. Исполнились слова Иисуса: «Проповедуйте Евангелие всей твари».

Мы можем сделать вид, что совершать это путешествие не обязательно. Можем сделать вид, что христианство — не жизнь — может быть законодателем истины, справедливости или красоты. Можем сделать вид, что другим нечего добавить к нашим представлениям о Боге. Можем сделать вид, что мы выше обычного человеческого опыта. Можем сделать вид, что мир нам не нужен.

Но зачем это нам? Так мы ничего не добьемся.

Разве что избежим острой боли, которой сопровождается каждый исход. Значит, здесь и кроется выбор для тех из нас, кто считает себя христианами. Мы можем либо остаться в рамках христианства, которым завладели, с Иисусом, которого мы одомашнили, или оставить христианство как пункт назначения, принять христианство как образ жизни и совершить путешествие к реальности, где Бог присутствует, живет в каждом человеке, в каждом человеческом сообществе и во всем сущем.

КАК НАЙТИ БОГА В СВОЕЙ ЖИЗНИ

Подобно сыновьям и дочерям, мы оставляем Бога, чтобы найти Бога. По ночам, лежа в постелях, мы думаем о том, что сможем отыскать, если предпримем путешествие в мир духа. И мы оставляем домашнюю обыденность и пускаемся в путь, все сильнее жаждая неизреченной истины и возвышенной тайны Бога. Движимые страстным желанием, мы идем читать книги в библиотеках, отправляемся туда, где рассчитываем найти истину, ходим в церкви, синагоги и мечети, чтобы подчиняться, молиться, учиться и верить. Мы ищем Бога в рассвете и закате, в океане, между звезд. Наши представления о духовности, наши видения счастья и экстаза влекут нас вперед, словно музыка скрипача, шагающего по городу. И если мы будем продолжать слушать эту музыку, если не отвлечемся на соперничающие с ней звуки, если наш взор будет ясным, а голова поднята, в конце долгого и трудного пути мы найдем место, которое искали.

И... оно окажется домом, от которого начался наш путь — самым обыкновенным, мирским, приземленным, который мы оставили. В доме будет постель, где мы начали видеть сны, стол,

за которым мы ели. И окно, у которого мы сидели, глядя на все ту же улицу. Мы придем к пониманию, что Бог все это время был рядом.

Тем, кто стучится, эта дверь откроется, и комната за ней покажется подозрительно знакомой, словно перенесенной целиком из жизни, которую, как им казалось, они оставили. Блудный сын или дочь наконец-то вернутся к самой жизни. Все будет по-прежнему и вместе с тем иначе. Яблоко из кухонной корзины приобретет изысканный вкус, его кожура — изумительный оттенок. Каждый куст превратится в неопалимую купину, и каким бы несчастным ни был каждый человек, в конце концов его начнут воспринимать как сотворенного по образу Бога, исполненного света, проникающего сквозь трещинки в прочных доспехах, необходимых, как нам казалось, для путешествия.

Благодать была первой. И благодать будет последней. Обыкновенность переплетена с благодатью.

ГЛАВА 3

СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ БОГОМ

Большинство жителей Нью-Йорка можно разделить на две категории: те, кто с помощью города делает себе имя, и те, кем пользуется город. Тех, кто живет здесь, чтобы любить этот город и служить ему, меньшинство. Я к нему не принадлежу. Когда я впервые поселился в Манхэттене, я был пастором. Я не служил этому городу — я использовал его, а город в ответ использовал меня.

Когда вечер сменяется ночью, Готэм остывает, рассеивает тепло, выработанное людьми, которые весь день сражались с городом. И для нашей семьи наступает передышка, мы без ненужных отсрочек погружаемся в дремоту. Но однажды вечером, в первый год после переселения в большой город, все изменилось. Лежа в постели бок о бок, широко открыв глаза, мы с женой были растеряны и напуганы событиями минувшего дня.

За целых полгода я не позволил себе ни единого выходного дня, и тем утром очутился в пункте скорой помощи больницы Ленокс-Хилл в Верхнем Ист-Сайде. У меня колотилось сердце, болела и кружилась голова, я весь был обвешан трубками и окружен мониторами. Врачи не смогли сказать мне ничего определенного, разве что посоветовали снизить темп жизни и остерегаться стрессов. Меня доставили домой, и когда мы с Весной лежали в кровати, я нарушил молчание и познакомил жену с внушительным списком причин, по которым я игнорировал ее слезные мольбы сбавить темп и хоть немного отдохнуть: непростая паства, историко-культурные сдвиги, осложнившие религиозную деятельность, отсутствие денег, да еще этот дурацкий, гигантский, дряхлый и ржавый бойлер в подвале церкви, который невозможно починить. Список рос.

Весна слушала не шевелясь. Когда мой поток оправданий иссяк, она решила любить меня, несмотря на всю ложь, верить в которую я себя убедил. И потом сказала мне правду:

— Все дело в тебе, да? Молчание.

Внезапно у меня вновь закружилась голова. Я попался. Не служение людям привело меня в пункт скорой помощи, а мое честолюбие. Я хотел использовать этот город, но он мне не позволил. Сам того не подозревая, я стал для себя величайшей обузой.

И не только я. По-видимому, многие религиозные лидеры подключены к постепенно разрастающейся сети трубок, которая помогает нам выжить. Об этом знают все «коллеги по бизнесу», невообразимое напряжение наполняет коридоры религиозных учреждений. Религиозные лидеры могут назвать бесчисленное множество правдоподобных причин, объясняя, почему христианству — если приводить в пример наиболее близкую моему опыту религию — так трудно процветать, а может, и просто выживать в западном мире. Но винить

других в бедах какой-либо религии нечестно и бесполезно. Дело не в нашей агрессивной светской культуре, не в безнравственности и некомпетентности людей, возглавляющих наши учреждения, не в недостатке денег и не во влиянии религиозных учреждений. После всех наших конференций, посвященных проблемам развития церкви, после публикаций, после евангельских кампаний знаменитых проповедников и писателей, священников и семинарий мы вдруг обнаруживаем, что под вечер лежим рядом с Богом, смотрим в потолок широко открытыми глазами и перечисляем причины наших неудач.

Но Бог не удручен, как можно предположить. Он рядом с нами и с нашей религией, слушает, любит нас, несмотря на нашу ложь, и говорит нам правду. «Все дело в тебе, да?»

Отнюдь не труд, связанный с изменением мира к лучшему, доводит христиан, мусульман и иудеев до изнурения и держит в постоянном страхе перед гонениями со стороны широких масс. Многие из нас — не только религиозные лидеры, но и верующие в целом — действительно меняют мир к лучшему. Но дело не в трудной и не в эффективной работе, а в нашем честолюбии, мечте об управлении Богом. Мы хотим использовать Бога, чтобы развивать наши религии, но Бог не позволяет нам. И постепенно, ничего не замечая, мы становимся для себя самих тяжкой обузой.

БОГ ВНЕ ГРАНИЦ ОДНОЙ РЕЛИГИИ

Что касается христианства, я заметил, что многие из моих верующих друзей страдают духовным переутомлением, подобно мне. Но не от учений Иисуса. Жизнь Иисуса по-прежнему завораживает нас, его учения приводят нас в восторг. Даже несовершенство нашей религиозной системы здесь ни при чем. Мы понимаем, что организованная религия, подобно всему прочему в мире, прекрасна и не лишена недостатков, испорчена и небезнадежна. Нас озадачивает причастность к религии, которая толкует свои священные тексты, свою историю и традиции с тем расчетом, чтобы держать при себе Бога и управлять Им.

С одной стороны, христиане дорожат тем, что Бог посредством Иисуса совершил ради них и продолжает совершать в них. С другой стороны, они чувствуют, что христианство, которое претендует на единоличное владение откровением Бога в лице Иисуса, похищает этого же самого Бога у мира. Они чувствуют, что попали в ловушку, что от них требуется соглашаться с выдумками о религиозном превосходстве христианства как непременном условии следования жизни и учениям Иисуса. Они не могут жить без Иисуса и вместе с тем не могут сосуществовать с христианством. Иисус обеспечил их благодатью и истиной, однако похвалы христианства открыто или косвенно лишают остальной мир той же благодати и истины.

Один из моих разочарованных друзей, который ходил в церковь все реже, признался мне: «Всю мою жизнь моя религия учила меня двум чудесным истинам: во-первых, что Бог любит меня без каких-либо оговорок, и во-вторых, что Бог хочет, чтобы и я рассказывал другим об

этой любви и демонстрировал ее. Но меня уже не удовлетворяют эти две истины. Я хочу найти и любить Бога среди нехристиан. Если Бога нет там, где нет нас, значит, мы лишили Бога весь мир! Я должен хоть что-нибудь изменить».

Подобные слова я слышал от иудеев, обеспокоенных Богом, который бросил на произвол судьбы остальной мир, предпочитая ему «избранный народ», а также от мусульман, которых Бог встревожил, ограничив свое местопребывание словами Корана. Неужели мы превратили наши религиозные тексты, традиции и обряды во вместилища и дозаторы Бога?

Новое поколение верующих желает найти Бога, живущего вне границ их собственной религиозной традиции, — Бога, достойного поклонения. Они разрываются. Оказывается, присутствие Бога и его участие в людских делах простирается гораздо шире религии. В то же время оказалось, что чем старательнее они придерживаются соответствующих традиций иудаизма, христианства и ислама и в западных, и в восточных проявлениях, тем чаще им приходится мириться с мыслью, что эти традиции требуют — естественно, с таким требованием никто к ним не обратится напрямую, — принять их в качестве систем управления Богом.

ТАЙНА ИЛИ АБСУРД?

Раньше я считал решение Бога вложить абсолютную истину в мою религию чудесной тайной. Как прекрасно, думал я, что Бог создал религию, способную нести в мир высшую истину! Да, в других религиях тоже есть истина, но не высшая, продолжал я, испытывая радостный трепет при мысли, что именно нас, христиан, избрали для столь ответственной задачи. Мы — посланники Бога на земле.

Кто не пробовал этот напиток, рассуждал я, тот не напивался никогда. Разве что-нибудь может сравниться с обязанностью заведовать Богом? Разумеется, мы никогда не говорили: «Слушайте все, мы отвечаем за Бога». Как и любители выпить, мы стали бы отрицать даже подобные предположения — и для себя, и в расчете на других.

Озарение пришло ко мне неожиданно, когда я читал проповедь в местной церкви. В то время я учился в университете и писал докторскую диссертацию. Библиотека предоставляла докторантам небольшие помещения, чтобы мы могли заниматься, не отвлекаясь на жизнь кампуса. В тесной кабинке я проводил долгие часы, в результате мое кровообращение нарушалось. Первые признаки дискомфорта появились через месяц, это были зуд и покалывание вблизи выхода из кишечного тракта. Но я только ерзал на стуле и продолжал заниматься в том же режиме изо дня в день. А через пару месяцев мне пришлось обратиться к врачу, чтобы тот хоть как-нибудь вырезал, прижег, перевязал или уничтожил иным способом мягкие кровоточащие подушечки, которые заставляли меня страдать от нестерпимой боли.

За несколько дней до операции я увидел в своем настольном календаре запись о предстоящей проповеди. Она была назначена за несколько месяцев, я решил, что неловко вынуждать пастора искать замену в последний момент, вдобавок не мог отважиться посвятить его в подробности моей ситуации и настроился выполнить свой долг. Темой проповеди была выбрана «слава нашего Господа». Прежде чем отправиться в церковь, я целый час пролежал с поднятыми ногами, пытаясь снизить нагрузку на очаги боли. Я применил мазь и средство альтернативной медицины. Но все напрасно. И вот наступил момент, когда я должен был говорить о Боге! Я обменялся рукопожатиями со своими коллегами, скрывая, в каком состоянии находусь, и пытаясь излучать уверенность. Поднявшись на возвышение, я сумел даже улыбнуться.

Беседуя с собравшимися о Боге, я испытывал почти непреодолимое желание броситься прочь, а дома погрузить нижнюю часть тела в теплую ванну с подсоленной водой — только таким способом можно было добиться временного облегчения. Но нет, злополучный святой долг был неизбежен. Приходилось и дальше разглагольствовать о Боге: Бог то, Бог это.

До того дня я считал представления о том, что Бог предпочел поместить себя в наши священные писания и нашу религию, а также пребывать в нас как духовном сообществе, чудесной тайной. Но необходимость рассуждать о Боге в тот момент, когда мне казалось, будто в прямой кишке у меня гигантский кактус, все изменила. Ситуация оказалась скорее абсурдной, чем таинственной. Я не знал, плакать мне или смеяться.

Впервые я по-настоящему понял весь смысл американского выражения «боль в заднице» или «геморрой». Слушатели не могли понять, почему по моему лицу пробегают гримасы ужаса, стоило мне слегка шевельнуть тазом, и откуда берутся блаженные улыбки, когда меня отпускало хоть на миг — увы, слишком краткий. Так я и продолжал говорить о Боге. Речь человека, посвященная Богу, превратилась в комедию, притом прямо-таки черную. Так и родилась моя «теория геморроя». Ее суть вкратце такова: тому, кто не способен признать ограниченность человеческих возможностей, не следует толковать о Боге. Или, выражаясь проще и откровеннее, как можем мы, люди, заведовать Богом на небесах, если мы не в состоянии разобраться даже с собственным геморроем.

Неужели Бог ограничил свое пространство только нашей религией?

По-видимому, многие религиозные люди так считают, а когда нас посещает мысль о том, насколько абсурдно это предположение, мы гоним ее прочь и восклицаем: «Как велик Бог, избравший нас! Какая чудесная тайна в этом скрыта!» Точнее, восклицаем только до тех пор, пока жизнь не вразумляет нас, не объясняет, как мы слабы и не приспособлены даже для того, чтобы распоряжаться собой, а тем более Богом.

Религия, чтобы быть по-настоящему великой, должна подчиняться чему-то еще более великому, и пример тому христианство. Дабы поразить человеческое воображение этой «живой верой», христиане пишут и читают книги с заглавиями, в которых сплошь и рядом встречается слово «христианство». И дополнения к нему — «всего лишь», «основы», «вновь обретенное», «подлинное», «истинное», «просто». Без этих книг я не стал бы христианином и не остался им. Но каким бы единственным, основным, вновь обретенным, подлинным, истинным и простым ни было христианство, это не царство Божье, которое провозглашал основатель религии Иисус.

Иисус неоднократно повторял: «Царство Божье здесь. Войдите в него». Иисус никогда не говорил: «Христианство здесь. Присоединитесь к нему». Эти два понятия — не одно и то же, в сущности, они противоречат друг другу.

Между христианством и Царством Божиим есть связь, но для того, чтобы она имела смысл, необходимо проводить разграничение. Христианство — религия. Царство Божье всегда было, есть и будет чем-то большим.

Если вы не христианин, это разграничение может показаться вам несущественным. Но не христианину. Например, иудейским аналогом было бы высказывание, что только Бог владеет землей и только Ему решать, делиться ли землей обетованной и прочими атрибутами завета с кем-то, кроме евреев. Мусульманский аналог гласил бы, что Бог волен как угодно дополнять слова Корана, чтобы они были в равной мере или даже более ясными и полными, чем все имеющиеся толкования Корана. Атеистическим аналогом стало бы высказывание, согласно которому атеизм — неотъемлемая составляющая всех религий.

Первая душа, которую я «спас», друг детства из Хорватии, после крещения и трех лет, проведенных «в яслях», сказал мне, что «традиционная религия похожа на старого, изнуренного работой, больного осла. Как ни уговаривай его, чем ни угощай, как ни бей, он просто не в состоянии идти дальше». По-моему, это суровые и несправедливые слова. Я убежден, что традиционная религия и по сей день способна не только ходить шагом, но и бегать. Но при одном условии: должна быть готовность слышать — по-настоящему слышать — слова вроде «Бог имеет отношение к миру, ко всему миру. Бог имеет отношение к жизни, к жизни в целом. Но отношения к тебе Он никогда не имел и никогда не будет иметь».

Даллас Уиллард пользуется термином «божественный заговор», чтобы описать усилия Бога, превосходящие любые начинания нашей религии. По-видимому, религии в целом воспринимают себя конкурентами или жертвами, но не коллегами. Так или иначе, большинство аргументов религиозных людей сводятся к заключению, что подлинная проблема, существующая в мире — это другие, люди, которые просто не понимают.

Разумеется, это исключение других обычно маскируют смиренными и самоуничтожительными словами, возвышающими Бога.

Претензия на жертвенность может быть приемлемой позицией для групп, отстаивающих свои интересы или выживающих на сложном историческом этапе. Империи возникают и рушатся — и сетуют на положение вещей, не поддающееся их влиянию — вплоть до того, что оказываются забытыми, описания их былой славы сохраняются лишь в учебниках. Мы можем понять эти имперские жалобы, потому что одна из задач империи — протянуть дольше других.

А как же религии?

Религии утверждают, что существует реальность, находящаяся сверху, позади, снизу и внутри истории. Религиям полагается терять блеск в сравнении с великолепным присутствием Бога. Цель религии — служить миру. Религия, которая отказывается регулярно проигрывать, исключает из своего существования широкий контекст. Империям достается слава, предприятиям — прибыль, артистам — признание, за правителями остается последнее слово. Но религиям изначально не было уготовано упиваться славой, получать прибыли, претендовать на признание или оставлять за собой последнее слово. Их предназначение — служить миру. А тот, кто стремится к служению, должен быть готов к тому, что его обманут, используют, забудут. Следует принять такое бремя как неотъемлемую часть выбранной идентичности.

Раввин Авраам Иегошуа Хешель выразил значение «личности» и «момента» для любой религии, отметив: «Когда Бог становится нашим образом мышления, мы начинаем чувствовать все человечество в одной личности, видеть целый мир — в песчинке, вечность — в мгновении... Когда в сиянии религиозного озарения я вижу способ привести в порядок мою разладившуюся жизнь, примирить противников к удовлетворению всех сторон, я знаю, что это Его путь».

Христиане спросят, где во всем этом уважение к исключительности Иисуса? Мусульмане — где здесь уважение к роли великого Корана? Иудеи — где уважение к иудейской истории и земле? Атеисты и гуманисты — где уважение к человеческому фактору? Хешель отвечает всем нам вопросом: «А ваша религия хороша для всех людей?»

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В ЦАРСТВЕ БОЖЬЕМ

К особенностям большинства религий и идеологий относится утверждение, что всему миру необходимо то, чем владеют они. Рассмотрим в качестве примера отношение многих христиан к Иисусу. Они верят, что Царство Божье, о котором говорил Иисус, неотделимо от познания Иисуса как личности. В этом случае напрашивается вопрос: присутствует ли Царство Божье во всей жизни, среди любых людей, на протяжении всей истории, или же это царство

ограничено исторической личностью Иисуса и таким образом отсутствует почти во всей жизни, человечестве и в истории?

Ответ на этот вопрос зависит главным образом от того, готовы ли христиане позволить, чтобы их религия отступила на второй план, пропустив вперед нечто превосходящее ее. Мой друг Шон Эванс — психолог из лучшего в стране лечебного учреждения для невменяемых преступников больницы Паттон-Стейт в Хайленде, Калифорния. Это непростая работа, чреватая взрывными эмоциями, запутанный узел бюрократических правительственные сил, место непосредственного столкновения с преступным и безумным поведением, с трагическими историями тех, кто от него пострадал. Люди, подобные Шону, не могут позволить себе роскошь упаковывать свои мысли в красивые слова. В церкви Шону свойственно высказываться резко и недвусмысленно, озвучивать истины, которые многие улавливают, но редко выражают.

Так, когда Шон сказал группе наших прихожан, что «крест стал христианским фетищем», у каждого из нас мелькнула мысль, а не кощунство ли это. Нас охватило желание броситься к окнам и спрыгнуть с борта корабля, увлекающего нас в бездну ереси. Подобные заявления, сделанные в церкви, представляли угрозу и для веры, и для общественного положения в церкви.

Но, несомненно, замечание Шона было откровенным и высказанным из добрых побуждений. Как только оно коснулось нашей мыслительной системы, игнорировать его стало невозможно. Едва вернувшись домой, я набрал в поисковике Google слово «фетиш».

Применяемый приверженцами вуду, индейскими племенами, служителями культов и adeptами магии в виде амулета или талисмана, фетиш наделяет силой человека, который им владеет. Подобно атому, можно сказать, что крест — предмет, который можно держать в руках, носить на шее, вешать на стену или хранить в шкатулке. Однако проблема не в ношении креста. Обладание металлическим, деревянным или кожаным крестом было важным духовным инструментом на протяжении всей истории христианства.

Но владеть крестом можно по-разному. Под «владением» я подразумеваю не просто возможность купить его или продать, взять в руки, выбросить старый или сделать новый. Проблема владения возникает, когда христиане воображают себя единственными хранителями того, что символизирует крест.

Таким образом, одно из определений «фетиша», которое имел в виду Шон, что он и пояснил мне по телефону на следующий день, гласило, что фетиш — «часть целого, которую мы насыщаем силой целого и пользуемся ею, чтобы обрести ощущение контроля над целым».

Крест Иисуса — объект события, ограниченного временем и местом, зафиксированный и сохраненный теми, кому дорога история христианства. Для нас это не просто отличительная черта, а центральная глава повествования, несущая многогранный смысл.

Однако следует спросить, изменилось ли что-нибудь в Боге, когда Иисус находился на кресте. Была ли любовь Бога к нам вызвана крестом, или же крест был выражением любви, которая есть всегда и повсюду?

Было ли то, что истинно о Боге на кресте, истинным лишь у креста? Или то, что было истинно о Боге на кресте, истинно о Боге среди людей?

Стоит ли дорожить объектом события, который дает благодати и истины большую часть пространства времени и помещает эту благодать и истину в историю единственного человека?

Не наделили ли хранители истории креста эту историю властью вмещать Бога целиком, таким образом поставив себя в положение менеджеров Бога, владея единственным комплектом ключей от вселенской истины?

Вполне понятно, что хранители учения о таком объекте события, как крест, вряд ли способны с легкостью понять и принять точку зрения тех, кто не участвовал в этой привилегированной сделке, родившись не там и не в то время или же не соответствуя сделке по условиям, выдуманным ее рассказчиком, с которым они столкнулись. Христианам нравится рассуждать о «позоре креста», о том, что страдания одного человека (который был Богом или в котором пребывала полнота Божества телесно — смотря о чем ведут речь христиане) в конкретном месте в определенный момент истории — способ, которым Бог явил себя. Этот позор страданий, унижений и любви христиане считают невыразимым утешением в первую очередь потому, что благодаря этому красивому парадоксу они оказываются в выигрыше.

Я пришел к убеждению, что крест уникален не только своим локальным и историческим значением, но и тем, что он служит окном во что-то гигантское и общечеловеческое. Бог терпит смерть со всеми мыслимыми несправедливостями, угнетениями и страданиями. Бог предпочел страдать вместе с нами с тех пор, как начались страдания, и продолжает делать это вместе со всем сущим во все времена. Рождение, жизнь, смерть и воскресение того, что по-настоящему ценно, происходило еще задолго до того, как появился термин «христианство» или возникло христианство как явление. Следовательно, для меня Иисус — не только христианское, но и космическое явление, взаимосвязанное с творением и жизнью. Рождение, жизнь, смерть и воскресение Иисуса для меня и моего сообщества — окно в сущность Бога, показывающее, каким он был и каким будет — наше общее «тонкое место».

Крест — наше сокровище, а не фетиш. Поклонение кресту как фетишу подразумевает отсутствие благодати в мире. Вместо того чтобы признавать ее во всем живом, повсюду среди людей, поклонение кресту как фетишу непрестанно доказывает отсутствие этой благодати. С болью, которую вызывают заявления хранителей истории креста, может сравниться лишь радость того, кто обнаружил, что любовь олицетворяет Иисус, что не христиане владеют ею — она вплетена в ткань самой жизни. Любовь, благодать и прощение характерны для всего Божьего мира, а не только для христианского.

Ощущение власти над Богом привлекает нас — существ, измученных неопределенностями. Но если рассматривать это ощущение с дальшим прицелом, оно представляет собой жажду власти над Богом, подрывающую нашу веру. Тайна религии, которая во всеуслышание называет себя брокером Бога, теряется, становится абсурдом. Даллас Уиллард, почтенный евангелический философ-христианин, проницательно отмечал, что многие церкви на самом деле существуют для того, чтобы уклониться от Бога. Бог может быть благополучно помещен в понятия нашего богословия или укрощен ходом нашей литургии. При таких обстоятельствах можно добиваться корыстных человеческих целей, привлекая на свою сторону божественную силу и позволение. Можно избрать жизнь без Бога, но с «благословением Божиим»!

От такого предложения трудно отказаться.

Стремление претендовать на роль хранителя Бога и Божьего благословения — черта, присущая не только христианству. Используется ли завет Бога с евреями как фетиш, обращенный против других народов? Может ли Коран быть фетишем, используемым против Аллаха? Разве не может быть фетишем наука, если ее обращают против земли?

НАШИ НЕЗАМЕЧЕННЫЕ СОКРОВИЩА

Более того, фетиш превосходит нас силой и не дает разглядеть сокровища наших религий. Вот почему нам нужны другие религии, вот почему взгляд на нашу религию со стороны помогает нам прозреть.

Пару лет назад, подыскивая съемную квартиру в Манхэттене, я познакомился с одной еврейкой, брокером по недвижимости (в Нью-Йорке можно взять недвижимость в аренду только через брокера). Однажды, отправляясь смотреть очередную квартиру, я рассказал моей спутнице о своих намерениях объединить иудеев, христиан и мусульман в общины общин, где мы могли бы учиться взаимозависимости. Она отозвалась:

— Отличная мысль! Думаю, иудеи и христиане могли бы поладить!

— И мусульмане, — напомнил я.

— Нет, никаких мусульман! — решительно возразила она. — Они умеют быть приятными, притворяться твоими друзьями и так далее, дождутся, когда ты начнешь доверять им, а потом возьмут да и взорвут себя. Это бомбы с часовым механизмом!

Я объяснил, что вырос в мусульманской семье и что в бывшей Югославии мусульмане были миротворцами, которые считали насилие препятствием к посвящению жизни Аллаху. Объяснил, что никогда не видел, чтобы кто-нибудь из моих друзей или родственников-мусульман был агрессором или проявлял мстительность. Насилие было ниже их достоинства,

они считали его верным способом опозорить себя и Бога. Убить — значит отнять жизнь, возместить которую невозможно, следовательно, человек не имеет на это права.

Я рассказал, что до начала войны в Боснии вся Югославия смотрела наш аналог-шоу «Субботним вечером в прямом эфире» (Saturday Night Live): в одиннадцать вечера по субботам буквально все приклеивались к телевизорам, с нетерпением ожидая возможности дружно посмеяться. В Сараево комедийными актерами были преимущественно мусульмане. Вспыльчивые балканцы не умели смеяться над собой, и когда требовалось подтрунивать над всеми сразу, эту ответственную задачу доверяли мусульманам.

— Вот мои представления об исламе, — заключил я. — Я похож на бомбу с часовым механизмом?

Она не ответила. У нее были свои впечатления, у меня — свои. Но за кофе в конце длинного дня, после осмотра всех квартир, она призналась:

— Я еврейка, и мне страшно. Я помню фотографии времен холокоста, которые я видела в детстве. Взрослые предупреждали меня об уроках истории, страх поселился во мне навсегда. Мир хочет уничтожить нас, мне говорили, что наши страдания отличаются от страданий других людей. Другие нас не понимают. Я ездила в Израиль и видела там страх. Я хочу углубиться в свою религию, но пока мое еврейство опирается всего на два столпа: боязнь очередного холокоста и страх потерять Израиль. Их недостаточно, чтобы поддерживать религию. Мне необходим более глубокий иудаизм. Я ответил, что, с моей точки зрения, иудаизм гораздо глубже. Значительно глубже. Он простирается до сокровенных глубин жизни, где уродство человеческого опыта перемешано с его великолепием. Я сказал, что у иудеев есть дар для всех людей, особенно для христиан и мусульман. «Израиль» дословно означает « тот, кто борется с Богом». Разве это не про всех нас? Я продолжал перечислять все, чему научился у иудаизма и каким стал благодаря ему, в том числе упомянул: с тех пор как двадцать лет назад я стал христианином, я каждую неделю соблюдаю субботний день от захода солнца в пятницу до захода солнца в субботу. Без иудаизма моя христианская вера не смогла бы выжить.

— Ваше благословение неизмеримо больше ваших опасений, — заключил я.

И глаза моей собеседницы просияли.

БЕЗУМНЫЙ МУХАММАД

Жизнь прерывает нас. Когда наш жизненный опыт не согласуется с нашей религией, от чего-то приходится отказаться, а отказаться от жизни нельзя. Словно острый хирургический инструмент, жизнь вскрывает нашу религию, чтобы спасти нас от нее. Затем, когда мы понимаем, что к чему, когда наша система убеждений, традиций и ритуалов становится слаженной, как хорошо сыгравшийся симфонический оркестр, мы вновь сталкиваемся с чем-

нибудь — с впечатлением, фактом, человеком. Ничто не отрицает нашу религию так, как обнаружение сакрального в ком-нибудь из «тех людей». Мы встречаем мусульманина, который напоминает нам Иисуса более, чем кто-либо из прихожан нашей церкви. Нашей коллегой оказывается викканка, которая исправляет мир успешнее, чем кто-либо в нашей синагоге. Мы знакомимся со студентом евангелического христианского колледжа, который прилагает все мыслимые усилия, чтобы защищать права атеистов в кампусе. Работающий вместе с нами атеист, наделенный мудростью, помогает нам и дальше следовать по пути веры в Бога. Вновь обращаясь к словам Иегуды Амихая, можно сказать, что при таких встречах кроты и плуги любви рыхлят утоптанную почву нашей правоты. Именно так было со мной. Когда я стал христианином, мои безутешные родители обратились к одному из лучших психиатров Европы, пятьдесят родственников прилагали все старания, чтобы исцелить меня от любви к Богу. На помошь призывали даже моих бывших подруг, чтобы они попытались пробудить во мне сладкие воспоминания, способные завладеть моим сердцем. Мама пила таблетки от стресса, через пару месяцев на ее лице остались следы непрерывных слез. Впервые в жизни я увидел отца плачущим. Все улетучилось: гордость за христианские учреждения, благие дела моей церкви, достоинства христианского пути — все уничтожила маленькая армия людей, ревностно изучающая личную жизнь членов моей церкви. Мне сообщали, у кого из женатых христиан есть любовница, кто ворует инструменты из мастерской, кто не вернул долг соседу. После двух месяцев такой агонии мое тело и дух не выдержали, при виде страданий родных меня в буквальном смысле начинало трясти. Измученный, я держался лишь благодаря кресту Иисуса, самому недвусмысленному проявлению сочувствия Бога ко мне.

В то время родители не уловили моей слабости. Подобно мне, они были на грани изнеможения, поэтому решились на крайние меры и обратились за помощью к религиозному человеку. Они пригласили к нам имама Мухаммада — уважаемого в мусульманской общине города «святого человека», надеясь, что он сумеет внести смятение в мою систему христианских убеждений и обратить мое внимание на ислам, который мои родители считали меньшим из двух зол. Как только Мухаммад вошел в наш дом, почему-то в его присутствии мне стало спокойнее. Он был не только знатоком священных писаний, но и самым прогрессивным в экологическом плане и социально-сознательным человеком, какого я когда-либо встречал. Этот веган пришел к нам с противоположного конца города пешком: транспорт он игнорировал в принципе, берегая окружающую среду. Невысокий седой мужчина с широкой улыбкой и тонким юмором, Мухаммад излучал покой, в котором наша семья в тот момент особенно нуждалась.

После церемонии знакомства он вежливо попросил моих родителей оставить нас с ним вдвоем. Несмотря на его деликатные манеры, я все еще ожидал атаки — вроде тех, которыми уже был сыт по горло: «Тора и Новый Завет — мешанина разрозненных текстов, отредактированных людьми, а Коран был изложен Богом, следовательно, совершенен, точен во всем, непревзойден и неопровергнут во всех откровениях! Отдай предпочтение лучшему!» Но вместо этого после небольшой вступительной беседы имам погрузился в молчание, и я

обрадовался неожиданной передышке. Подготовившись к продолжению, я поднял на него взгляд, со страхом ожидая неизбежного спора. Имам тихо поднялся, подошел ко мне, сел рядом и легко коснулся ладонью моего плеча. А затем он спокойно произнес:

— Я рад, что ты верующий.

И больше не добавил ни слова.

Посидев в молчании еще немного, мы встали, он раскрыл объятия. В ответ я сделал то же. От него исходил запах деревянной мебели и мыла, немного выветрившийся, но свежий. Обнимая имама, я благодарил Бога за то, что он ниспоспал мне это облегчение.

Ни мои родители, ни я не представляли, как расценивать случившееся. После ухода имама мои родители прозвали его Безумным Мухаммадом. Их отчаяние стало еще глубже, а слух о безумии Мухаммада облетел всех наших родных.

Благодать и истина, которые я впервые увидел на кресте, воплотились в этом человеке, который согласился выставить себя на посмешище, лишь бы помочь мне сохранить целостность.

Был бы я христианином и по сей день, если бы не благословение Мухаммеда? Продолжал бы служить в церкви, если бы не благословение викканки Су? Если бы Су и Мухаммад не высказались, уверен, Бог повелел бы камням заговорить со мной. Главным образом благодаря этим событиям я сумел через несколько десятилетий переступить через вымысел о превосходстве христианства и отдать предпочтение царству суверенного Бога, который есть Дух, которым невозможно распоряжаться и который, подобно ветру, дует, куда пожелает.

РАЗВИВАЮЩИЙСЯ МОНОТЕИЗМ

«Я рад, что ты верующий». О чём думал при этом брат Мухаммад? Мусульманином я так и не стал. Прошли годы, я стал христианским пастором и многих крестил во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. В этом таинстве нет ничего мусульманского.

«Верующий»... Неужели Мухаммад чувствовал, что нам есть во что верить — в нечто огромное, превосходящее наши любимые религии и лежащее в их основе?

Бог. Бог превыше наших религий.

Монотеистические религии стали благом для мира. В своей изначальной форме иудаизм, христианство и ислам преображали угнетающий общественный порядок в свои сообщества. Наличие единого Бога означало, что среди нас нет божеств. А поскольку мы не боги, жизнь каждого человека в той же мере священна, как и жизнь остальных. Эта базовая концепция

равенства, основанная на присущих нам ограничениях, позволила нам создать общества, где кровную месть и тиранию вытеснили механизмы защиты, заботы и правосудия для всех. Никто из нас не имеет абсолютного преимущества перед кем-либо другим. Среди нас нет самодостаточных. Осознание нашего сотворения, общего для всех, как и нашей общей жизни, с которой связана та же тайна, открыло радикально новый путь к взаимному уважению независимо от разницы в имущественном статусе, общественном положении, независимо от расы, пола, религии или обстоятельств рождения. Монотеизм в своем наилучшем проявлении побудил нас вообразить себе мир, где у всех человеческих существ равные права, где каждая жизнь священна. Осознание нашего общего происхождения помогло изменить мир к лучшему, выровняло поле, проложило путь к созданию современных демократических государств. Никто из нас не божество, никто не имеет права пользоваться неограниченной властью над другими.

Пророки Израиля, Иисус, ранняя церковь, а также пророк Мухаммад и его община в Медине призывали к откровенной самокритике и признанию фундаментального равенства всего человечества. В начале существования на всех нас возложили обязанность найти путь, подходящий всем людям.

Вместе с тем монотеистические религии были проклятием для мира. Вместо того чтобы пользоваться дарами свободы и равенства, присущими монотеистической вере, вместо того, чтобы побуждать инакомыслящих — наших пророков! — бросать вызов нашим предрассудкам и ополчаться на наши недостатки, монотеисты обратили идею Бога против других. Вместо того чтобы дорожить преимуществами совместной жизни и общей тайной, следовательно постоянно сознавать наши ограничения в попытке управлять ею, приверженцы монотеизма решили навязать свои определенности другим. Круг постепенно сжимался, в него входило все меньше людей. Каждая монотеистическая религия в свое время и по-своему возвеличивала самовлюбленность, оправдывала насилие и разжигала ненависть. И все это делалось в угоду Богу! Как указывает Карен Армстронг в книге «История Бога», «в результате Бог вел себя в точности, как мы, словно был всего-навсего еще одним человеческим существом».

На протяжении нескольких лет я неоднократно беседовал о трех монотеистических религиях с неверующими. Вот что я слышал: «Иудеи, христиане и мусульмане в лучшем случае выглядят как три религиозных актера, занятых на вторых ролях в дешевом фарсе. В худшем — как три брата, руки которых сложены в молитве и обагрены кровью». По нашей вине история изобилует глупостью, несправедливостью и страданиями.

В любых взаимоотношениях наступает момент, когда извинения просто перестают действовать. По-видимому, мы уже перешли эту черту.

Мир просто перестал иметь отношение к нам. Никто больше не желает слушать. Пока мы не признаем вновь ограниченность нашего творения, нам нечего добавить, нечего привнести в мир, который нам суждено изменить.

Миссия окончена. Монотеизм должен эволюционировать или умереть.

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ ИМЕНИ БОГА

Монотеизм может, должен и будет развиваться. Вопрос лишь в том, сумеем ли мы, три величайших надежды и горчайших разочарований в истории, спохватиться, прийти в себя, деколонизировать имя Бога и признать, что мы представляем собой часть чего-то большего, нежели мы сами. Или же мы будем продолжать использовать мир вместо того, чтобы служить ему, тем самым принижая нашего Бога и самих себя? Религия в беде. Если мы не выйдем за рамки наших «всеобъемлющих» представлений о Боге, если не удержим нечто более сакральное, чем наши взгляды, если у нас не возникнет сомнений в себе и в нашем понимании не только Бога, но и всего сущего, мы все подведем мир, которому должны служить, каждый посредством собственной религии, и у нас останется единственный выход — ввязаться в битву, чтобы выяснить, чей Бог более велик.

Если мы не будем стремиться к тому, что превосходит христианство, ислам, иудаизм, индуизм или атеизм, кровопролитие неизбежно. Поскольку человеческая жизнь без нашего конкретного фетиша не стоит того, чтобы ее беречь, почему бы не прекратить ее?

Каждая из трех авраамических религий выдвигает два утверждения. С первым мы согласны: «Бог един». От второго мы стараемся откреститься: «Мы заведуем Богом». Мы отвергаем Его потому, что признание нашей опеки над Единым Богом предполагает, что мы выше Него, а это противоречит первому утверждению. Втихомолку наши религии за несколько веков колонизировали имя Бога стали системами управления Им.

ДЫХАНИЕ ВЕРЫ

Но независимо от того, как плачевно выглядит ситуация в наши дни, надежда еще жива. Выход есть. И он заключается не в том, чтобы перестать посещать наши церкви, синагоги, мечети, храмы, библиотеки, бары и другие места, где мы обмениваемся взглядами, оспариваем и доказываем их. Наши убеждения необходимо углубить, не позволяя им стать выхолощенными. Нашим сообществам требуется благословение, а не забвение. Выход из этого хаоса пробивают люди, которые уже живут взаимозависимой, а не самодостаточной жизнью, вопреки классическому мифу, согласно которому для защиты самого себя и своего народа берут оружие — настоящее, психологическое, политическое или религиозное, — а затем нападают на других и завоевывают их.

Мы больше не ведем войн, в которых можно победить. Мир пошатнулся под влиянием нашей борьбы за власть. Эмпатия, сотрудничество и прощение становятся самыми мощными действующими силами преображения. Нас возглавляют люди, которые помогут нам иначе оценить свою религию и жизнь, перестать низводить окружающих до уровня врагов, научат нас не поддаваться страху, развивать в себе способность прощать и поглощать несправедливость, вместо того чтобы посыпать ее обратно миру.

Людям нужен Бог, но не пленник религии. Они хотят неуправляемого Бога. Свободного Бога. Именно здесь виден проблеск надежды.

Мы создали в мире пустоту. Но в пустоте Бог дает жизнь новой вере, новому началу. Любая религия, которую считают привилегированной у Бога, с возложенкой на нее миссией превзойти все прочие, обычно прибегает к самым разным средствам, таким образом вставая в ряд с другими источниками мировой власти — политической, экономической, военной, правительственной. С исторической точки зрения эти виды власти связаны с маскулинными характеристиками превосходящей физической силы, соперничества, стремления покорять. И наоборот, новую веру следовало бы описывать, как женщину — не менее сильную, а более восприимчивую к взаимосвязанности всего живого. Возможно, вера всегда была подобна женщине, но у нас только сейчас появилась возможность признать это.

Один из друзей прислал мне по электронной почте снимок, сделанный в Израиле у стены, отделяющей мусульман от иудеев. На этой стене алоя краской из распылителя какой-то исполненный надежды человек написал слова Арундати Рой:

*Еще один мир не только возможен, она уже грядет.
Многих из нас не будет здесь, чтобы встретить ее,
но в тихий день, если хорошо прислушаться,
ты услышишь ее дыхание.*

Для другого мира нам нужна другая разновидность веры. Теперь у нас другой мир. В будущем в нем станут процветать и дарить нам благо «религии для всех». Это не призыв всем придерживаться одной религии. Это призыв ко всем религиям найти путь, благоприятный для всех людей, ибо все мы, люди, принадлежим друг другу.

Хорошенько прислушавшись, мы услышим дыхание новой веры. Она уже среди нас.

ГЛАВА 4

ТАЙНА БОГА

В югославской армии нас считали проявлением низшей формы жизни. Другие солдаты называли нас, пехотинцев, «армейское крестьянство», «ящерицы», «пылеглотатели». Тем вечером, после того, как нестерпимо жаркое македонское солнце наконец село, но до того, как нам приказали лечь и уснуть, мы драили полы в казармах, нашу обувь, наше оружие, а также собственные ноги, лица и зубы. Как в любой другой вечер, мы спешили покончить с обязательными делами, чтобы выкроить несколько минут и написать письмо, сделать звонок, послушать радио — что угодно, лишь бы вновь осознать, что где-то рядом есть большой мир. Я побрел прочь от казарм по широкой асфальтовой дороге, по полю с низкой растительностью к лесу, подальше от звуков армейской жизни и как можно ближе к одиночеству, как только возможно. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь услышал то, что я собирался произнести.

Я уже слышал в сумерках шорох деревьев. На опушке леса, в зарослях бурьяна, я нашел старую деревянную скамейку. Должно быть, какой-нибудь офицер с подчиненными соорудили ее давным-давно, когда эта территория части имела другое назначение.

Эта скамейка напомнила мне другую, в городском парке, на расстоянии почти тысячи километров: шесть лет назад я впервые поцеловал на ней Соню, мою первую любовь. Мы оба учились в средней школе и трепетали при мысли об уединении. Болтая, мы забрали в безлюдный угол соседнего парка, присели на скамью и затихли в ожидании. Набравшись храбрости, я наклонил голову, вдохнул запах кожи моей спутницы, услышал ее дыхание, а затем прикоснулся губами к краешку ее губ. Сладко. Я ощущал вкус распускающегося желания и радости от того, что я желанен.

Она поцеловала меня в ответ.

А что же теперь?

В тот вечер, когда я ушел от остальных солдат и присел на скамью между двумя мирами, со мной произошло нечто сродни первому поцелую с моей первой любовью. Но я столкнулся не с собственными опасениями, что мое сердце окажется уязвимым перед тайной женщины: на этот раз речь шла о моей жизни и ее уязвимости перед тайной Бога.

В прохладе дня я сидел, слушал отдаленный шум жизни и молчание леса за спиной, ощущал жар нагретой земли под ногами и высоту неба над головой. Меня окружили. И предложили капитулировать. Мое колотящееся сердце отзывалось на первые знаки внимания Бога. Тайна, о которой я читал в Библии предыдущие несколько месяцев, заманила меня сюда, и я собирался прочесть свою первую молитву.

Я не знал, что сказать. Я просто должен был ее произнести.

Вера сидела на скамье рядом со мной. Она сопровождала меня на протяжении всей жизни, но этим вечером я впервые уловил ее дыхание.

Страх и надежда перемешались так, что различить их было невозможно. Запечатлев поцелуй на моем лбу, чтобы успокоить меня, ее возлюбленного, вера ждала.

Ничего. Ни звука. Только настороженное молчание. Предстояло принять решение. Шагнуть в эту историю любви или уйти? Остаться просто знакомым веры или открыть дверь? Скрываться от нее до конца своих дней или отважиться принять ее? История вселенной — история любви, и меня приглашали вступить в нее. Я так и сделал. Я произнес свою первую молитву.

— Бог.

И все. Ничего более и не потребовалось.

В одно слово я вложил гораздо больше, чем оно могло вместить. Я вступил и новую реальность, в которой тайна — часть существования. Этой молитвой, состоящей из единственного слова, я признал, что на самом деле я ни за что не отвечаю. Я не отвечаю за свою жизнь, не говоря уже о жизни других людей. Я признал, что завишу от других и другие зависят от меня. Согласился, что жизнь в целом всегда больше моей собственной жизни, что нет конца моему невежеству и, следовательно, моему познанию. Каждой своей мыслью, каждым чувством и каждым поступком яучаствую в жизни, значительно превосходящей мою.

Как только я произнес свою первую молитву, как только выговорил слово «Бог», я понял, насколько неадекватно, избито и искажено это бедное слово. На самом деле оно ничего не значит. Какое бы значение мы ему ни приписали, рано или поздно оно будет утрачено. Именно это ощущение, порожденное словом, имеет значение. С ним мы сталкиваемся, продираясь сквозь объяснения.

Моя первая молитва стала декларацией моего присутствия в сообществе всей вселенной — от бурьяна вокруг скамьи до небесных существ, которые, возможно, наблюдали эту сцену. Моя молитва была моим приветствием большому миру: «Привет! я здесь. Как тут у вас дела?» И изъявлением благодарности: «Спасибо, что совершенно незаслуженно даровали мне право жить!» И выражением надежды: «Будущее неизвестно!»

Я вернулся в казарму, не вполне понимая того, что сейчас описал. Просто я пережил все это. Понимание пришло позднее. Я по-прежнему ощущал на лбу влажное прикосновение губ возлюбленной, мое сердце и легкие ликующие пульсировали, руки обнимали собственное тело, глаза смаргивали слезы, лицо разгорелось. Я жаждал нового поцелуя.

Но в тот вечер все закончилось.

ТАЙНА, КОТОРУЮ МОЖНО УЗНАТЬ

Пророк Исаия писал о Боге, как о том, кого мы не в силах познать.

«Мои мысли — не наши мысли, не ваши пути — пути Мои, говорит Господь. Но, как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших», — говорит Исаия. С самого начала сотворения, когда тьма окутывала землю, когда непроницаемые завесы и облака окружали ее и ассоциировались с присутствием Бога, и вплоть до тайны спасения, о которой сказано в Новом Завете, Библия в целом подразумевает сокрытие Бога. Даже ее последняя книга, Откровение, скрывает гораздо больше, чем открывает.

«Истинно Ты — Бог Сокровенный», — говорит пророк. Большинство людей привыкло воспринимать религию как путешествие за ответами. Как и я. Слишком скоро кульминацией моего первого страстного романа с Богом стал завет крещения: стремление управлять моими впечатлениями о Боге побудило меня рассматривать религию как способ управления собственной жизнью. Мастерство, упорядоченность и власть приобрели значение. Я научился восхищаться евангелистами, которые с уверенностью рассуждали о Боге. Один из евангелистов (то есть тот, кто приносит «евангелион» — это греческое слово означает благую весть) начал публичное выступление, достав из кармана стопку карточек с вопросами, которые прислали ему накануне. Не переставая быть человеком, он принялся отвечать на эти вопросы с уверенностью человека, в совершенстве овладевшего предметом. Затем он раскритиковал наши вопросы перед остальными, жаждущими определенности. За ответами последовала проповедь, состоящая из неопровергимых доводов, имеющих отношение к любви Бога, и задушевный рассказ о скреплении сделки.

Вернувшись в большой город после службы в армии, переполненный надеждами, я водил своих давних друзей на евангельские собрания. Сейчас, вспоминая об этом, я не могу понять, на что я рассчитывал. Неужели на то, что мои друзья скажут: «Ого, ты и вправду познал Бога. Это же так очевидно! Я тоже хочу на все иметь ответы!» Но такую реакцию я слышал крайне редко, если слышал вообще. Один честный друг поделился со мной: «Чего-то здесь не хватает. А где борьба, где боль, где желание, где страсть? У твоих проповедников на все готов ответ, но ветер, поднятый Святым Духом, им и волоска не шевельнет! Как ты мог влюбиться в такое?» И я понял, что в такое не влюблялся. Я полюбил Возлюбленного.

Нам, религиозным людям, нравится делать Бога очевидным. Но Бог остается сокрытым. Как тайный возлюбленный.

В отношениях с тайным возлюбленным, если они продолжаются всю жизнь — и особенно в этом случае — тайна встроена в то, что о нем открыто. А затем наступает момент, когда поиски все новых и новых сведений о том, кого мы любим, не просто оказываются недостаточными, но и вводят в заблуждение. То, что сокрыто о нем, так же важно, как то, что известно, и лишь

реальные взаимоотношения помогают поддерживать гармонию известного и неизвестного. И то и другое становится частью откровения, так действует любовь.

Святой Фома Аквинский писал:

*Я сказал Богу: «Позволь мне любить тебя».
И Он ответил: «Которую часть?»
«Всего тебя, всего», — сказал я.
«Дорогой, — произнес Бог, — ты как мышонок,
желающий оплодотворить тигрицу».*

Специалист по религиям Карен Армстронг рассказывает о древнем индийском ритуале, поучительном для тех, кто ищет ответы. Два священника вступают в состязание. Один из них пытается дать Брахману, высшей реальности, определение в виде загадки. Его противник отвечает тем же, в столь же уклончивом и поэтичном стиле. Диалог продолжается, пока один из участников не повергнет второго в молчание. В этом молчании, когда уже не остается невысказанных слов, присутствует Брахман.

Мистики в иудейской, христианской и мусульманской традициях учат нас, что Бог — тот, о ком нельзя даже говорить и, следовательно, надо узнавать Его в молчании. Вот почему, например, у мусульман нет религиозных украшений в местах поклонения. Только пространство. И люди. Под Богом. Вот почему молчание — одна из распространенных реакций на Бога в Библии, нашедшая отражение в квакерских традициях поклонения.

Слова раскрывают, но вместе с тем затуманивают.

Словами мы пытаемся удержать Бога. Молчанием Бог удерживает нас.

Бог — неизреченная тайна.

Тем не менее, пророк Исаия продолжает: «Как дождь и снег нисходит с неба и туда не возвращается, но напояет землю и делает ее способной рождать и произращать, чтобы она давала себя тому, кто сеет, и хлеб тому, кто ест, так и слово Мое, которое исходит из уст Моих». Как небеса далеки от земли, так и Бог. В то же время, как дождь и снег пропитывают землю, так и Бог. Бог настолько не похож на нас, что мы никогда не постигнем Его, и настолько близок к нам, что мы никогда не избегнем Бога.

В книге «Как (не) говорить о Боге» Питер Роллинз в сжатом виде излагает эту вековую мудрость: «Тот, о ком мы не можем говорить — это Тот, о ком и к кому мы никогда не должны переставать говорить». Что если мы имеем дело не с отсутствием, а с гиперприсутствием Бога, ошеломляющим и наш опыт, и наш язык? Что если Бог для нас является тайной именно потому, что Его присутствие ослепляет нас? Что если тайна заложена в откровение Божье, и чем больше откровение, которое мы получаем, тем больше тайна, которую мы узнаем?

Роллинз спрашивает: а если вместо ограничений ввиду отсутствия Бога мы замкнуты накоротко избыточностью присутствия Бога?

Тот, о ком мы не можем говорить — это Тот, о ком и к кому мы никогда не должны переставать говорить.

ГЛАВНАЯ ТАЙНА МИСТИКОВ

Пророк Исаия продолжает разговор о том, как все сущее реагирует на это божественное насыщение земли: «Вы выйдете с веселием и будете провожаемы с миром; горы и холмы будут петь пред вами песнь, и все дерева в поле рукоплескать вам». Для пророка это гиперприсутствие Бога невозможно воспринимать с помощью одного лишь интеллекта.

Присутствие Бога ощущается. Как музыка.

Музыка являет. И скрывает. Подобно любому искусству, музыка скрывает избыточный смысл. Когда Иисус говорил о своих учениях: «Кто имеет уши слышать, да слышит», он обращался не к глухим, а скорее ко всем, кто окружал его. Музыка требует реакции. Объятия. Танца. По словам пророка, все и вся, в том числе горы, холмы и деревья в поле, могут слышать музыку и реагировать на нее.

Даже когда рядом нет природы, те, кто слышит музыку, слышат и реакцию мира. В обширных пригородах Южной Калифорнии пение издают скоростные шоссе; в Нью-Йорке в час пик хлопают двери подземки. Мы слышим музыку в диапазоне настроений от плача до радости, мир меняется, и мы танцуем. Но как только мы начинаем прерывать музыку ответами, мы перестаем слушать. Едва перестав слушать, мы прекращаем танцевать. Мы воздействуем на смысл силой, вместо того, чтобы капитулировать перед тем, что христианский ученый и мистик Юджин Питерсон назвал «непринужденными ритмами благодати».

Для мистиков всех эпох вся ортодоксия, весь закон, традиция и богословие по большому счету не годятся для достижения единства с Богом. Суфии, поэты и мистики ислама, подрывающие костяк современных религиозных концепций, придерживаются мнения, что даже Коран который они читят, как речи самого Бога, не выдерживает проверки. Они резонно спрашивают: «Кто же читает любовные письма в объятиях Возлюбленного?»

Религия — раковина. Любовь — жемчужина внутри. Моя знакомая сторонница суфизма Рабия пригласила меня в мечеть в центре Манхэттена, где она бывала каждый четверг вечером, начиная с семи. Уходя из дома, я предупредил жену, что вернусь около девяти. Люди начали стягиваться к мечети ровно в семь, они садились на пол, передавали по кругу корзинку с финиками и сладостями, попивали чай. И признавали присутствие друг друга. Начался вежливый разговор, более сладкий, чем финики и ракат-лукум. У одного из мужчин болело колено, молодая женщина была беременна, кто-то лишился работы, кто-то приехал в город

погостить. Группа благословляла каждого, вновь и вновь читая первую суру Корана «Открывающая» (Аль-Фатиха), по одному разу для каждого из упомянутых. Слушая их, я вспоминал голос Садики, моей бабушки с отцовской стороны, учившей меня этим напевным словам. Она повторяла: «Бисмилляхи, ар-Рахмани, ар-Рахим; Амхамдулиляхи раббиль аль-лямин; ар-Рахмани, ар-Рахим...» И еще раз. И еще...

Без четверти восемь группа плавно перешла от забот друг о друге к просвещающим и ободряющим словам руководителя, затем — к повторению нараспев имен Бога, к изображению жестами смысла слов. Кульминацией стала пляска дервишней, вращение вокруг своей оси, как вокруг стержня жизни, в котором, согласно Корану, пребывает Бог. Присутствующие врашивались против часовой стрелки, правая часть тела нагоняла левую, охватывала сердце, где находится Бог. Левая рука, вскинутая вверх, к небу, олицетворяла принятие любви Бога; правая, опущенная вниз, благословляла землю, на которой мы живем.

Они не спешили.

Направляясь в другое помещение мечети, чтобы разыскать в куче свою обувь, я взглянул на часы и обнаружил, что время уже перевалило за полночь! Когда оно успело пролететь? Я бросился звонить жене, чтобы сообщить, что вернусь позднее, чем рассчитывал. Она не отвечала, и я отправил ей сообщение. Когда я уже собирался рас прощаться и уйти, один из дервишней объявил: «Идем наверх ужинать».

— Ужинать? Сейчас? Ужин у меня уже был — шесть часов назад. С таким же успехом эту трапезу можно было назвать завтраком.

Мысль о еде и болтовне в такой поздний час, в будний день, отдавала для меня, семейного человека, абсурдностью и безответственностью. Но я не знал, как быть, и потому решил остаться. Все братья и сестры, как они называли друг друга, прошли наверх и расселились на полу вокруг низких столов. Город уснул, а здесь продолжалось свидание с Богом! Тарелки передавали из рук в руки, повсюду слышались разговоры, радостный повар вынес огромную кастрюлю чечевичного супа, свежий сыр, оливки и хлеб. Все угождение сдобрали еще пятью аятами "Аль-Фатиха"

К тому времени, как закончился пир, была уже половина второго. Улучив минуту, я спросил:

— А вы завтра работаете?

— Угу-м, — ответили собравшиеся с полными ртами и согласно закивали.

Я засмеялся. Это же нелепо! Здесь были учителя, работники сферы обслуживания, художники, бизнесмены, простые трудолюбивые нью-йоркцы. Мне ответили добродушным смехом.

Как они могли так жить?

Почему они так жили?

Было три часа утра, когда я тихо повернул ключ в двери своего дома, стараясь не разбудить детей. Весна спала, откинув руку, и ждала меня. Внезапно на меня нахлынули воспоминания: двадцать лет назад, когда мы только встречались, мы жили на расстоянии восьмидесяти километров. В разгар рабочей недели, день за днем, неделя за неделей дожидался, когда родители уснут, выскользывал из дома, спешил на автобусную остановку, медленно уезжал на автобусе, в ночь, пешком доходил до дома, где жила Весна, и ждал, когда она выйдет, чтобы удивить ее рано утром.

И все это ради чего? Чтобы пятнадцать минут побывать рядом с ней, провожая ее на утренние занятия. Пройтись с ней бок о бок. Возможно, украдкой поцеловать. Затем я возвращался домой автобусом и весь день ходил разбитый. И она ни разу не спросила, зачем. Потому что знала. Для нее это имело смысл. Это имело смысл и для меня. Мы любили друг друга. Я повторял бы ей вновь и вновь на разные лады, словно «Аль-Фатиху»: «Я люблю тебя».

Посмотрев на нее, лежащую в постели той ночью в Нью-Йорке, и притягивая ее к себе, я задался вопросом: «А как же дар жизни, который нам никогда не понять во всей полноте? Почему бы нам не любить его так же?»

ЭКСТАЗ НЕЗАВЕРШЕННОСТИ

Мистики убеждены, что стремление к Богу слаще любого познания Бога. Они могли бы сказать, что нас «насыщает наш голод» к Богу. Апологет христианства К.С. Льюис сжато выразил эту мысль в книге «Настигнут радостью», вспоминая моменты своей жизни, когда радость познания Бога коснулась его, пусть даже мимолетно. Он утверждал, что эта радость «разительно отличалась и от счастья, и от удовольствия», и являлась «неудовлетворенным желанием, которое само по себе желаннее любого удовлетворения!» В «Песни песней», одной из книг Ерейской Библии, образ чувственной любви служит для описания экстаза познания Бога и ощущений того, кто познан Им: «На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя, искала его и не нашла его. Встану же я, пойду по городу, по улицам и площадям, и буду искать того, которого любит душа моя». В Священном Писании чувственность пронизывает текст из-за ограниченности наших слов о концепции Бога.

Закон не может коснуться Бога. Как и богословие. Как и слова.

И вместо того, чтобы засыпать Бога градом слов или понятий, мистики совершенствовали язык, описывая свои , впечатления. На протяжении всей истории они стерегли путь к Богу в условиях опасного для жизни фундаментализма, нарушили искусственные границы между богословием и поэзией, преодолевали прочные стены между религиями и явные пропасти между Богом и человечеством.

Почитая мистический опыт субботнего отдыха, уходящий корнями в иудаизм, святой Фома Аквинский писал:

*В субботний день следи,
чтобы шум не доносился
из твоего дома.
Исключение —
крики страсти возлюбленных.*

Суфийский поэт Шамседдин Мохаммед Хафиз писал о Христе:

*Я — отверстие в флейте,
откуда выходит дыхание Христа —
прислушайся к этой музыке.*

И о чистой радости повседневной жизни с Богом:

*Бог и я стали, словно два толстяка в крохотной лодке.
Мы то и дело сталкиваемся друг с другом и смеемся.*

Тукарам, индийский поэт XVII века, писал о тщетности наших разговоров о Боге:

*Похоже, Бог дал нам не то лекарство.
А ну-ка, насколько просвещенным ты себя чувствуешь?
Ручаюсь, у Него припрятан запас средства,
которое и вправду помогает.*

Христианский учитель церкви, мистик Екатерина Сиенская, писала о своем чувственном восприятии Бога:

*«Я не приму отказа», —
Бог говорил мне каждую ночь,
распахивая объятия и желая,
чтобы мы танцевали...*

Ей вторила Тереза Авильская:

*Когда Он касается меня, я вцепляюсь
в небесные простыни так,
как другие возлюбленные —
в глинистую ткань земли.
Всякий подлинный экстаз —
признак того, что ты движешься*

*в верном направлении,
и не дай ханжам
убедить тебя в обратном.*

Во взаимосвязанном мире простой информации недостаточно. Момент, когда нам кажется, что мы кого-то знаем, оказывается моментом, когда мы его не знаем. Уверенность в ближнем, будь он человеком или Богом, бесследно исчезает вместе с отношениями. Признать ограничения нашего языка веры — значит не умалить, а возвеличить Бога. При этом наша любовь становится не более неуловимой, а более реальной.

Без определенности жить в этом мире становится страшно. Мы — слабые создания, нам требуется так много определенности в этой жизни, как только можно получить. Мы теряем работу, здоровье, любимых, дом и знаем, какой изнуряющей бывает неопределенность. Но мучительная неопределенность, связанная с Богом, также служит источником неизмеримого утешения: если мы не владеем Богом, Бог владеет нами.

Это совсем иной род определенности. Наше ощущение незавершенности и наше неутоленное желание манят нас из разумного укромного мирка во вселенную как она есть, где на свободе разворачивается космическая история любви. Вот почему религия и ее слова предназначены для любовников, людей, которые хотят жить испепеляющими страстями и неоправданными надеждами.

То же самое справедливо для стремлений, которые мы считаем совершенно разумными — таких, как наука. Каждое открытие в исследовательской лаборатории — не что иное, как остановка в путешествии любовника. Мой друг Милорад Кожич, генетик из Верхнего Ист-Сайда в Манхэттене, — ученый до мозга костей, один из тех, кто в лаборатории полностью забывает об окружающем мире. Для меня он мистик! И не из-за глубоко интеллектуального, православного магнетизма с оттенком достоевщины, которым он обладает, а потому, что его любовь превосходит его поразительный интеллект. Даже ученый, гигант разума, исходит из определенности, а затем, вступая в веру, бросает вызов доказанному. Каждое открытие начинается с нарушения. Преобладающие данные, и большинство ученых могут утверждать одно, но истинный ученый, возлюбленный жизни — вообразите себе человека в сияющем белом одеянии, как у дервишей — вращается посреди лаборатории и видит то, что не могут увидеть другие, страдает от острого и неутолимого желания, стремится к истине и красоте, несмотря на видимость. Этот ученый безумен, если вступает в неведомое. И наоборот, мир сдерживает определенность священника, политика, ученого.

Произнесение первой молитвы было самым отважным поступком в моей жизни, так как явилось актом капитуляции перед чем-то большим, нежели мое единственное «Я» и сумма моих знаний. Я обнаружил, что для большинства людей капитуляция подразумевает отступление, слабость и пассивность. Когда противник сильнее нас, мы капитулируем. Мы гордимся своей способностью стоять насмерть и обороняться больше, чем умением

подчиняться и уступать. Но капитуляция веры — капитуляция перед возлюбленным, а не врагом. Когда мы делаем шаг к нашему возлюбленному, мы делаем шаг в мир, где незнание — часть бытия. Свою первую молитву я произнес потому, что почувствовал: отказ от капитуляции — сам по себе рабство. Если я не способен капитулировать перед неизведанным, я не могу любить, нет более безнадежного рабства, чем неспособность к любви.

Даже теперь, спустя четверть века, это единственное слово-молитва — «Бог» — продолжает действовать на меня. Я чувствую, когда мне необходимо произнести его, возможно раз в год, нахожу место, где никого нет, произношу заветное слово, и мир смещается от определенности к возможности, миг становится вечностью, «здесь» превращается в «повсюду», все становится частью целого, и мне открывается новый способ видеть, ощущать и даже запоминать.

ИСТИННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ЭКСТРЕМИСТЫ

Тот факт, что у нас нет определенности, приходящей вместе со всеми ответами о Боге, имеет явные и очевидные недостатки. Но благодаря Богу, которым нельзя распоряжаться, мы обретаем существенное преимущество: никто не может действовать именем Бога.

Друг детства, вместе со мной принявший веру, после четырех лет отчаянных попыток признался, что не способен оставаться в любви с Богом: «Порой мне хочется, чтобы Бог приковал меня к себе цепями». Интересно, что Ветхий Завет, Новый Завет и Коран не пользуются подобными образами, описывая отношения человека с Богом. Мы не посажены под замок, не скованы и не заключены Богом. О принуждении не может быть и речи.

Но многим людям все-таки недостает цепей. Они боятся, что оставят Бога или что Бог оставит их, и вместо того, чтобы стремиться к динамичным, исполненным любви взаимоотношениям с Богом, хотят стать Его рабами. Их внутренние цепи выкованы из воображаемых определенностей, порожденных страхами — системой убеждений, которая автоматически исключает все другие убеждения прямо пропорционально тому, насколько эти другие убеждения отличаются от собственных. Существует широкий спектр способов, которыми люди поклоняются определенностям о Боге. На одном, менее насильтвенном конце этого спектра — люди, которые глубоко озабочены целостностью своей религии, богословия, богослужений и традиций, потому и выступают хранителями всех этих ценностей. Они воспринимают свою систему убеждений как симфонию, которую требуется не исполнять, а обуздать, как сложное, но управляемое музыкальное произведение, охватывающее все, что можно знать о Боге. Вместо того чтобы наполнять свою душу музыкой, эти религиозные дирижеры тратят уйму сил и средств, чтобы контролировать оркестр своих убеждений и обычаев. Поглощенные и зачастую изнуренные разговорами о Боге и своей религии, они перестают слушать музыку. Возлюбленный желает играть, танцевать, целоваться и обмениваться ласками, а они слишком заняты управлением оркестром и партитурой. Всю небрежность, отступления, гибкость и оспаривание правоты авторитетов следует искоренить! Каждая лишняя нота, каждый

пропущенный такт, каждая незавершенная часть, каждый незапланированный звук, каждый новый инструмент, каждая импровизация в жизни человека или религиозной общине вызывают страх, что симфония выродится в какофонию.

Но на другом, более насильственном конце спектра поклонения определенностям, связанным с Богом, обнаруживается еще более серьезная проблема: те, кто боится, что сомнения и неопределенность станут источником ненависти к себе. Им слишком трудно выдержать динамические и неопределенные отношения с нами, другими человеческими существами, и с Богом. Поскольку откровения Божьи и явлены, и скрыты и поскольку доверие и сомнения, переплетенные в ткани жизни, представляют для этих людей угрозу, их привлекают действия, с помощью которых они рассчитывают избавить веру от неопределенности. И дают волю разрушению.

Акты насилия стали способом подтолкнуть себя из неверия через порог парадокса веры к определенности и категоричности, свойственным разрушению. Смерть — для других и для себя — предпочтительнее неопределенности. Так как этим людям не дает покоя собственное существование, они присваивают себе прерогативу Бога — творить или отнимать жизнь. Эти поклонники определенности не владеют фундаментальным религиозным учением о взаимозависимости всего живого. Уничтожение других приводит к уничтожению самих себя. Отстранившись от образа Бога в себе, они действуют под влиянием ненависти к себе.

Таким образом, люди, которых мы называем «религиозными экстремистами», не очень-то религиозны и даже вообще не религиозны. (Я не причисляю к ним тех, кто доходит до крайностей в целях физического, эмоционального или культурного выживания, реагируя на грабительские методы глобальных рынков.) Наоборот, они превращаются в то, что сами презирают. Их преданность делу — зеркальное отражение преданности безмозглого потребителя. Готовность взорвать себя ради доступа к сладострастным девственницам (или, если уж на то пошло, к любым подобным благам) не выражает ничего, кроме вожделения к эксклюзивным «товарам и услугам», только в этом случае «товары и услуги» будут небесными, а не земными, а их поставщиком считают Бога.

Однако символика и метафорический язык религии предполагают приглашение к любовным отношениям с Богом, к отношениям, подкрепленным как известным, так и неизвестным. Религия просит нас войти в историю любви. С Возлюбленным мы можем естественным, подлинным и абсолютным образом претендовать на то, чтобы Бог внес определенность в нашу беспорядочную жизнь. Хотя любовь с Богом вряд ли обеспечит нас абсолютными знаниями о Нем, она безраздельно завладеет нашими сердцами. Наша жизнь полностью преобразится — настолько кардинально, что нам придется прибегать к языку превосходных степеней, чтобы рассуждать о ней. Мы говорим о нашем Возлюбленном как о «единственном» и «полном и окончательном», потому что экстаз связи с Возлюбленным ощущается целиком, а не частично. Таким образом, наш конфессиональный язык любви естественно и неподдельно превосходит. Иначе и быть не может. Сплетаясь в этих объятиях,

недостаточно уверять любимого, что он или она «замечательные». Мы воспринимаем своего Возлюбленного как «величайшего», «единственного», и так далее.

Но так называемые религиозные экстремисты ничего подобного не делают. Они отвергают глубочайшие учения своей религии о Боге не потому, что они любят Бога, а потому, что не любят. Бесконечные нюансы подлинных отношений с Богом невыносимы для них, поэтому им приходится выдумывать низшее божество, к которому можно обращаться в актах разрушения.

В своем лучшем проявлении религии учат нас любить жизнь, несмотря на неопределенности. Люди, уничтожающие себя или других именем своей религии, на самом деле не знают, как любить и быть любимыми. Вот почему, как это ни парадоксально, их не может остановить ничто, кроме любви.

В таком случае мне непонятно, почему мы называем их «религиозными экстремистами». Отсюда следует, что они — религиозные «тяжеловесы». А кто же тогда люди, которые отважно и смиренно живут, несмотря на сложности и вопросы без ответов, посвящают всю свою жизнь служению другим людям, страдают от несправедливости, даже становятся истинными мучениками (их вынуждают страдать), бросают вызов культуре насилия и находят способы изменить мир, не разрушая его? Неужели — «легковесы»?

Преуменьшение значения нашей религиозной истории, традиций, учений и обычаяев лишает нас возможности отмежеваться от разрушительной силы поклонников определенности. Их убежденности следуют противопоставить не ее отсутствие, а только страсть, превосходящую их собственную — страсть влюбленного.

МОЛОЧНОЕ БРАТСТВО

Изучая психологию развития в аспирантуре, я узнал об одном эксперименте, в ходе которого ученые пытались определить, реагируют ли младенцы на материнские голоса. Ученые создали систему связи с младенцами посредством высокотехнологичных электронных датчиков, имеющих внешнее сходство с сосками и позволяющих измерять интенсивность сосания — если угодно, это были суперсоски. Каждому младенцу давали послушать запись женских голосов, из которых только один принадлежал его матери. В первой части эксперимента каждую суперсоску подключали к усилителю, благодаря чему материнский голос звучал громче остальных, громкость была пропорциональна интенсивности сосания. Во второй части эксперимента исследователи поступили наоборот: чем старательнее младенец сосал, тем тише становился материнский голос по сравнению с другими женскими голосами. Как ни удивительно, оказалось, что все новорожденные сосали с большей или меньшей интенсивностью — в зависимости от того, что требовалось, чтобы отчетливее слышать материнский голос.

На мой взгляд, это не только поразительное научное, но и духовное открытие. Мухаммад Ибн Араби, мусульманский философ, живший в XIII веке, автор более чем 350 трудов, возможно, величайший философ-мистик ислама, стоящий наравне с Джалаладдином Руми, выдающаяся личность в сфере человеческой духовности, писал в своем самом масштабном труде, «Мекканские откровения», о трех сообществах: братстве крови (близких, связанных кровным родством), братстве воды (более широком сообществе людей, придерживающихся одних и тех же убеждений, товарищей по религии) и братстве молока (сообщество всех людей, объединенных тем, что все они насыщались от груди Божественной Любви).

Эти слова нашли回响 in моем сердце. Моя семья, рассуждал я, это мои кровные родственники, люди, которыми я окружен в этом мире. Когда меня крестили погружением в воду, границы моего сообщества расширились. Вода — распространенный символ, которым пользуются, чтобы провозгласить выбор конкретного духовного пути и сообщества, следующего этим путем. А теперь, спустя два десятилетия, я хочу принадлежать к молочному братству, сообществу, которое питается везде, и каждый на свой лад, сладким познанием, благодаря Дарителю Жизни, не признающему человеческих границ.

Иоанн, — вероятно, первый мистик христианской церкви и автор четвертого евангелия, — в своем послании пишет о Боге особенно необычным образом. Вместо того чтобы пересыпать свои слова о Боге отрицаниями, сравнениями, контрастами, метафорами и другими лингвистическими ухищрениями, позволяющими осторожно приблизиться к концепции Бога, Иоанн предпринимает страстную попытку напрямую высказаться о том, кто есть Бог.

«Возлюбленные! — пишет он. — Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога; кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь... Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем». Иоанн отождествляет Бога с любовью, помещает Бога в каждого, кто любит, а каждого любящего — в Бога. Почувствовав склонность новорожденной религии занимать позицию единственной хранительницы Бога в мире, Иоанн, настаивая, что «любовь Божия к нам открылась» в том, что Бог послал нам Иисуса, выходит за рамки христианских представлений о значении слова «Бог» и связывает скрывающуюся за ним реальность со всем человечеством. Не каждый человек — мой кровный брат, лишь некоторые люди входят в мое братство воды, но, несомненно, каждый может войти в мое молочное братство. Бог — наш возлюбленный, следовательно, Его невозможно подчинить себе. Толкование откровений исключительно как способа познания Бога сужает наше сознание, приглушает эмоции, уменьшает понимание. Таким образом, наша ситуация с «познанием Бога» подобна положению младенца на руках у матери. Находясь в руках матери, младенец не «понимает» ее, а скорее, ощущает, что мать познает его. Точно так же откровение Божье, которое мы получаем от Бога, приходит не просто из слов наших священных писаний, а через дар жизни, которая нас обнимает. Сама жизнь — откровение, место, где Бог поддерживает и преображает нас. Мы не в силах завладеть Богом, хотя преображаемся потому, что Бог владеет нами. Обнимая нас, Бог подобен матери, явлен способом, который реален, но остается тайной.

Индийская поэтесса XVI века Мира (Мирабай), получившая признание индуистов, христиан и мусульман, писала:

*У Бога особый интерес к женщинам,
ибо они способны поднести мир к груди
и помочь Ему утешить.*

История вселенной — это история любви. Нас обнимает мать, когда мы еще малы, обнимают любимые, когда мы взрослеем, обнимают дети, когда мы стареем, но кто бы нас ни обнимал, опекун, друг или добрый незнакомец, мы воспринимаем историю вселенной.

Мою жажду определенности не утолило сидение на старой скамейке вдали от армейских казарм, между двумя мирами. Я продолжал желать еще одного поцелуя. Потому я и остался верующим! Мое неосуществленное стремление к Богу слаще любого другого исполнившегося желания. Моя неопределенность, связанная с Богом, гораздо утешительнее, чем любая определенность, какую я когда-либо чувствовал.

Меня обнимают.

И поцелуи Возлюбленного ощущаются по-прежнему.

ГЛАВА 5

РАДИ ЧЕГО СТОИТ ЖИТЬ

Дым завис над Манхэттеном после атаки 11 сентября, и под этим дымом мы торопливо строчили письма печатали электронные послания, звонили во все концы света, просили денег и тратили их, не успев получить. Сотня профессиональных консультантов-психологов, работников служб помощи, способных оказать поддержку или просто любопытных жителей других городов проходили через старое здание нашей церкви. До пятидесяти посетителей за раз ночевало в цокольном этаже, в спальных мешках, на ковровом покрытии весьма сомнительной чистоты, по соседству с мышами, в условиях отсутствия душа и других бытовых удобств. Предприятия и компании, находящиеся по соседству в Верхнем Ист-Сайде, узнали о нашей деятельности и предложили помочь в организации питания. Энергичная жительница Манхэттена Мэри Эрра из высотного дома со швейцаром, возле самой Парк-авеню, пришла на собрание группы поддержки, которую обеспечивали всем необходимым мы с женой, и предложила помочь. За считанные часы она наклеила на все двери в своем доме листовки с обращенной к жильцам просьбой «поделиться душем». Вскоре непрерывный поток постояльцев нашей церкви потек к чужому жизненному пространству: люди пользовались роскошными ваннами, съедали горячие обеды, приготовленные служами, останавливались у окон гостиных, чтобы взглянуть на панораму Манхэттена, стоящую миллионы долларов, и принимали эту минутную передышку как дар.

Нью-Йорк походил на многослойный салат, который перемешала трагедия. Слои перепутались, границы общественных кругов стерлись. Временами мне хотелось отступить и в тихом и ошеломленном изумлении наблюдать явное чудо: абсолютно незнакомые люди с еще влажными после душа волосами и разгоряченными телами сидели в чужих кухнях, а хозяева со встревоженными улыбками смотрели на них. Не припомню, чтобы я когда-либо видел более обнадеживающее зрелище.

После атаки террористов на Всемирный торговый центр и угрозы распространения сибирской язвы через несколько недель после нападения невозмутимость бесстрашных нью-йоркцев дала первые трещины. В то время как многие деловито наводили мосты через пропасть, которая разверзлась в нашей коллективной травмированной психике и отделила нас от мусульман, кое-кто так же старательно выискивал изъяны во всем, что было связано с исламом, и в нас, сочувствующих ему. Под сомнение ставили нашу преданность Америке, христианству, разуму, справедливости, внутренней безопасности и даже Нью-Йорку. Мне казалось, что у меня вспышка После катастрофы 11 сентября ко мне в разговорах и в сновидениях начали возвращаться искаженные страхом лица, из моего прошлого, с родины, из Югославии. Мне снились кошмары, как меня сначала призвали на войну, а потом бросили на вражеской территории. Барабаны сербского и хорватского патриотизма пробивались сквозь сообщения СМИ, эхом повторяя и усиливая друг друга.

А теперь то же самое происходило в глобальном «столкновении фундаментализмов». Вскоре мы поняли, что граничащий с истерикой страх перед мусульманами, новыми «иными» среди нас, истощает нашу энергию и тормозит наше, стремление помочь. Две вдумчивые и отважные женщины нашей церковной общине, Айовака Барбер и Сильвия Хедош, предложили организовать открытое собрание и дать мусульманским лидерам возможность поделиться сокровищами своей веры, обычаями и культуры. Мы пригласили известных имамов из Манхэттена, женщину из организации «Мусульмане против терроризма», христианина, специалиста в области общественного здравоохранения, и активиста, который провел много лет в исламских странах и мог познакомить нас со своими уникальными наблюдениями?

Я сообщил об этой идее всем, кому смог, но, к своему огорчению, обнаружил, что она мало у кого вызвала отклик. Через несколько часов озабоченные соседи-доброжелатели посоветовали мне отменить это мероприятие. Они предрекали беду. «Это лишь обнадежит террористов. Если мусульманам не нравится Америка, пусть живут в другом месте». — они взмахом руки указывали направление.

Мне предстояло решить, проводить собрание или нет, но к тому времени я уже был измучен и ни в чем не уверен. Моим прихожанам пришлось особенно тяжело. Новый председатель совета нашей церкви Майкл Бакш был симпатичным, образованным, добрым молодым человеком из Пакистана, «джентльменом царства Божьего», как мы дружески прозвали его. Первый самолет врезался прямо в офис на 94-м этаже Всемирного торгового центра, где в тот день впервые работал Майкл. Мы ждали неделю за неделей, утешали родных, призывали Бога услышать наши молитвы и вернуть нам Майкла живым. Однажды мне приснилось, что он застрял в подземке на расстоянии двух кварталов от кратера и, выбирайсь на улицу через вентиляционную шахту, повторял: «Уф, еще бы чуть-чуть — и все!» Каждые выходные вся наша община, в том числе жена Майкла, Кристина, и двое их маленьких детей, приходили молиться. Мы становились в крут, и один из наших лидеров, Дэн Фарбах, говорил: «Боже, может ли молитва хоть что-нибудь изменить? Если да, все мы за жизнь». Мы с Кристиной ходили в старый арсенал, в большой зал которого уцелевшие члены семей и священники могли принести такие личные вещи, как зубные щетки или расчески, чтобы следы ДНК на них помогли идентифицировать обнаруженные останки — правда, надежда на это была слаба. Мы хотели узнать судьбу Майкла. Но в конце концов надежду вытеснила усталость.

Я устал надеяться, в сердце начал закрадываться страх.

Погруженные в глубины нашей общей скорби, американцы с трудом представляли себе мирное сосуществование с «этими людьми» и осуждали всех мусульман разом. Вместо того чтобы помочь нам представить себе нашу общую Жизнь, правительство, подстрекаемое СМИ, жаждущими новостей, убеждало страну, что весь мир превратился в гигантский восьмиугольный ринг для боев без правил. Демонстрации власти стали наиважнейшим, первым и непременным шагом к смягчению нашего горя и восстановлению позиций.

А я обнаружил, что для многих американцев я по-прежнему остаюсь одним из «этих людей». Некий человек вроде бы без всякой связи с происходящим заговорил со мной о моем имени. «Одного из террористов звали Самиром, — объявил он и сделал паузу, сверля меня взглядом. — Кажется и вы Самир?» Мне хотелось бы думать, что он всего лишь внял призыву правительства «проявлять бдительность», но этот разговор заставил меня задуматься, стоит ли проводить в церкви рискованное мероприятие. И я решил позвонить в Хорватию родным.

— Отмени все и сиди тихо, — авторитетным тоном распорядился отец по телефону. Он добавил, что у американцев нет свежих воспоминаний об оскорблении, нанесенных как народу. Пережив трагедию, объяснял он, они скорее придут в ярость, чем станут горевать. Вмешалась моя сестра Бисера со словами, что американцам история устроила каникулы, но они уже кончились. Теперь им придется жить так, как всему миру, и, по мнению сестры, приглашать в общие ряды — не мое дело. Родные были убеждены, американцы не знают, как справляться с потерей управления и потому наверняка постараются сорваться на других, лишь бы вернуть себе чувство собственного достоинства.

— Но послушай, папа, — не выдержал я, — ислам, который нам знаком, — радикально пацифистский. Я вырос с этим убеждением. В Югославии я никогда не видел никаких проявлений насилия со стороны мусульман. Мы знали: убить человека — значит предать ислам. Мы не можем даровать жизнь, значит, не нам ее и отнимать. Почему я должен бояться говорить об этом? — Люди, самолюбие которых уязвлено, воспринимают разжигание войны как патриотизм. Им просто необходим враг. А миротворцы — удобная мишень! — объяснил мой отец, напоминая о своем солидном балканском опыте и развеивая остатки моих надежд. Все родные посоветовали мне держать язык за зубами, сидеть тихо и не предлагать себя в качестве мишени.

Положив трубку, я заплакал.

Я возмущаюсь, когда слышу от кого-нибудь, что «Бог сделал это», «Бог хочет того» или «так велел мне Бог». Откуда им знать? Но как ни странно, чем больше живущих по соседству людей высказывалось против собрания, чем убедительнее звучали предостережения родных, чем чаще я узнавал о том, как ничего не подозревающих обладателей арабских имен куда-то увозили по приказу растерянных властей, тем больше убеждался: Бог хочет, чтобы это собрание состоялось!

Это был еще один момент дежавю. Я вспомнил, как однажды, много лет назад, уже побывал под таким же давлением — когда моя мусульманская семья и друзья-миряне выступили против меня единым фронтом, убеждая отказаться от своего решения стать христианином. Прислушиваясь к тихому, ровному голосу, доносящемуся откуда-то изнутри, я наотрез отказался подчиниться им. И теперь, после трагедии 11 сентября, вновь понял, что вовсе не упрямство побуждает меня отмахнуться от предостережений обеспокоенных нью-йоркцев и моих хорватских родных, а все тот же тихий внутренний голос. Это неповинование другим

голосам моей жизни не было следствием большого самомнения или иллюзорного религиозного опыта. Голос казался сигнальным огнем, который зажег Некто или Нечто, и вместо того, чтобы погаснуть, от моих слез он разгорался все ярче.

Я старался не слушать его, но огонек горел, горел, горел. И в конце концов придал мне силы. Мы решили все-таки провести собрание. Церковь заполнилась до отказа, живущие по соседству нью-йоркские музыканты вызвались блеснуть своим искусством, говорили мудрые, рассерженные, печальные, слушали все, и к нам вернулась надежда! Мы осознали, что мы прежде всего люди, и только во вторую очередь последователи наших религий и идеологий, служить им лучше, чем обращать их против друг друга. На расстоянии пары кварталов от горы обломков, еще недавно бывших башнями, я принял решение на всю оставшуюся жизнь: я вознамерился рисковать больше и чаще.

Последовал год упорной продуктивной работы. Мы горевали вместе, трудились вместе, молились и пели вместе. О, как мы любили друг друга! В первую годовщину трагедии десятки тысяч жителей Нью-Йорка собрались на бесплатный концерт в Центральном парке. Когда Билли Джоэл допел «New York State of Mind» («Нью-йоркское состояние души»), у всех вырвался вздох, как будто впервые после атаки самолетов. Молчание нарушил голос моего друга Дерека Линтона, юриста из Бронкса и еще одного «джентльмена царства Божьего».

— 11 сентября тянулось целый год. Завтра наконец-то наступит 12 сентября.

С тех пор я часто задавался вопросом, откуда берется тихий голос, звучащий у нас внутри? Он не произносит слов, Тем не менее, он реален, он слышится отчетливо и придает сил. Он исходит не от религии, разума или практических соображений, и даже не от инстинкта самосохранения.

В нашей жизни бывают редкие моменты, когда нас призывают восстать против всего мира, против всех других голосов и прислушаться к одному, тихому и внутреннему.

Но к кому или к чему мы прислушиваемся, когда он звучит?

ЗА ПЯТЬ МИНУТ ДО ТОГО, КАК УСНУТЬ

С тех пор как в средней школе я впервые услышал слово «духовность», меня привлекала восточная традиция медитации. Коммунистическая идеология осуждала восточные религии не так яростно, как монотеистические. Поскольку в восточных религиях внимание уделялось скорее, реальности, чем тому, что «верно и ошибочно», считалось, что небольшие группы буддистов или индуистов не представляют серьезной угрозы для властей и режима. Несколько лет я прилежно заносил в блокнот описания дыхательных упражнений, медитативных практик, упражнений на астральную проекцию, которые также назывались «осознанными сновидениями».

Я узнал, что каждый день заканчивается пятью минутами Истины. Если мы не измучены, в последние пять минут перед тем, как мы уснем, наш разум волен витать где угодно, потому что перед ним не стоит конкретной цели. Именно в такие моменты мысли рождаются сами собой. После этого осознанное мышление заканчивается, мы налегаем на весла и наши мысли уплывают.

Куда они удаляются? К какой надежной гавани стремится наша душа, чтобы провести там ночь?

Ответить на этот вопрос непросто: как только мы замечаем наши внутренние монологи, обращенные к самому себе утешения, наши рассуждения, повторы, пробы или любые другие формы мышления, мы начинаем осознанно управлять ими, а под управлением мысли не могут витать свободно. Наблюдение за своим внутренним миром со стороны — не тот навык, который всем и каждому дается легко. В восточных медитативных практиках его изучали на протяжении веков, помогая людям выйти из потока своего мышления, чтобы увидеть собственные мысли — подобно царю Давиду из иудейских священных писаний, который в Псалтири обращается к своим мыслям, говорит со своей душой.

К счастью, чтобы уснуть, нам приходится расслабляться. Постель служит нам зоной доверия. Попрощавшись с осознанной реальностью, в которой мы — хозяева личных владений, мы вступаем в промежуток времени, когда уже не можем управлять собой, а тем более миром. Мы передаем управление в другие руки. Прекращаем контроль. Ослабляем захват. Мы убеждены, что в не слишком отдаленном будущем проснемся, опять обладая умением ходить, говорить, думать и чувствовать. Мы верим.

Верим во что?

Если бы кому-нибудь удалось каждый вечер записывать содержание этих пяти минут истины, появились бы истории жизни без прикрас, с персонажами, конфликтами и сюжетами, отличающимися от тех, что мы рассказываем другим и себе. Каковы истории, которые я рассказываю себе, силы, к которым я обращаюсь в минуту опасности, источники ценности и смысла, которым доверяю?

На этот вопрос не в состоянии ответить человек, который либо бодрствует, либо спит. С одной стороны, когда мы спим, мы во что-то верим, но то, во что мы верим, остается невысказанным и неизвестным, погребенным в ночной тишине. С другой стороны, бодрствуя, мы верим в то же самое, но то, во что мы верим, в равной степени скрыто, не услышано, замаскировано гулом наших мыслей. Услышав вопрос: «Во что вы верите?», многие из нас просто не смогут дать на него точный ответ. Вместо того чтобы понять, во что мы верим, мы определяем, во что хотим верить или во что, как нам кажется, должны верить. Или же во что нас хотят убедить верить окружающие.

Необходимо занять промежуточное положение. И не спать, и не бодрствовать. В эти пять минут истины нам кажется, что наши мысли куда-то медленно уносит. Но на самом деле они не упывают. Если дать им волю, они устремляются к тому самому месту, времени, реальности, тревоге, сокровищу и гавани. Они направляются к нашему истинному божеству и внутреннему алтарю, на котором горит огонек. Выражаясь языком древних священных писаний, каждый человек, независимо от его религиозности, приписывает абсолютную ценность чему-либо. Душа каждого куда-то устремляется. Каждый совершают акт поклонения.

ПОЧЕМУ РЕЛИГИОЗНЫЕ И НЕРЕЛИГИОЗНЫЕ ЛЮДИ ОДИНАКОВЫ

Я понял, что каждый чему-нибудь да поклоняется, когда в 1997 году впервые прибыл в Нью-Йорк, чтобы стать пастором церкви. Я буквально носился — не на такси, а на густом облаке мечтаний. Словно амбиции всех жителей Нью-Йорка за целое столетие скопились в одном времени и зависли в воздухе, это густое облако заполняло улицы, его никогда не раздувал ветер, с каждым новым поколением его вес и размеры росли.

Подобные мечты можно разглядеть в архитектуре. Чему бы мы ни поклонялись, мы воздвигаем для объекта своего поклонения храм. На протяжении всей истории объект нашего поклонения помещали в самые высокие здания. В прошлом самыми высокими в городах были религиозные сооружения. Там была сосредоточена высшая власть наиболее оберегаемые ценности и глубокий смысл. Там пребывали божества.

Нью-Йорк — хранилище искусств, развлечений, бизнеса и банковского дела, пристанище самых разнообразных религий и их проявлений, мировая политическая сцена, столица мечтаний планеты и город святыни. Когда город лишился двух своих башен, у нас возникло ощущение, будто все мы потеряли два передних зуба.

Немало сил было потрачено на споры о религии. Религия хороша, религия плоха. Полемисты пытаются выяснить как нам будет лучше — с религией или без нее, тиражируют свои мысли в популярных журналах, на радио и телевидении, на страницах бестселлеров. Но дискуссия выыхается, потому что мы обессилили от принятой нами искусственной дилеммы. Большинство занимающих диаметрально противоположные позиции авторов этих параллельных монологов исходят из предположения, что религиозный человек принципиально отличается от нерелигиозного. Так ли это на самом деле?

Что если это различие, пусть и реально существующее, вовсе не так значительно, как мы полагаем? Что если люди, которые считают себя преимущественно «религиозными», и те, кто считает себя преимущественно «нерелигиозными», делают это по одной и той же причине — чтобы упростить в противном случае невыносимую сложность человеческого опыта и справиться с ним?

Все мы полагаемся на что-нибудь. Все ищем то, что объединило бы наше сознание и упорядочило опыт. Даже те люди, которые не хотят полагаться душой на то, что предлагают традиционные религии, на самом деле на что-нибудь да полагаются. Люди, которые не желают принимать решения насчет происхождения и сущности нашей реальности; люди, которые не хотят делать выбор, который будет до конца жизни вести их по пути одной и той же веры; люди, которые всегда предпочитают «не принимать окончательного решения» — все они делают жизненный выбор.

Тот, кто считает за лучшее не делать выбор, лишающий его части возможностей, на самом деле предпочитает не принимать по-настоящему важных решений, поскольку выбор такого рода исключает альтернативу. Возьмем, например, брак. Чтобы познать лучшие качества другого человека, необходимо сделать выбор — решить сохранить отношения с ним. Но переходить от одного человека к другому, от одного места к следующему, от одной идеи к другой, лишь бы не принимать окончательных решений, уже само по себе выбор.

Соглашаться на такую кочевую жизнь — все равно что копать колодец глубиной в метр в десяти разных местах. Стремление к свободе становится рабским, поверхностным существованием, желанием принимать решения, которые ничего не значат. Отказ от решений насчет того, что имеет значение и что мы хотим делать в жизни, — сам по себе выбор, независимо от религиозности. Если вы не выбрали свой путь, это означает, что вы приняли решение двигаться в любом направлении, куда бы ни повлекла вас любая сила, и все равно, что носиться на плоту в открытом море, повинуясь беспорядочным волнам и течениям.

У всех нас одна жизнь, один мир, одна попытка. Как только становится понятной реальная ситуация, в которой предоставляется всего один шанс, первостепенную важность приобретает вопрос, к чему лежит наша душа. К некой вещи? К делу? К достижению? К чувству? К человеку?

Не-божество — некто или нечто, отличающееся от Бога. Для целей нашей дискуссии Бога можно считать сущностью, скрывающейся за неоспоримым и неуничтожимым чудом жизни, которая охватывает всех нас. Если такое определение Бога кому-то покажется вопиюще неточным, — это было сделано умышленно. Я предлагаю его только для того, чтобы противопоставить Бога и не-божеств. В таком случае не-божеством будет то, что не представляет собой источник и силу, поддерживающую жизнь, которая носит вечный характер.

Именно в этом одинаковы религиозные и нерелигиозные люди. С одной стороны, нерелигиозные люди поклоняются таким не-божествам, как работа, имущество, супруги, любовники, дети, семейная история, дело, облик, ум, образование, политические партии, народы или все, что существует под солнцем и может избавить от необходимости воспринимать жизнь как единое целое. С другой стороны, религиозные люди, которые поклоняются таким не-божествам, как церковь, учения, празднества, обряды, литургия,

законы, привычки или любые другие атрибуты религии, также избегают восприятия жизни в целом. Так или иначе, сердцем они сосредоточены на некотором объекте.

В любом случае целое начинает сокращаться. Бог — совершенно неадекватное слово, не выражающее то, что оно обозначает, — ни в коем случае не может быть объектом, который мы в состоянии назвать. Бог способен быть лишь субъектом, в присутствии которого или в котором мы живем. Алтарь в нашем сердце и огонек, горящий на нем, вполне могут быть посвящены Богу или не-божеству, независимо от нашей религиозности. Такие не-божества, как вера или разум, предписывают вести дискуссию о том, что имеет значение, в рамках узкого или специализированного языка, говорить о спасении, небесах, задавать непродуктивные вопросы, например, существует ли Бог (подробнее об этом — в седьмой главе «Благословение атеизма»).

В Еврейской Библии (Христианский Ветхий Завет. — Прим. ред.) мы читаем о народах, племенах, семьях и отдельных личностях, которым было во что верить. Зачастую объектами их веры становились статуэтки из дерева, камня или глины, символизирующие то, что эти люди считали безопасным, определенным, дарующим жизнь. В иудейских священных писаниях они названы идолами, или кумирами. Сегодня жизнь не стала более определенной, и хотя мы уже не пытаемся справиться с ее загадкой, поклоняясь статуэткам, у нас тоже есть идолы, такие же маленькие и хрупкие, как древние:

«Я должен радовать своих родителей».

«Я должен радовать моего духовного наставника».

«Я должен опорочить человека, который выставил меня некомпетентным».

«Я должен опорочить людей, не согласных с моими убеждениями».

«Я должен заработать много денег, чтобы чувствовать себя спокойно».

«Я должен совершить множество добрых дел, чтобы Бог любил меня».

«Если этот человек не любит меня, значит, не полюбит никто».

«Если эта религиозная община не принимает меня, значит, никто не примет».

«Если я не получу эту работу, значит, я неудачник».

«Если я не достигну такого положения в моей церкви или синагоге, я потерпел фиаско».

Если мы дорожим своими идолами, как абсолютным источником ценности и власти в нашей жизни, они начинают вести собственную жизнь, притягивать наши осознанные мысли, формировать наши предположения, выстраивать целые системы убеждений в свое

оправдание, создавать собственные законы и определения успеха и фиаско. В конце концов они сводят нашу жизнь к ограниченному, но всемерно важному поводу для беспокойства.

Если чужие идолы могут показаться нам нелепыми, то нашим собственным мы придаём огромный смысл. Не-божества создают вокруг нас поле иллюзий. Мы начинаем рассуждать, чувствовать и вести себя так, чтобы оберегать и оправдывать центральное положение наших идолов в нашей жизни. Апостол Павел, самый известный из авторов Нового Завета, говорит, что трагедия жизни, которую живут ради не-божества, — одна из форм рабства. Когда мы поклоняемся идолу, по мнению Павла, происходит одно из двух. Мы можем сокрушить нашего идола, возложив на него непомерные надежды. Ожидая, что работа всегда будет для меня источником высшей радости, я испорчу себе здоровье, причиню вред отношениям, лишь бы преуспеть, и все это в конечном счете отразится на работе. Если я рассчитываю, что успех моего ребенка придаст мне значимость, или жду, что супруг или супруга придаст лично мне ценность, эти ожидания обременяют моих близких, сокрушают их и разрушают мою семью. Ничто и никто не может выдержать тяжесть надежд и сыграть роль Бога в нашей жизни.

Если же мы не сокрушаем своих идолов, они сокрушают нас. Они становятся нашими функциональными хозяевами, мы служим им, повинуемся им, потому что верим: они необходимы нам, чтобы жить. Подкрепляя свою преданность не-божествам, мы вкладываем в них все больше и больше, и чем больше отдаём, тем требовательнее они становятся. Мы никогда не удовольствуемся тем, чего хотим, и не сможем получить то, в чем нуждаемся.

То же самое справедливо для религии.

ИДОЛОПОКЛОНСТВО РЕЛИГИИ

Для большинства религиозных людей превосходство выбранной веры превратилось в аспект собственной религии, не подлежащий передаче. А когда такую ценность приобретает что-то помимо Бога, возникает идол.

Иудаизм — не Бог. Христианство — не Бог. Ислам — не Бог.

А все, что не Бог, то есть любое не-божество, может быть идолом. Следовательно, иудаизм, христианство и ислам могут быть идолами. Даже в своей самой совершенной форме, даже в наилучшем проявлении они все равно не Бог.

Я стал христианином, когда — помимо всего прочего — прочитал труды датского философа-экзистенциалиста Серена Кьеркегора. Он утверждал, что в тот момент, когда человек решает стать христианином, он подвержен идолопоклонству. Ему удалось сурово и всестороннее раскритиковать христианство, и это, как ни парадоксально, побудило меня стать христианином. Его слова заставили меня броситься к Богу. Бегство к Богу — в той же мере отход от религии, как и бегство к ней.

Если Бог всегда будет чем-то большим, чем наши представления о Боге, можно ли пользоваться «номинальным Богом», чтобы оправдывать позиции, действия, ритуалы, нравственные нормы, идущие в обход «Бога по сути»?

Это не одно и то же. С помощью номинального Бога мы можем предать Бога по сути. Я видел такое в моей мусульманской семье, в моей христианской церковной семье — буквально повсюду, где пребывал. Я видел, как Богом пользуются, чтобы принудить человека к браку («Бог хочет, чтобы мы были вместе»), оправдать пренебрежение родительскими обязанностями («у меня нет времени на тебя, потому что я служу Богу»), чтобы продать товар («несите весть о Боге, покупая наши футбольки и наклейки для бамперов»), чтобы оправдывать войны и разрушения («мы призваны защищать честь Бога!») и так далее, и тому подобное — возможности неисчерпаемы. Наши представления о Боге жизненно важны для нас, но только если мы сознаем, что они — не Бог как Он есть.

До конца наших религиозных дней мы должны помнить часто цитируемую молитву Майстера Экхарта: «Боже, избавь меня от Бога».

Хотя в Библии встречи с Богом возможны, а наши разговоры о Боге могут быть исполнены смысла, Библия также утверждает, что нам никогда не постичь сущность Бога и не охватить разумом Его существование. Любая предпринятая попытка будет отрицанием верховности Бога, а наши встречи с Богом и разговоры о Нем — идолопоклонством.

Однако в индуизме предпочтение отдано иному толкованию слова «идол» (мурти, буквально «форма»). Индуисты воспринимают многочисленных идолов как мириады аспектов единственной реальности, так что ни один из них сам по себе не может быть всеобъемлющим или ограничивающим целое. Вот почему индуисты утверждают, что следует произносить «нети, нети» («не то, не это») прежде, чем сказать что-либо о божественном. Таким образом, формы — всего лишь многочисленные окна в единственную реальность. Вот почему в буддизме нет концепции Бога и божеств, зато есть «абсолют» или «абсолютная реальность» — благодаря этому удается избежать искушения исказить представления о Боге или даже использовать их для какой-либо цели. Дзен-буддисты готовы даже сжечь все священные писания и «убить Будду» чтобы не поддаться искушению. Для индуистов и буддистов человеческая концепция Бога полезна только потому, что необходима. Этой «мудростью смирения» не следует пренебрегать и монотеистам, вера которых основана на конкретной истории о действиях Бога и откровении человечеству. Мы уже не раз наблюдали это: стоит кому-либо заявить об исключительном постижении Бога, это оборачивается бедой. Так бывает, даже когда Бога описывают как чистую благодать, ничего, кроме любви, или как распятого Христа в случае с бесценными учениями христианства. Реформатор Жан Кальвин говорил, что «человеческому сердцу свойственно творить кумиров».

Все мы были идолопоклонниками в своих религиях. Все использовали Бога, чтобы приобрести земли, власть и влияние, и называли это ревностным служением.

СПАСЕНИЕ НАШИХ РЕЛИГИЙ

Когда мы ощущаем в жизни пустоту, когда содержательная пустота, наполняющая наше существование, гнетет нас, мы спешим заговорить о Боге. Забывая, что в своих речах о Боге мы говорим не о Нем самом, а только о наших представлениях о Боге, мы торопливо заполняем эту пустоту религией. А если бы вместо того чтобы отводить себе роль людей, способных объяснить Бога остальным, мы воспринимали нашу жизнь как пустоту, в которой говорит Бог?

Поскольку религия — способ, с помощью которого мы приближаемся к тайне жизни и справляемся с неопределенностями человеческого опыта, отказ от религии как центра жизни — мучительный опыт. Вот почему нам необходимо вновь и вновь напоминать, что религия — не жемчужина, а раковина, которая ее содержит.

В таком случае — вперед, чтобы наша религия стала чем-то меньшим.

И, следовательно, большим.

Когда мы освобождаем нашу религию от обременительной обязанности быть нашим Богом, мы придаем ей силы. Она начинает служить нам и окружающему миру. Религии, которые будут значимыми в будущем, помогут своим приверженцам жить в конфликте с собственной религиозностью, повторяя: «Моя религия — свидетельство жемчужины, и сообщество, созданное вокруг нее, но ни в коем случае не сама жемчужина». В христианстве способность не придавать религии особого значения была бы самым решительным из возможных шагов к реальности Царства Божьего, куда приглашал людей Иисус. Основатели наших религий редко защищали их, если вообще защищали. Они имели отношение к чему-то большему.

И все-таки без религии то, что мы узнали о жизни, имеющей характер вечной, не передавалось бы из поколения в поколение. Вспомните о колесе, огне, письменности, и представьте себе, что перед каждым новым поколением стояла бы задача изобретать все это заново. Каждая религия — сокровищница рассказов о победе и поражении, славе и позоре, указаний на проверенные пути, ведущие к жизни и ведущие к смерти, о сообществах, которые научились избавляться от скверны и хранить то, что этого достойно. Без религии мы барахтались бы в пучине собственных смыслов, изолированные друг от друга, от нашего прошлого и от будущего.

Многие говорят: «Я люблю духовность, но ненавижу религию». Это различие так же притягательно, как и труднодостижимо. Духовность без религии способна быть пугающей непрятязательной. Чтобы изменить мир, следует изменить себя, а человек, который не желает принимать во внимание духовность других — иными словами, религию, — едва ли может надеяться на перемены. Можно ли сказать: «Я люблю знания, но ненавижу учебу»? Разве не учеба заставляет нас жаждать знаний? Разве не религия побуждает нас стремиться к жизни, имеющей характер вечной?

Поклоняться не-божеству — значит мириться с ограниченностью сознания, будь это не-божество машиной, работой, семьей, иудаизмом, христианством, исламом, любой религией, любым делом, любым злом или благом — чем угодно. С другой стороны, поклоняться Богу — значит пускаться в путешествие по реальности, совершать рациональный уход из иллюзорного поля, которое создают вокруг себя наши идолы, постоянно стремиться к границам того, что нам известно. Поклонение Богу означает осведомленность, осознанность, почтительное отношение к дару жизни, возможность смотреть в перспективу за пределами самовыражения и выбранных нами религий. Поклоняясь Богу, мы устремляем взгляд дальше, спасаемся от зацикленности на самих себе и на собственной жизни.

Религия в своем лучшем проявлении не удовлетворяет нас, а усиливает ощущение отсутствия Бога и тем самым обостряет наше томление. Царь Давид, наблюдая за своей душой, воскликнул: «Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я; Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной». Поклонение Богу начинается с ощущения отсутствия нашего Возлюбленного. Псалмопевец называет Бога «мой Бог» и тут же горюет об отсутствии Бога, которого называет «своим». Бог уже «его», поэтому Давид и ощущает Его отсутствие. Все наши восхваления начинаются с неудовлетворенности, а сама неудовлетворенность — признак присутствия Бога, ибо нам не для чего желать Бога, кроме как для Еgo присутствия.

Это означает, что наше желание, обращенное к Богу, не может вместить наша религия.

Двумя стихами далее Давид поет, как пел бы суфий: «Милость Твоя лучше, нежели жизнь».

Это одно из самых ярких утверждений священных писаний: однажды услышав его, остаться равнодушным невозможно. На привычный нам образ мышления оно продолжает воздействовать до тех пор, пока мы либо не прогоним эту мысль, либо не приведем все остальные в соответствие с ней. Как может Бог быть лучше жизни? Это утверждение подразумевает, что даже наша жизнь может оказаться не-божеством, которому мы поклоняемся. Простая жизнь, даже самая насыщенная и плодотворная, сама по себе еще не стоит того, чтобы ради нее жить! Жить стоит только ради любви. Например, Иисус верил, жил, а потом доказал эту истину на кресте: любовь лучше, нежели жизнь.

Роберт, один из друзей моего детства родом из Германии, занялся скалолазанием. Долгие месяцы он усердно тренировался, покупал снаряжение, овладевал жargonом. Затем ушел в недельный поход, кульминацией которого стало восхождение по высокой отвесной стене горного пика, которое продолжалось от рассвета до сумерек. После этого Роберт страстно уверял: «Мне так хотелось добраться до вершины, попасть туда, где никто не бывал, и посмотреть на долину сверху!» Ради этого никаких усилий не было жаль.

В тот день он добился своего. Он достиг вершины. Я спросил, каково это было — наконец подняться на нее. Он объяснил:

— Я зацепился за край правой рукой, затем левой, потом подтянулся, поднял голову — и увидел! Прямо перед собой! Автобус! Из него высаживались японские туристы, они фотографировали меня, широко и по-доброму улыбались, кивали головами, а затем снова сели в автобус и укатили. Вот что происходит с не-божествами. Сначала ради них меняешь всю жизнь, а когда наконец достигаешь вершины, оказывается, что там ничего нет — кроме полного автобуса туристов, восхищенных твоим героизмом.

Может быть, стоило бы добраться до места, которое «лучше, нежели жизнь»? Разве это восхождение, пусть даже незавершенное, не было бы приятнее любого другого, которое благополучно закончилось?

Вера в Бога спасает нас от веры в не-божество. Вот почему христианству присущ атеизм — атеизм того рода, который ставит под сомнение все наши представления о Боге и всю нашу преданность религии (эта мысль будет развита в седьмой главе).

И это одна из причин, по которой нам нужна не только собственная религия, но и чужие.

Другие религии способны бросить вызов (или, по крайней мере, открыть нам глаза) идолам, которых мы создали, так как эти религии расширяют границы познания. Они выдвигают каверзные вопросы, которые мы не желаем задавать, делают предположения, которые мы не стремимся признавать или рассматривать, порождают важные аргументы против нас, в которые мы предпочитаем не вдаваться, и разоблачают вредные обычай, от которых мы не хотим отказываться. Туда, где мы создали вакuum в познаниях и ценим религию ради нее самой, посредством чужих религий, посредством чужаков входит Бог. Когда мы позволяем им приблизиться и принимаем их, как соседей, они помогают нам увидеть присутствие Бога, благодать и заботу, которые мы сами разглядеть не в силах.

Это взаимное благо возникает, когда Бог становится для нас чем-то большим, чем просто наша религия. Те, кто любит Бога больше религии, смогут учиться до бесконечности и, как вечные учащиеся, станут надежными наставниками для других, предлагая свои ценные взгляды и открывая в жизни совершенно новые перспективы.

БОГ ИЛИ РЕЛИГИЯ

Обращение — это не процесс порождения веры в Бога, а процесс переноса веры (которую мы всегда уже имеем) с не-божеств на Бога. Воздерживаясь от поклонения не-божествам, мы отказываемся от одной валюты, в которой оценивали жизнь, в пользу совершенно другой. Вот почему мы пользуемся термином «переход».

Поскольку религия — не-божество, переход от нее к Богу в действительности подобно переходу от любых других взглядов к Богу.

Те из нас, кто пришел к вере в Бога как чужак в организованную религию, временами слышит от верующих, воспитанных в той же религии с детства: «Вам повезло. Вы пришли со стороны, у вас есть опыт обращения. Ваше трудное путешествие — благословение для вас». И действительно, хотя подобные обращения способны подорвать наши взаимоотношения, негативно отразиться на наших жизненных целях, чувствах, представлениях о жизни, в то же самое время такой опыт дарует жизнь, оказывается животворным. Но и для тех, кто получил воспитание в рамках религии, процесс обращения к Богу в равной степени трудный и животворный. Если перспектива обращения душой от прежней религии к Царству Божьему внушает вам страх, то не без причины. Этот поступок скажется и на ваших отношениях, и на ваших жизненных целях, чувствах, на всех ваших представлениях о жизни. Эмоциональные, социальные, финансовые и все прочие затраты будут значительными. Но небо не рухнет. Наоборот, откроется. А если религия, к которой вы принадлежите, лишь одна из культур и структур, которые необходимо любить, поддерживать, но вместе с тем бросать им вызов ради Царства Божьего? Если так, тогда переход от преданности своей религиозной культуре к преданности Царству Божьему точно так же великолепен, как переход от «нерелигиозной» культуры к Царству Божьему. И то, и другое — обращение! Чтобы решиться на них, требуется точно такая же вера и отвага. Ваш образ жизни, ваше сообщество и даже ваше сердце пострадают, когда религия будет вытеснена из вашей души. А Бог войдет в нее.

Вот мое сердечное приглашение совершить этот шаг.

Думаю, большинство моих друзей удержались и не стали последователями Бога не по причине Его существования, ибо наши представления о существовании ограничены. Им не помешала и тайна всего, во что мы верим, ибо люди чувствуют, что их убеждения только ограничивают восприятие реальности. Их удержал отказ религиозных людей видеть, признавать собственное идолопоклонство в форме религии и сопротивляться ему. Ибо вот чем являются все идолы в конечном счете — поклонением самому себе.

Люди, которые чувствуют необозримость жизни, чистую благодать существования, возможность сомневаться и быть другими, животворный призыв любить наш мир, смотрят на религию в том виде, какой мы видим ее сейчас, и говорят: «Не-ет, жизнь с Богом должна быть гораздо щедрее».

И они правы, верно?

Предлагаю вам прямо сейчас сделать глубокий вдох и вместе со мной выполнить одно упражнение.

Оставьте в покое свою религию.

Бояться незачем.

Сделайте выдох.

Отлично...

Обратите внимание: в том, что касается Бога, не произошло никаких изменений. Бог по-прежнему тот, в ком вы есть, в ком вы дышите и существуете. Тора все так же дает вам жизненные наставления. Иисус Христос все еще ваш Господь и Спаситель. Пророк Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует) — все еще Вестник.

Вероятно, даже в большей степени, чем прежде. Бог уже начинает входить в освобожденное пространство.

Сегодня, когда вы ляжете спать, пусть ваша душа, освобожденная из когтей не-божеств, обретет покой в любви, которая лучше, нежели жизнь.

ГЛАВА 6

БОГ ПРОТИВ РЕЛИГИИ

Родители воспитали во мне стремление к преуспеванию. Прежде чем я отправился в путешествие с Богом, мне хотелось стать важной персоной. Было желание получить первоклассное образование, уютный дом, хорошую машину, прекрасную жену и детей — все те блага жизни, о которых мечтает каждый. И все-таки все сигналы, которые я получал от родных и общества, побуждающие меня мечтать обо всем перечисленном, меркли по сравнению с моей тайной целью. Я желал гораздо большего. Я хотел стать великим.

Как только я стал христианином, эти мечты о величии были отброшены прочь учениями и жизнью Иисуса.

Потом я стал пастором. Подобно многим другим, кто в то время видел успех проповедников из больших церквей, я хотел быть таким же, как эти люди. Я мечтал о большом здании и солидном бюджете. Мечтал о тех временах, когда люди будут покупать записи моих проповедей, читать мои книги, смеяться над моими шутками и обращаться ко мне за советами. Разумеется, всего этого я в то время не осознавал. Подобно всем нам. Мы просто шагали по пути служения Богу!

Мои дохристианские фантазии не улетучились бесследно. Они просто прошли обряд крещения вместе со мной. Мои мечты о величии были «освящены» и преобразованы в нечто гораздо более трудноразличимое. И хотя это развитие определенно было следствием моего личного выбора, я считаю церковь — особенно ее современную западную версию — виновной в направлении многих из нас по этому пути.

С прекрасными учениями из священных писаний переплетались вездесущие мысли о величии. «Христианство — величайшая религия мира! Тебя как пастора назовут великим! Веди за собой людей, воздействуй на них, покажи им, как раздвинуть горизонты! Ты призван неуклонно развивать свою церковь! Твоя церковь может иметь превосходные программы работы, здание размерами больше торгового центра, отличную акустическую систему и новое ковровое покрытие! Ты сам можешь стать лидером — смиренным, разумеется, но тем, за которым последуют люди, а твоим вкладом станет не что иное, как вечное влияние на их судьбу!»

Когда я стал христианином, изменилось все.

И ничего не изменилось.

ВЕЛИЧИНА БОГА

Христиане верят, что некогда божественное начало пребывало в яйцеклетке, продвигающейся к матке встревоженной юной девушки. Но две тысячи лет спустя слово «маленький» приобрело негативный оттенок. Ислам ведет подобную битву с мыслью о величии. Его непрятательные начала, заложенные в Мекке и в Медине, уступили место мечтам об экспансии. Если Бог велик, значит, и мы должны быть великими!

Почему мы настолько одержимы идеей «великого» Бога и «великой» религии? Каким образом Возлюбленный преобразился в императора?

Когда мы прослеживаем путь человека от материнского чрева до могилы, боязнь малости неизбежна. После рождения вся наша энергия направлена на выживание. Мы учимся дышать, справляться с изменениями температуры и работой внутренних органов, с голодом и жаждой, учимся ходить, следовать указаниям, просить помощи, если мы в беде. Если все идет успешно, тайна и слава человеческой жизни постепенно охватывают нас. Вселенная кажется дружелюбной, по-матерински и по-отцовски заботливой. Нам кажется, что мы существуем не просто так. Мы ведь куда-то движемся, верно?

А затем, примерно в конце детства и в начале подросткового возраста, происходит еще одно событие. Мы осознаем, что магия и тайна нашего существования конечны. Наш разум становится зрелым, мы без труда представляем себе момент времени в будущем, когда в живых не останется никого, кто знал нас. До нас доходит, что будущее может быть, хотя нас не будет. Все, в том числе эта минута, когда-нибудь исчезнет бесследно, вместе со всеми доказательствами нашего существования. Фрейд назвал опыт осмыслиения подобных идей «травмой самоосознания». Чешский писатель Милан Кундера в книге «Невыносимая легкость бытия» именовал это бремя «легкостью».

Назовите его, как угодно — травмой, легкостью. Заноза вечности в нашем сердце вызывает у нас желание что-нибудь да значить. Мы пытаемся компенсировать свою малость, ставя перед собой значительные цели. На протяжении всей жизни мы беспокоимся о размерах всего, что мы собой представляем или чем владеем: от размеров пениса или груди до размеров автомобиля или дома, от величины нашего влияния, карьеры и свойств нашего интеллекта или остроумия до размеров нашей компании или численности паства. Как только отпадает необходимость беспокоиться о еде и крыше над головой, мы принимаемся компенсировать нашу абсолютную незначительность.

Все, что мы делаем, о чем думаем или говорим, направлено на то, чтобы справиться с «шоком небытия», как назвал его богослов Пауль Тиллих. Нам недостает магии, тайны и наивности собственного детства. Например, в данный момент я пытаюсь справиться со своей малостью, занимаясь написанием этой книги. И я признаюсь в этом с надеждой, что после такого признания ваше уважение ко мне вырастет!

На протяжении всей современной истории некоторые мыслители и философы призывали нас перестать сетовать на такое положение дел в мире. Они твердили что-нибудь вроде «смысла нет, нам надо просто примириться с тем фактом, что все мы бесконечно малосущественны. Такова на самом деле человеческая участь, а вера в любое божество, идею или объект — всего лишь один из способов преодолеть травму небытия. Особенно — религия. Религия — не что иное, как истерическая и отчаянная попытка придать жизни смысл. Но смириться с истиной о человеческом существовании — задача не для малодушных».

А если малость — божественна? Что если абсолютная слава существования — в его малости, и самая значимая роль, которую только можно сыграть, незрима, не заметна с высоты нашего надменного стремления к чему-то великому? Иисусу не раз приходилось давать объяснения о Царстве Божьем людям, которые, подобно нам, гадали о смысле человеческого существования, кажущегося таким жалким. «И сказал: чему уподобим Царствие Божие? или какой притчею изобразим его? Оно — как зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле». Царство Божье существует, подобно крошечному семечку в почве. Оно скрыто. Реально, но незримо.

Жизнь, имеющая характер вечной, выглядит маленькой, несущественной, почти отсутствующей.

Почему же мы, религиозные люди, так часто вносим корректизы в представления друг друга о Боге, твердя: «Ваш Бог слишком мал»?

А если наш Бог чересчур велик?

ВОПРОС С УЛИЦ БОЛЬШОГО ГОРОДА

— У меня есть одна проблема, связанная с тем, как Бог управляет вселенной, — заявила Колин. Не рассчитывая на ответ, она наклонила голову над чашкой дымящегося горячего шоколада, вдыхая умиротворяющий аромат. Во время наших периодических разговоров не только пастор консультировал прихожанку, но и прихожанка консультировала пастора. Колин способная, многообещающая молодая писательница, вписалась в Манхэттен нынешнего тысячелетия так же легко, как мой консервативный отец вписался в атмосферу балканского городка прошлого тысячелетия. Мы сидели за угловым столиком в кофейне жилого района, я испытывал удовлетворение, вспоминая, как помогал Колин возрастать в вере последние несколько лет.

Я попросил рассказать подробнее, она повторила: «У меня есть одна проблема, связанная с тем, как Бог управляет вселенной» и добавила:

— Бог имеет слишком большое отношение к Богу и слишком маленькое — ко всем прочим. Больше меня не тянет восхвалять Бога за Его величие.

При этом всем своим видом она говорила: «Пастор, в данном случае мне не нужны объяснения. Просто так обстоит дело». Ее отец и брат были пасторами, поэтому все ответы она уже слышала. Я и не собирался излагать еще одну апологию Бога.

Вместо этого я сказал, что и меня порой раздражает Большой Бог. Мы заговорили о том, что колонизация североамериканских индейцев происходила под знаменем специфического христианского богословия тех времен. Индейцы отвергали Благую весть из-за атмосферы зала суда и завоевания в доктрине, предлагаемой им миссионерами, проповедовавшими о Большом Боге в небе. Бог — наш судья, Иисус — защитник. Нам предъявили обвинения, Иисус сумел вступиться за нас. В этом и заключалась Благая весть, простая и понятная: Бог — всё, мы — ничто. Миссионеры хотели этим богословским построением преподнести дар миру, но оно не нашло отклика у североамериканских индейцев. Этот богословский язык сложился в иное время и в ином месте. Крупные города Европы — не деревни вигвамов. Североамериканским индейцам открытые небеса предлагали более заманчивую веру. Я потратил немало сил, чтобы понять Бога, описанного в Библии. С головой уйдя в экзистенциалистскую литературу и восточные религии, после знакомства с Тюфяком (о котором я рассказывал во второй главе) я решил, что пришло время познакомиться с определяющими книгами человечества. Чтобы избежать давления со стороны офицеров, и возможно, тюрьмы и насмешек товарищей, я тайком читал маленькую Библию, после чего прятал ее в кустах за армейскими казармами, заворачивая в два или три пластиковых пакета, чтобы уберечь от сырости.

Как и при чтении других книг, на время я решил не торопиться с недоверием и дать Богу хотя бы такой же шанс, какой дал бы любому персонажу художественной литературы. Но Библия оказалась не таким легким чтением, как меня уверяли. Она была замысловатой, запутанной, временами противоречивой совокупностью исторических повествований, призывов к социальной справедливости, историй войн и угроз насилием, любовной поэзии и философских размышлений о Боге и жизни. Да, она кружила голову — и я в конечном счете влюбился в нее — но когда спустя годы я обращался за помощью в понимании сложных мест текста к христианским толкователям, услышанное от них внушало мне отвращение. Меня особенно возмущало следующее: Бог решил не создавать живые существа равными Богу и сделал их менее значительными. Почему? Почему их сделали слугами, а не равными?

Нам говорят, что вселенная зародилась в разуме Бога, который мог предпочесть создать ее любым другим способом. По-видимому, речь идет о вселенной, состоящей из двух частей, одна из которых служит, а другая правит. Одна сторона создана для того, чтобы служить, другая — чтобы править. Одна существует, чтобы воздавать хвалу, другая — чтобы ее восхваляли. Люди ничтожны, слабы и в общем скверны, и если кому-то это не по душе, ему не позволено жить с Богом — великим, могущественным и в целом благим.

Неужели христиане наряду с иудеями и мусульманами создали богословие, в котором Бог изображен самовлюбленным и эгоцентричным? Мы, последователи Бога, порой бываем такими.

Однажды в кругу моих прихожан я познакомился с Джейсоном, вдохновенным молодым художником, который днем зарабатывал себе на жизнь в финансовом районе центра, а все остальное время, когда не спал, посвящал рисованию. Мы жевали вегетарианские деликатесы в Гринвич-Виллидж, когда Джейсон, уловив наше любопытство, любезно поделился с христианами своими мыслями:

— В подземке я обычно чувствую себя усталым. По пути домой я сижу, запрокинув голову. И тут подходят люди, которые втолковывают мне что-то об Иисусе. А я думаю: «Я просто не в состоянии сейчас вместить столько новых мыслей. Я измотан, я просто не могу. Мне нужен отдых». И он продолжал: — После 11 сентября мы нашли священное место на Юнион-сквер, куда боль приводила всех, независимо от нашей личной предыстории и убеждений: мы просто собирались, чтобы тихо побывать рядом. Ну, объединиться в нашем горе. Но какая-то христианская группа вторглась в это пространство с двумя здоровенными мегафонами. Они хотели быть больше всех нас. И мы лишились своего места для скорби.

Над столом раздался тяжелый вздох, который услышали все, и Джейсон продолжал:

— Почему бы религиозным людям не представлять свои идеи там, куда ходят все? Почему они не появляются в книжных и прочих клубах, на поэтических чтениях, в дискуссионных группах, на общественных мероприятиях? Именно туда все мы приходим, чтобы делиться мыслями. Почему же христиане, а если уж на то пошло, и представители других религий отсутствуют в тех местах, где им не позволено распоряжаться?

— Из-за этого всякий раз, когда меня привлекает мысль о Боге и религиозных учениях, — продолжал он, — когда мое сердце влечет меня в этом направлении, я чувствую себя так, словно совершаю какую-то ошибку. Боюсь, меня тянет туда, где я изменюсь к худшему.

Его слова перенесли меня в прошлое, в день 11 сентября 2002 года, когда мне позвонили с одной христианской семейной радиостанции по поводу телефонного интервью. Я подготовился рассказать о своем опыте работы в Нью-Йорке за двенадцать месяцев, прошедших после атаки террористов, и о том, что у нас появилась возможность научиться любить этот город и его людей. Но пока я ждал своей очереди в прямом эфире, я услышал, как двое ведущих расхваливают христианство и в буквальном смысле снисходительно говорят о мире в целом. Растрепанный и слегка ошеломленный услышанным, я понял, что совсем не готов к интервью. Когда ко мне обратились в прямом эфире, я запаниковал и в ответ на первые, предварительные, вопросы, пробормотал что-то невнятное, лишь бы выиграть время

и обдумать ответ на вопрос, который, как я уже понял, вскоре прозвучит. И он был задан точно в срок все тем же знакомым баритоном ведущего христианского радио:

— Пастор, скажите, вы не замечали, что в Нью-Йорке после трагедии люди с большей готовностью принимают Благую весть? Разве они не стали более восприимчивы к ней? У нас есть шанс завоевать этот город для Иисуса?

Я судорожно сглотнул — раз, потом другой. И за долю секунды, прежде чем заговорить, почувствовал, что конфуз, который должен был настигнуть этих двух покорителей мира, неминуем.

— Нет, — нервно признался я, и вдруг меня прорвало: я заговорил быстро, чтобы меня не остановили. — Нью-Йорк — прекрасная возможность для нас, христиан, кое-чему научиться. Большинство местных жителей считают, что воспринимать мир так, как мы, — значит сделать в нравственном отношении шаг назад. Для них христиане — не преданные последователи Иисуса на земле, а люди, одержимые своей религией. Нас считают людьми, которых, в отличие от Иисуса, на самом деле не интересуют земные страдания: нами движет потребность увеличить поголовье поклоняющихся Великому Иисусу на небесах. Они гадают, почему именно мы первыми бросаемся решать проблемы мира с помощью оружия, а не терпением и смирением. Я пришел к выводу, что именно нам после 11 сентября необходимо обратиться к путям Иисуса. — И я умолк.

Пояснений они не попросили. Внезапно они заговорили о чем-то совершенно постороннем, словно и не слышали меня. Интервью быстро закрутили, я не пробыл в эфире и половины обещанного мне времени. Повесив трубку, я завертелся в офисном кресле, потом уставился в далекую воображаемую точку, ожидая, когда уйдет нервная дрожь, и надеясь, что тиканье часов на стене подействует как акупунктура и принесет мне облегчение.

Я думал о моей собственной религии, осознавая, что именно наш комплекс превосходства превращает нас в низшую силу из всех, которые меняют мир к лучшему.

Но взглянув на ряд книг, недавно изданных новыми авторами, я почувствовал, что есть надежда. В этих книгах обсуждалась давняя одержимость христианства властью, жажда добиваться ее любыми путями в каждый исторический период — от времен императора Константина до эпохи императора Консьюмеризма. Меня утешило, что новое поколение пасторов, активистов, художников и писателей сумело высказаться за учение Иисуса и открыть множество поразительных примеров христианского смирения — и отдельных личностей, и общин, в прошлом и настоящем, любящих и меняющих мир.

Кроме того, я понял, что в наших самых обыденных обрядах и обычаях мы видим не того Бога, которого видят желающие «завоевать Нью-Йорк для Иисуса».

ВСЯ ПОЛНОТА СЛАВЫ БОЖЬЕЙ

В моей христианской конфессии, церкви адвентистов седьмого дня, мы регулярно вспоминаем одно довольно специфическое событие из жизни Иисуса. В библейские времена раб или слуга мыл ноги всем прибывающим гостям — эта практическая любезность была необходима после ходьбы по немощенным пыльным или грязным дорогам. Автор Евангелия от Иоанна сообщает, что когда все ученики собрались на Тайную вечерю, Иисус решил явить им славу Божью. Он встал из-за стола, снял верхнюю одежду, подпоясался полотенцем и налил воды в умывальницу. И принялся мыть всем ноги.

Каким образом это действие должно было явить славу Божью? Славу «до конца», как пишет евангелист.

Христианская религиозно-мистическая писательница Тереза Авильская говорит о состоянии человека:

*Боже, я не люблю тебя,
Я не хочу даже любить тебя,
но я хочу захотеть тебя любить!*

Вот почему умывальница и полотенце для меня — самые убедительные символы христианской веры. Они вызывают во мне любовь к Богу.

Из этой истории мне известно, что Бог не «большая космическая шишка», а космический слуга, встающий на колени перед всем живым в знак смиренного служения.

Когда я начал ходить в церковь в Битоле, городке в Македонии, где служил в армии, мне нравилось слушать проповедника (подробнее об этой церквушке и проповеднике рассказано в восьмой главе). Чаще всего меня завораживали его рассказы о библейской поэзии и сюжетах. Но иногда на протяжении всей службы я витал в облаках. Однажды, когда я грезил о нежном теле моей подружки, оставшейся дома, проповедь вдруг оборвалась, поднявшийся шум заставил меня очнуться. Все направлялись в другое помещение, где были приготовлены ведра с теплой водой, полотенца и белые тазы.

Я заволновался. «И что теперь будет? Операция? Э, да они хотят кому-то устроить обрезание!» Затем до меня дошло, что я самый, младший из присутствующих мужчин. Я приготовился объяснять, что, несмотря на весь мой интерес к этой религии, я еще не готов к обязательствам такого рода, и кроме того, уже был обрезан в детстве как мусульманин.

Но моя паника была напрасной. Прихожане расселись по стульям, расставленным двумя кругами — мужчины заняли стулья в одном кругу, женщины — в другом; перед каждым стулом на пол был поставлен таз для воды. Один человек давал указания и молился. Не говоря

ни слова, участники обряда сходили наполнить тазы водой и вернулись. Встав перед другими людьми, сидящими на стульях, участники обряда вымыли им ноги и вытерли полотенцем. Несколько человек монотонно напевали какую-то старую церковную мелодию.

Каждый раз, когда очередной прихожанин вставал на колени, чтобы вымыть другому ноги, все они будто мягко внушали мне: «Тебе ни за что не познать Бога, пока ты не увидишь, как Бог стоит перед тобой на коленях и моет тебе ноги».

Один стариk наконец повернулся ко мне.

— Сынок, так поступает Бог, — слабым голосом объяснил он. — Так Бог изменяет мир. Таков путь Божий. — И он вымыл мне ступни.

Тем утром я перенес операцию.

Обрезание.

Моего сердца.

ПОЧЕМУ НЕВЕРУЮЩИЕ БЛИЖЕ К БОГУ

Мне запомнилось, как мы, десять жителей Нью-Йорка, собрались в одной кофейне неподалеку от «Нулевой отметки» («Нулевая отметка» (Ground Zero) — название, данное журналистами месту в центре Нью-Йорка, где до 11 сентября 2001 года стоял Всемирный торговый центр. — Прим. пер.), через несколько дней после 11 сентября. Каждый из нас высказывал свое мнение о том, каким образом можно прекратить нападки разрушителей на нас. В то время мы яснее, чем когда-либо прежде, осознавали, что следует делать. Нас окружал дым, но наш разум не был замутнен. Мы опьяняли от боли, горя, гнева и страха. Но в тот момент все мы были в здравом уме. И все высказались за низвержение террористов, но так, чтобы одновременно выразить уважение к народу, земле, культуре и религии, к которым они принадлежали. Узнать и порадоваться благодати и красоте. И быть благодарными за то, что все это есть на земле.

Сегодня большинство подлинных изменений в мире именно так и происходит, благодаря неудержимой силе смирения. Смирение имеет отношение не просто к доброте или к добродетелям, а к познанию того, как на самом деле Бог меняет мир.

Вопреки представлениям о Нем, Бог мал. Его последователи ниспровергают зло добром. Если мы попытаемся преодолеть человеческую одержимость величием, особенно в сфере религии, пользуясь при этом только силой, мы станем врагами. Наша ненависть не смущает и не обезоруживает врага: это делает любовь. В духовной реальности (то есть в мире как таковом) не стоит надеяться на силу. Просто она делу не поможет.

Беда в том, что мы уверовали, будто смиренение не действует. Проявления слабости считаются наивными. Для многих из нас, религиозных людей, слово «маленький» никак не связано с верой.

Но величайшее потрясение человеческого существования превращается в величайшую радость: мы малы потому, что являемся частью чего-то, превосходящего нас.

Перед нами, христианами, Иисус стоит на коленях, и от этого нам неловко. Мы считаем, что это неуместно. Если наш божественный учитель мал, значит, и наши мечты о величии должны быть ошибочными.

Как ни парадоксально, у тех, кто не верит в Бога, есть окно, вид из которого помогает понять духовную реальность. Гораздо чаще, чем традиционно верующие, они сознают, насколько малы на самом деле мы, люди. Мы, религиозные люди, раздули нашего Бога до гигантских искаженных пропорций, и себе придали такие масштабы, что ни наши представления о Боге, ни мы сами не вмещаемся в жизнь как таковую. И пока мы бьем себя в грудь, далекие от религии люди живут настоящим, радостью и болью повседневной жизни. Парадокс их жизни в том, что, мирясь с малостью человеческого существования, они зачастую, даже не замечая этого, принимают смиренение. Они творят добро ради добра. В итоге они живут той самой ниспровергающей верой, о которой говорим мы, религиозные люди. Пока мы восхваляем Бога за Божье величие, а себя — за наше, неверующие просто делают — еще один парадокс — то, что имеет для Бога большее значение, чем любые разговоры о Его величии.

ВЕЯНИЕ ТИХОГО ВЕТРА

Подавленный безверием людей, которые его окружали, один из великих пророков, Илия, осознал, что ему необходимо увидеть славу Божью. И к нему явился Бог.

«И сказал: выйди и стань на горе пред лицем Господним. И вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь. После ветра землетрясение; но не в землетрясении Господь. После землетрясения огонь; но не в огне Господь. После огня веяние тихого ветра. Услышав сие, Илия закрыл лицо свое милотью своею».

Могучий ветер, раздирающий горы, землетрясение, пожар — ничто не заставило Илию закрыть лицо. Такая реакция, вызванная веянием тихого ветра, указывала на присутствие Бога.

Однако одержимость религии Большим Богом порождает Большую Религию. Как и многие мои товарищи по религии, наставники и прихожане, я устал от того и от другого. Мой Бог стал слишком велик. Обременительно велик. Многим обычным людям христианство кажется специфической субкультурой — не потому, что оно призывает следовать по стопам палестинского плотника, жившего в I веке, а потому, что, призывая следовать за палестинским

плотником, действует так, словно будущее всего мира зависит от того, насколько успешным будет стремление христиан к экспансии. Мы можем отмахнуться от этой оценки, утверждая, что за пределами нашей религии люди просто находят предлоги, лишь бы не подчиняться Большому Богу. А если на самом деле мы отмахиваемся от этой оценки потому, что и мы не подчиняемся Малому Богу?

Каждая культура представляет собой мешанину красоты и безобразия, цельности и бесчестия, правосудия и угнетения, доброты и жестокости. В Библии священные писания называют «мечом обоюдоострым», секущим в обоих направлениях. И, подобно всем культурам, христианской культуре требуется меч, чтобы орудовать им. Время от времени ей нужна операция. Пока мы, христиане, не начнем применять Слово не только к мировой культуре — подравнивать ее по размеру, — но и к собственной, мы по-прежнему будем жить в изолированном параллельном мире — месте, где подлинно христианская история о коленопреклоненном Боге затуманена нашими выдумками о религии, которая когда-нибудь будет править миром. Вместо того, чтобы приветствовать экспансию нашей религии как неоспоримо благородную цель, мы можем затаить дыхание, чтобы услышать веяние тихого ветра нашего Бога.

Однажды вечером, во время прогулки по улицам Верхнего Ист-Сайда, беседуя с моим другом, агностиком Марком, я задал вопрос: что происходит с нами, почему мы абсолютно разочарованы в себе и своей религии. Через двадцать лет после моих македонских впечатлений я обнаружил, что моя жизнь превратилась в существование прижившегося в большом городе гражданина, потребителя имперских благ. С самого начала моего путешествия в христианство моя жизнь была обращена наружу и вперед, ко всему большему и лучшему.

Выпалив все это, я умолк и перевел дыхание. Мой друг задумался, убедился, что я договорил, и заметил:

— По-моему, Иисус был не таким, как религия, которую ты описываешь. Вечер только начинается, давай пройдемся еще. Хочу узнать, что на самом деле означает «быть последователем Иисуса».

— Не знаю, смогу ли я сейчас же ответить тебе, — признался я. — Но ведь я не задаю тебе вопросов, — возразил он.

Это было приглашение к диалогу.

Избавившись от необходимости быть мудрым и сильным, отвечающим за дела Божьи, я медленно брел рядом с Марком, рассматривал серые улицы города и прямо там увидел Бога — легкий ветерок тихо веял над толпой людей, омывал им ноги, ласкал мир.

Мой друг Робин Симмонс, опытный сценарист, объяснил мне, что лучшие сюжеты, где события расположены линейно, обычно посвящены человеку или группе людей, которые стремились к желаемому, а когда нашли его, то поняли: это совсем не то, что им нужно. Согласитесь, это описание полностью подходит к путешествиям в иудаизм, христианство и ислам. Мы совершали их в поисках Святого Грааля религиозного превосходства. Нам хотелось попасть на самую вершину. Мы полагали, что каким-то образом это поможет нашей реализации или обретению способности покорять людей. Но стремясь к величию, мы стали неудовлетворенными верующими в мире, который отнюдь не впечатлили.

Мы желаем превосходства, но это совсем не то, что нам нужно на самом деле. В действительности нам требуется научиться быть частью целого.

Однажды я услышал слова Далласа Уилларда: «Вы поймете, что на этой земле живете словно в Царстве, когда возьметесь за дела, которые, как вам известно, бесполезны, и они у вас вдруг получатся».

А если нам следовало взять сразу двум советам — «откажитесь от того, чего хотите» и «действуйте тем способом, который, как вам известно, не сработает»?

А если вся наша боязнь собственной ничтожности необоснованна? Если жизнь Царства пребывает в малом? Хотя мы предубеждены против малого, наших пророков влекло к нему. А если отказ от превосходства нашей религии не уменьшит ее значение, а наоборот, позволит людям вновь открыть ее красоту?

Наши священные писания призывают нас ждать Бога, стремиться к Богу, замечать Бога. Однажды я слышал, как писатель Ричард Фостер сказал, что тишиной Бог что-то объясняет нам. Может, потому, что Бог слушает больше, чем говорит. Может, потому, что малость Бога отчасти говорит о том, кем он на самом деле является.

Я стал воспринимать кажущееся отсутствие Бога как знак веры Божьей в нас. Да, Бог верит в нас. Мы тоже должны верить в человечество, надеяться, что люди и Бог каким-то образом найдут друг друга, не расставляя ради Царства Божьего ограды по всему миру.

Иисус знал эту тайну жизни, когда говорил, что пшеничному зерну, чтобы выжить, прежде следует упасть в землю и умереть. Подобно всему прочему, религия, чтобы выжить, должна умереть. Так устроена жизнь. Чтобы предложить миру живую веру, моя религия должна умирать вновь и вновь. Из поколения в поколение. Как сказал старик из Македонии, омывая мне ноги: «Сынок, так поступает Бог. Так Бог изменяет мир. Таков путь Божий».

ГЛАВА 7

БЛАГОСЛОВЕНИЕ АТЕИЗМА

Мы с женой сочетались браком 30 июня 1990 года. А потом — еще раз, на следующий день, 1 июля 1990 года. Моя большая мирская семья атеистов просто не могла представить себе, как можно устраивать свадебную церемонию в церкви, беседовать с моими церковными друзьями, слушать церковные разговоры. Родные считали себя людьми настолько широких взглядов, что у них не укладывалось в голове, как они будут общаться с набожными родственниками моей жены и моими новыми друзьями. Однако, родные моей жены не жаловались — напротив, вздохнули с облегчением. Все это означало, что им незачем тревожиться о двух предметах, которые они считали источниками зла в мире — об алкоголе и танцах.

Обе брачные церемонии, единственные в своем роде, были организованы ценой огромных затрат. Понадобились две разные подружки невесты, два разных шафера, два вида клятв. Каждая церемония не подразумевала существования другой. Два дня подряд утром я появлялся среди гостей, встречал невесту согласно предписанным правилам, вместе с ней проходил весь ритуал — в первый день в здании городского совета, во второй — в церкви. На каждую свадьбу собралось больше сотни гостей, играл оркестр, подавали несколько жареных барашков.

Моя первая свадьба, на которой Бог не был упомянут ни словом, завершилась после полуночи. Мои родители полагали, что я останусь с невестой на ночь, чтобы брачный союз получил должное завершение. О, как бы я хотел! Целый год я наслаждался ее голосом, целый год смотрел на ее лицо, вдыхал аромат волос, целый год мучительно редко совершал робкие вылазки к запретному, а до этого все пять лет учебы в колледже по собственному почину придерживался целибата. После всего этого меня переполняла любовь к жене, гормоны взыграли, мозг угрожал взорваться от жгучего желания. Я не сомневался, что готов к священной миссии для Бога, сказавшего: «И будут одна плоть!» Но мои родители и не подозревали, что в свою первую брачную ночь мы с женой разошлись в разные стороны. Я переночевал у друга, она — в доме своих родителей.

В Новом Завете часто упоминается о втором пришествии Христа, надежда на которое была жива в моем сердце — все-таки я был адвентистом седьмого дня; мы даже не верили в ад, место, где одни страдания (вечные) заменяют другие (временные). Нам просто хотелось, чтобы мир стал лучше, чтобы Мессия вернулся и, по словам Боба Дилана в «Господе», «поотключал провода» и «перевернул столы» зла раз и навсегда. Я думал: «А если Иисус придет сегодня? Вот будет облом. Не хочу, чтобы Иисус пришел прямо сейчас. Библейский смысл понятия «небеса» подробно обсуждался богословами, и я пришел к выводу, что, согласно преобладающим доказательствам, там не будет секса. Мне всегда казалось, что в

вечности должно быть что-то получше секса, но так или иначе, в ту ночь я ничего подобного не хотел. Я утратил свою религию. Я поймал себя на обращенной к Богу просьбе отдалить пришествие, которое положит конец страданиям всего мира, хотя бы на один день, чтобы и я узнал то, о чем мечтал несколько лет.

По какой причине в ту ночь я очутился в столь нелепой ситуации, в промежутке между двумя свадьбами, между двумя параллельными мирами? Вместо того чтобы принять святую неловкость пересечения двух миров во время события, знаменующего жизнь, наши семьи решили, что будет лучше, как они выразились «не нарываться». Но что это значит, никто не объяснил. Неужели христиане евангелического толка, родственники моей жены, стали бы раздавать брошюры с описанием четырех ступеней к принятию Иисуса? Неужели атеисты из моей семьи переборщили бы со спиртным и ударились в разгул? Чем они могли бы заняться, собравшись все вместе? Петь, как часто поют на хорватских свадьбах? Но какие песни? «Я пью, чтобы забыть ее» или «Мы идем в Сион»? Гости на каждой из этих двух свадеб так строго придерживались своих представлений о противоположной стороне, что даже не попытались подтвердить или опровергнуть их.

Обе стороны считали, что атеистам и верующим полагается быть врагами. И тем и другим было ясно, что одни из них жестоко заблуждаются. События, которыми сопровождались две наших свадьбы, стали публичным проявлением предубежденности, затаенной в глубине души. Но никто и не думал стесняться такой вопиющей нелепости, как две совершенно обособленные свадьбы. Почему-то разделение человеческой жизни на два лагеря имело для людей смысл.

Это был не просто страх, порожденный социальной неловкостью. Корни проблемы уходили гораздо глубже. История, философия, наука и архитектура веками воздвигали стены, разделяющие людей.

ЗАЧЕМ БОГ СОЗДАЛ АТЕИСТОВ

В атеистическом обществе бывшей Югославии, как и в остальной Европе, религия уже не признавалась, по выражению Маркса, «опиумом для народа». Если не считать тревожных политических манифестаций, религия напоминала, скорее, брошенную трубку для опиума, аттракцион для туристов, приезжающих поглязеть на огромные, но пустые соборы. Европейцы не возражали против религии, поскольку уже покончили с ней. Они стремились к опыту трансцендентного или сакрального, но не в религии. По мере того, как религии одна за другой создавали системы управления Богом, сам Бог становился сначала опасным, затем неправдоподобным и, наконец, неактуальным.

«А если все это твое божественное — не что иное, как догадки? Если там, наверху, нет ничего, кроме дальнего космоса, а здесь — ничего, кроме наших бьющихся сердец? Если у нас есть только наше тело, близкие люди, общая планета, небо над головой и различные истории? Что

в этом плохого? Ты что, не понимаешь, как это красиво и перспективно?» Все это я слышал от атеистов, моих друзей и родственников. Они считали, что мир будет другим не без религии, а без Бога. Для моих религиозных друзей это было все равно, что бросаться в пучину бессмысленности. Но для моих друзей-атеистов в светской демократической стране, где религии и Богу было запрещено переманивать аудиторию с помощью только одного своего толкования реальности, это было значительное и многообещающее достижение. Мой друг раввин Ор Розе, преподающий в раввинской школе при Еврейском колледже в Ньютоне, Массачусетс, рассказал мне о разногласиях, или махлокете, — модели диалога ранних раввинов и хасидских наставников. Согласно представлениям иудеев, Бог сначала создал пустое пространство для сотворения жизни и продолжал предоставлять его по мере того, как продолжалось сотворение. Древние раввины считали, что сотворение продолжается в том числе и в горячих спорах, в которых мы приходим в состояние разногласия — высшую форму дискурса. Когда мы занимаем позицию и приводим аргументы в ее поддержку, между нами возникает пустое пространство, возможность для возникновения совершенно новой идеи, неожиданного решения, шанса выдвинуться вперед.

Не соглашаясь, мы настраиваем себя друг против друга. Но помня о том, что объединяет нас, мы можем научиться разногласиям друг ради друга. Когда мы выступаем один против другого, возникают разрушения и даже смерть, когда мы не соглашаемся друг ради друга, идет жизнь.

Все человечество должно участвовать в диалоге сотворения. В том числе — атеисты. Иудаизм помогает нам понять: чтобы жизнь действовала и благие дела совершались, решения должны содержать в себе противоречия, семена собственной отмены, двери в лучшее, что всегда ждет нас в будущем. Раввины объясняют, что даже слова Торы, которые они считают совершенным даром Бога, подобны трепещущим язычкам пламени, которое никогда не бывает одинаковым. Или же каждое слово подобно камню, который можно раздробить и получить новые значения.

По всем этим причинам противодействие — это благословение.

Когда бы люди ни занимали и ни удерживали позиции смирением, в выигрыше остаемся мы все. Вот почему решения раввинов публикуются наряду с мнениями несогласных (в сущности, эти мнения зачастую приводят первыми), ибо независимо от того, что мы считаем правильным, мы также обязаны чтить чужие мнения, расходящиеся с нашими, и беречь их.

Таким образом, для меня атеизм — не враг религии, а еще один «раввин жизни». Атеисты — наши братья и сестры, партнеры и учителя, необходимые и добрые, в одном кругу с иудеями, христианами, мусульманами и приверженцами других религий. Их не следует считать гостями — они часть человеческой семьи, к которой мы все принадлежим; без них нам пришлось бы тяжелее. Каким стал бы мир без тех, кто сомневается в Боге? Мы, религиозные люди, общались бы друг с другом, словно в эхо-камере, а Бог, в которого мы верим, стал бы

полностью управляемым, «Богом в коробочке». Без тех, кто сомневается в наших словах, между нами не осталось бы свободного места, где прикоснуться к истине, пусть даже мимолетно, мог бы любой из нас.

ОБИЖЕННЫЙ И ОТВЕРГНУТЫЙ АТЕИЗМ

Мы, религиозные люди, склонны избегать атеистов, высмеивать их либо так или иначе грозить им. Мы всегда готовы заявить, что атеизм — просто еще одна религия. Поскольку следует верить в одно, чтобы сомневаться в чем-то другом, все атеисты — верующие. «Следовательно, — утверждает мой коллега Кристиан, — у атеизма свои объекты и способы поклонения, собственные доктрины и свои священники, пропагандирующие другим их подход «или-или», а также, как у многих других религиозных фундаменталистов, — тот же уверенный и пренебрежительный тон, когда они говорят обо всех прочих». Атеизм, каким его воспринимают, подталкивает к выбору между рациональным и эмоциональным знанием, между наукой о жизни и тайной жизни, призывая человечество к апокалиптическому противоборству веры и разума. Атеизм стремится избавить мир от несогласных и создать общество, у которого будет лишь один возможный путь, его собственный.

Итак, мы утверждаем, что атеизм, придерживаясь сугубо материалистических взглядов на мир, отрицает духовное, мистическое, метафорическое и трансцендентное и дорожит только тем, чем можно управлять и манипулировать, а также тем, что можно завоевывать. Иными словами, атеизм лишен мистического слуха. Когда мне было восемь лет, а моей сестре Бисере — тринадцать, мне нравилось болтаться у нее в комнате, особенно когда к ней приходили подруги. Намекая, что мне пора оставить их в покое, сестра говорила: «Слушай, братик, ты не сходишь в гостиную и не посмотришь, там я или нет?» И я охотно бежал выполнять ее просьбу — пока меня не останавливал дошедшй смысл конца фразы! То же самое справедливо для атеизма, считают религиозные люди. Бихевиоризм побуждает нас нырять в глубины жизни и искать смысл, а атеисты в то же время призывают науку заявить, что искать, собственно, и нечего. «Если вселенная в конце концов исчезнет, к чему беспокоиться о справедливости, красоте, добродетели? В присутствии атеизма волшебство улетучивается», — говорят религиозные люди.

С точки зрения религиозных людей, заявления атеистов о том, что они оказываются в роли жертвы, ничем не подкреплены. Те, кто зарабатывает деньги, публикуют разделяющие нас книги об угрозе религии — той религии, которой вовсе не придерживаются религиозные люди, — хотели бы убедить нас, что все мы живем в железном кулаке угнетающей диктатуры священников, пасторов, имамов и раввинов. Но едва ли дело обстоит таким образом. Если Вольтер и его сторонники выступали против преобладающих христианских взглядов своих времен главным образом за свой счет, то современные атеисты действуют в рамках светской культуры, которая доминирует в мире и покупает их книги! Или, по крайней мере, так считают религиозные люди. Затем религиозные люди утверждают, что атеизм беспредметен. Так как

он, согласно его собственным взглядам, противостоит тому, чего, по его же словам, не существует, значит, и говорить не о чем. Однажды на собрании атеистов одна женщина сказала мне: «В нашей атеистической группе столько церковной политики», — и изобразила пальцами кавычки на словах «церковная политика». Когда я попросил пояснить, она продолжала:

— Наши лидеры подвергли ostrакизму некоторых членов группы, которые возражали против представлений о личности атеиста в целом. И у меня та же проблема. Быть атеистом — все равно, что быть ненавистником единорогов!» Религиозные люди спрашивают: «За что вы выступаете? Что в этом толку? Как же вы можете жить конструктивно, если на земле миллиарды религиозных людей?»

Верующий мог бы согласиться с такими доводами и сказать: «Верно — и все, тупик, мертвая точка!» Но зачем пользоваться словом «мертвый» в мире, где продолжается жизнь?

Оскорбляя и отвергая друг друга, мы не создаем между нами пустое пространство. Для этого надо уметь слушать. Вероятно, религиозные люди могли бы попробовать разобраться, в чем польза и благословение атеизма и атеистов для нас.

ЧЕГО ХОТЕЛ БЫ БОГ?

«Благословение» — религиозное слово, означающее «передача благополучия». Как может атеизм быть благословением для религиозных людей? Неужели что-то от Бога есть даже в атеизме? Я убедился, что ответ на этот вопрос — «да, определенно».

В Новом Завете, в книге Деяний Апостолов, говорится о том, в каких условиях появились ранние церкви и началась христианская экспансия. Прежде чем вознестись на небеса, Иисус сообщил своим растерянным последователям: «Вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый, и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли». Согласно следующим страницам, неизмеримый поток любви и заботы о бедных, угнетенных и забытых хлынул из этого сообщества в мир, его члены были готовы выступить против империи тиранов и умереть за свои идеалы.

Быстро перемотаем ленту событий на несколько веков вперед и попытаемся представить себя на месте людей, столкнувшихся с тем, во что превратилось это христианское «свидетельство». Христиане прибывали верхом на лошадях, сначала грабили, насиловали и убивали, а со временем стали душить налогами, ходить в крестовые походы, вводить инквизицию, преследовать, сжигать еретиков на кострах.

А теперь представьте себе, что это происходит в вашем городе, где живут ваши друзья и близкие. Несколько сотен человек — мужчин, женщин и детей — попытались бежать в горы. Но за вами погнались. Они уже рядом, а впереди река или озеро. Настигая вас, христиане

кричат: «Мы несем вам истину. Уверуйте в Бога!» Вы думаете: «У нас нет другого выхода». Но выбор все-таки есть, и вам его предлагают в недвусмысленных словах: «Либо вы войдете в эту воду, покаетесь в своих грехах, поклянетесь, что верите в Бога и будете окрещены, либо... — вот он, ваш свободный выбор, —...мы убьем вас». И добавляют: «И не говорите, что у вас нет выбора. Если на самом деле он есть».

Разумеется, большинство людей выбирало жизнь. Но если бы вам удалось избежать подобной ситуации, чего хотел бы от вас Святой Дух из Деяний? Кто этот Бог, которому вам предлагали покаяться и в которого уверовать? Какого рода выбор предлагают вам последователи Бога? Стоит ли соглашаться на Бога, который вам предложен, даже если Он существует? Или лучше отказаться, ожидая от Бога большего, если такое вообще бывает? А теперь умножьте эту сцену на тысячи и миллионы. Можете представить в роли угнетателей мусульман или иудеев. Все мы делали это: колонизировали земли именем Бога, учреждали системы управления Богом, осваивали мир с пользой для себя.

В таком случае встает вопрос: хотел ли Бог, чтобы некоторые люди стали атеистами?

Можно ли чтить Бога, отрицая Его? Может ли признание Бога по сути (таким, какой Он есть) подразумевать отрижение Бога как концепции (таким, в какого мы верим)?

Какой выбор лучше согласовывался бы с сущностью иудаизма, христианства, ислама? Какой был бы более ортодоксальным? Какой был бы правильным? Атеизм кое-что уловил. На протяжении всей истории обращенные к разным группам и личностям призывы Бога часто воспринимались их современниками, как попытки отвратить от Бога.

Карен Армстронг указывает, что «атеизм зачастую был переходной стадией: так, всех иудеев, христиан и мусульман называли «атеистами» их современники-язычники, поскольку так представители перечисленных религий восприняли революционную идею божественности и трансцендентности». Затем Армстронг задает вопрос: «Отрицает ли современный атеизм подобным образом "Бога", который уже неадекватен проблемам нашего времени?»

Отрижение Бога может быть актом веры. Мы живем в исторический момент, когда нам опять нужны новые представления о Боге, и многих появляющихся верующих их собратья по вере могут отвергать как атеистов. Но это положение вещей, такое предательство религии способно стать источником надежды. Вероятно, мы, как считал Майстер Экхарт, «покинем Бога ради Бога». И возможно, многие из нас сумеют выбраться из своих религиозных рамок и встретиться с атеистами, выбравшимися из своих. И найти себя на новом открытом пространстве.

ВООБРАЖЕНИЕ И НИЧТО

Иbn Араби писал: «Хадис [изречения пророка] гласит: поклоняйся Богу, как будто видишь Его» — такова вера. Очаг этой веры — воображение... Существа обязаны поклоняться только тому, чему они верят об Истинном». Мой мусульманский друг Али, который живет и говорит о Боге в самых разных уголках мира, однажды страстно выпалил со своим сочным египетским акцентом, оторвавшись от пения рождественских песенок в машине: «Бог — это идея». Поначалу в этих словах было что-то не то. Но чем дольше я слушал его объяснения, тем больше понимал, что он имеет в виду. Он не хотел сказать, что Бог — всего лишь идея, но поскольку мы не в состоянии познать Истинное так, как знаем друг друга и материальный мир, подкреплять веру приходится при помощи воображения. Все наши познания о Боге неизбежно обусловлены нашим воображением точно так же, как все нравственные нормы религиозных текстов обусловлены нравственными нормами толкователя текстов. И конечно, в мире, где система управления Богом часто управляет нашим воображением, вообразить иного Бога — акт сопротивления и надежды.

Вера, не задающая вопросов, — слепая вера, и как таковая, вовсе не вера.

Хвала Богу за атеистов.

Да не перестанут они менять мир к лучшему!

Да, некоторые атеисты хотели бы держать атеизм в изоляции, запрещенным к любому религиозному применению. Они не согласились бы с представлениями о том, что атеизм способствует вере! Думаю, эта битва окончена. Как подразумевает слово «атеизм» (буквально — «против или без веры в Бога»), религиозные ценности и история благословили атеизм, предоставив ему причину существования. Теперь справедливо обратное. Атеизм может благословлять религии. Махлокет продолжается.

Иудейская концепция божественного Айн, что значит «Ничто» — заглавная буква здесь неспроста — особенно полезна для выявления достоинств атеистической духовной восприимчивости. Айн — противоположность Йеш, которая есть все сущее, то есть «Что-то». Раввину Лоуренсу Кушнеру понадобилось два часа, чтобы я уловил концепцию Йеш и Айн. Йеш — это не просто предметы в пространстве, но и все, что имеет границу, начало или конец, будь он материальным или нематериальным, а также святость и справедливость — все, что хоть отчасти представляет собой «Что-то». Айн — не пустота, ибо пустота — все еще Йеш. Айн выходит за рамки понятий, за все, что мы можем когда-либо узнать, к основной жиле существования и за ее пределы. Иными словами, каждое слово, написанное или сказанное о Боге — это Что-то. Но Бог не Что-то. Бог — Ничто, Айн.

Когда я спросил раввина Кушнера об атеизме, он пошутил: «Иудаизм ничего не имеет против атеизма, если это неверие только в одного Бога». Затем раввин добавил уже серьезнее: «Если

ты не сомневаешься в существовании Бога каждые две недели, значит, с богословской точки зрения ты в коме!»

Спасибо, равви.

Есть причина, по которой иудеи не пишут и не произносят имени Бога, есть причина, по которой мусульмане не пользуются образами Бога. И то, и другое удерживает их от свойственного человеку стремления превращать Бога во Что-то, будь то физический, интеллектуальный объект или даже объект нашей веры. Из-за нашей любви к Богу мы ставим под сомнение и отвергаем наши представления о Боге. Сомнение — добродетель веры. Таким способом мы почтительно бережем наши чувства к Богу.

С колыбели нашего поклонения мы призваны держаться и за веру, и за сомнения. Следовательно, атеизм — сопровождающееся выделением тепла трение, которое не дает нашим текущим образом божественного остывать и затвердевать наподобие идолов. В XIX веке русские «дырники» понимали эту нашу склонность, просверливали дыры в стене и молились в них. Они молились Богу, которого там не было.

Мой друг Брайан Макларен рассказал мне о пасторе пятидесятников, с которым он познакомился в Уганде — одном из тех неистовых харизматичных лидеров, которые способны «пребывать в Духе» круглые сутки, семь дней в неделю. Он сказал Брайану: «Ох уж эти мне атеистические книги! Купил я тут одну. Пришел домой, начал читать, а на меня снизошел Дух Божий! И коснулся меня. И убедил, что эта книга верна!»

АТЕИЗМ В СВОЕМ ЛУЧШЕМ ПРОЯВЛЕНИИ

Эндрю Салливан, журналист и верующий, заявляет:

«Мы, как люди, можем только ощущать существование высшей истины, большей связности, нежели мы сами, но не можем столкнуться с ней лицом к лицу. Не знаю, забавно это или прискорбно, но люди колеблются между возможными вариантами. Не звери и не ангелы, мы живем в сумерках и не знаем, к чему эта прелюдия — к утру или к ночи... В сущности, непоколебимая религиозная убежденность — подлинное кощунство... Иными словами, сомнения способны питать веру, а не разрушать ее. Они заставляют нас даже веря признавать наш фундаментальный долг по отношению к истине Божьей — смирение. Мы ничего не знаем. Потому и верим».

И, добавил бы я, вот почему нам нужны те, кто не верит.

Мерольд Вестфаль в своей книге «Подозрение и вера: религиозное применение современного атеизма» подробно повествует о том, что философы-атеисты — такие, как Ницше, Маркс и Фрейд, — могут сказать христианам, а также иудеям и мусульманам то, чего

те просто не могут сказать самим себе. Мы должны признаться, что в нашей религии многое поставлено на службу нам самим, чтобы обеспечивать нас всем — от земли наших соседей до готового ощущения цели.

Атеисты-титаны, подобно пророкам Еврейской Библии, призывают нас отказаться от использования религии в своих целях и обратиться к лучшей вере и лучшему миру, а этого, — как ни парадоксально, — по мнению верующих хочет Бог. Возможно, для нашей религии эти атеистические пророки сделали больше, чем иные из наших самых почитаемых религиозных лидеров.

Видимо, для каждой из наших монотеистических религий пришло время принять еще одну революционную идею божественности, в подражание духу Моисея, Иисуса и Мухаммада, — божественности, которая не поддается управлению, сакральности, которая изливается из наших сосудов, Бога, которого невозможно ограничить. Многие атеисты не могут представить себе, что мы опустим руки, запечалимся, раскаемся и начнем учиться жить так, как подобает сотворенным существам. Они не верят, что подобная революция великодушия среди нас возможна.

К сожалению, многие мои религиозные друзья сталкиваются с атеизмом в его худшем проявлении. Они видят только атеистов фундаменталистского толка, которые используют корпоративные конференц-залы, искусство, правительство, науку, чтобы навязывать другим свои представления о реальности, и при этом действуют почти как религиозные фундаменталисты, которые поклоняются определенности и безусловно подчиняются своим доктам. Вместо того чтобы пропагандировать секуляризацию, благоприятную для религиозного плюрализма, атеисты-фундаменталисты призывают к ограниченному взгляду на мир, призывают избавиться от всего, что люди не могут понять, контролировать или покорить, не воспринимают никаких альтернативных вариантов, кроме единственного, предпочитают места, где вопросы запрещены, комнаты без окон и дверей сомнения в себе. По словам консервативного журналиста Росса Дутата, «верить в Бога — одно дело, и совсем другое — никогда не испытывать и тени сомнения в своем неверии. Точно так же христианину, который никогда не сомневался в своей вере, вероятно, и не задумывался о ней как следует, атеисту, который считает христианского Бога и Летающего Макаронного монстра (Персонаж пародийной религии, основанной в 2005 году. — прим. пер.) в равной степени нелепыми, стоило бы почаше разузнавать о них».

Или же им попадаются только апатичные атеисты, готовые на все махнуть рукой и удалиться от мира, предавшись поклонению новейшему продукту, услуге, опыту, идее, предлагаемым на рынке. Такой атеизм становится пустой раковиной, как и религия стала ею. Он не предлагает миру ничего — с маленькой «н».

Но есть и такая редкость, как атеизм в его лучшем проявлении! В этом проявлении атеизм склонен к участию. Он не просто отвергает религию, а конструктивно общается с ней, чтобы

сделать мир лучше. Это проявление веры в человечество, даже в религиозное человечество — какими бы заблуждающимися они ни были, верующие — тоже люди! — умение задавать трудные, но резонные вопросы, от которых отмахиваются религиозные люди: о научных свидетельствах, игнорируемых религией, об исторических фактах, забытых религией, о страданиях, причиненных религией. Атеизм в своем лучшем проявлении бросает религии вызов и в то же время признает принесенные ею блага.

Атеизм в своем лучшем проявлении служит миру, как бунт против Бога, предлагаемого на рынке религий, требует, чтобы Бог был не просто Богом нашей системы управления Им, если Он на самом деле есть.

Атеизм в наилучшем проявлении хватает нас за воротник и толкает, показывая хорошую жизнь, вынуждая копать глубже и жить в соответствии с лучшими из наших религий. Атеизм в своем наилучшем проявлении опирается на надежду, что наши религии неадекватно воспринимают реальность — судя по тому, что это восприятие приносит в мир. Предполагается, что тайна жизни — не только в том, что мы предлагаем. Атеизм в наилучшем проявлении — хранитель секуляризации, процесс создания общего и безопасного пространства, где можно поделиться взглядами на мир, в том числе религиозными, поделиться ценностями, предложить исправить изъяны. Такой атеизм утверждает, что каждой религии должно принадлежать человечество целиком, а не только религиозные «свои», ее нравственное сообщество. Атеисты — провокаторы Бога.

Иудаизму, христианству и исламу нужны атеисты — и конструктивные, и не очень. Религия заслуживает того, чтобы ей бросали вызов. Это заслуги двух видов. Во-первых, религия заслуживает боли критики и исправления, так как из-за неудач не смогла воплотить свои идеалы. Во-вторых, религия заслуживает благословения критикой и исправлением, так как именно она нередко способствовала правосудию, миру и красоте во всем мире. Следовательно, недавние критические заявления атеистов религиозные люди должны принимать с радостью, как шанс увидеть, оплакать, раскаяться, а затем с обновленной мудростью продолжать действовать на общее благо.

У Бога нет самолюбия, которое могло бы быть уязвлено нашим неверием в существование Бога. Полагаю, Бог предпочел бы мир, где люди любят друг друга и окружают заботой, даже ценой признания Бога — вместо того, чтобы верить в Него и поклоняться Ему ценой заботы друг о друге и о мире.

Атеизм в своем лучшем проявлении помещает тайну жизни в этот мир и в человечество как единственное, что мы имеем. Он утверждает, что все религии должны быть там, где живут люди. С его точки зрения религиям пора учиться жить на земле. Если религия не действует на земле, она не действует нигде.

ДОБРОДЕТЕЛЬ АТЕИЗМА

Прошу прощения у всех атеистов.

Я никогда не забуду реакцию знакомой самопровозглашенной атеистки, которая вместе со мной побывала в одной из больших церквей Манхэттена и услышала, как известный пастор объясняет слушателям:

— Без Бога, без религии мы просто эгоистичные животные, сражающиеся за свою долю, как волки в стае. Без веры в трансцендентное у нас нет фундамента для нравственности. Без Бога все цели будут утрачены, различие между добром и злом потеряет смысл.

Для моей спутницы это означало: «Если вы атеист, то ваша жизнь бессмысленна. Вы не можете быть нравственным человеком. Вы и вам подобные — угроза для нашего общества. Без вас мир был бы лучше».

От имени священников, богословов и верующих, которые когда-либо говорили такое, я приношу глубокие извинения моим друзьям-атеистам, родным и читателям. Простите, пожалуйста. Наоборот, вы — благословение для нашего мира.

Добродетель — собственность религии?

Будут ли религиозные люди с большей вероятностью хранителями земных ресурсов, с большей вероятностью поверят в ненасильственное разрешение проблем мира, с большей вероятностью станут заботиться о бедных и угнетенных?

Очевидный ответ на все эти вопросы — нет. На что многие религиозные люди отвечают: «Да, но только потому, что ощущение верного и ошибочного, которым руководствуются атеисты, много столетий подряд развивалось благодаря нравственности и морали под влиянием религии. Как только запас традиций будет исчерпан, светские общества падут жертвой образовавшегося вакуума ценностей. Если мы ничего не предпримем, нас ждет удар».

Может быть.

А может, мир станет гораздо лучше, если в нем будет меньше религии. Может, сама религия нуждается в преображении, чтобы вновь начать вносить свою лепту в кладовую добродетелей. Может, у гуманизма есть свой способ обеспечивать добродетелями нашу жизнь. Этого мы не знаем. Но знаем другое: атеисты были благословением земли и ее народов. Это эмпирическая истинна. И мы, религиозные люди, должны повнимательнее присмотреться к собственным нравственным обязанностям, чтобы признать правоту этого высказывания.

Более того, атеистическая теория добродетельной жизни достаточно убедительна.

Если религиозные люди связывают свою жизнь с чем-то трансцендентным, что зачастую означает «где-то там» и «потом», атеисты принимают всю полноту, ответственное за «здесь» и «сейчас». Они не могут избежать общественных и личных вопросов, не могут скрыть или отложить их на неопределенное время, оставить для неопределенного места кого-нибудь другого. Все уже происходит, причем в настоящем. Каждый человек и мгновение ценные, неповторимы, их невозможно отложить — потому они и священны.

В «Братьях Карамазовых» Достоевский предостерегает против безбожного нравственного нигилизма словами «если Бога нет, то все позволено». Французский философ Андре Глюксманн в книге об 11 сентября, названной «Достоевский на Манхэттене» не соглашается с ним: если есть Бог, утверждает он, тогда позволено все, даже взорвать сотни ни в чем не повинных посторонних людей. Он считает, что когда люди верят в Бога, им грозит опасность придать насилию нормальный характер с помощью каких-либо «чисто человеческих» ограничений и соображений. Таким образом, у атеизма есть основание отвергать все, что превращает людей в орудия для какой бы то ни было цели, неважно, насколько сакральной, а также отвергать все, что пренебрегает благополучием нынешнего мира ради мира грядущего. Предписание Августина «люби Бога и поступай, как считаешь нужным» означает, что те, кто по-настоящему любят Бога, поступят правильно и будут следовать высочайшим нравственным стандартам. Я много раз упоминал в проповедях эту мысль Августина, и мое сердце наполнялось преданностью и радостью познания Бога. Но у этой преданности есть и темная сторона. Слова Августина можно воспринимать как шутку: «Моя невеста никогда не опаздывает на свидания, потому что если она опаздывает, то перестанет быть моей невестой». Или как заверения мужчин, которые избивают жен, но при этом убеждены, что любят их. Или как слова Ричарда Никсона о том, что «президент не может совершить ничего противозаконного, потому что если президент совершил такой поступок, значит, он не является противозаконным». Наша любовь к Богу может стать тяжкой обузой для тех, кто нас окружает.

Могут ли разногласия по поводу добродетели стать разногласиями ради друг друга, способными создать пустоту между нами, пространство, полное потенциала? Разве для нас это не возможность пересмотреть свои представления о Боге — вероятно, уже не соответствующие проблемам нашего времени?

Однажды вечером после семейных молитв моя дочь Лета, которой тогда было десять лет, спросила:

— Папа, можно мне сказать? — Обычно такой вопрос служит у нее сигналом, что ей не хочется спать. Но не на этот раз. — Папа, мне кажется, что вечность не имеет смысла.

— Почему? — спросил я.

— Просто не имеет, и все. Все мы родились, затем живем и потом все умрем. Вот в этом есть смысл.

— А почему мы все не можем жить вечно? — спросил я.

— Мы принимаем жизнь как дар, а потом живут другие. Растения отдают жизнь ради нас. И мы должны расставаться с жизнью ради других. Вот это мне нравится.

— Это тайна, — сказал я, вышел из комнаты и задумался

.«Ну надо же было дать такой неудачный ответ!» Порой ее вопросы подводят меня к самой бездне ереси, и я гадаю, подхватит ли Бог меня, если я упаду? Но и бездна манит меня. Хотя моя дочь сомневается в некоторых основных допущениях, на которых держится моя система убеждений, ее наблюдение о смерти как возможности уступить дорогу жизни, прозвучало для меня ортодоксально, пророчески и добродетельно — так мог бы сказать Иисус. Или поступить. Умри, чтобы могли жить другие.

О ВЕРЕ И НЕВЕРИИ

Я записался в несколько интернет-групп MeetUp («Встреча»), имеющих отношение к атеизму, и время от времени посещал их. Недавно я увидел в рассылке письмо, в котором говорилось: «Собрание во вторник — еще одна возможность поговорить об атеизме! Мы не понимаем, почему наши взгляды не разделяют и почему на нас смотрят свысока. В начале нового года мы хотим сделать очередной шаг. Мы не прочь поговорить о том, почему атеизм, скептицизм, секуляризм и гуманизм не добились большего. Что мы можем сделать?»

Каждая группа, в которой есть жизнь, хочет расти и развиваться. Прежде чем принять за цель моей религиозной жизни преображение, я провел два десятилетия, обращая в свою веру людей. Я был убежден: чем больше будет людей, которым я помогу перебраться через стену и присоединиться ко мне, тем мир станет лучше. Поэтому прежде, чем закончить главу, я хотел бы обратиться непосредственно к атеистам, которым хватило великодушия дочитать книгу до этой страницы. У меня есть один совет от эксперта по обращению в веру. Позаимствую фразу из «Ежедневного шоу» (The Daily Show) Джона Стюарта: «Встречаемся на третьей камере».

Во-первых, ваши мотивы и методы так же важны, как сама идея. Если вы не согласны с религией, пожалуйста, не повторяйте худшего, что в ней есть. От этого в мире лишь становится больше горя. Вместо этого попытайтесь победить зло добром.

Во-вторых, у вас есть нечто ценное, чего не хватает нам, религиозным людям — сомнение. Сомнение — благословение для нас. И вера, и сомнения — противоположности определенности, следовательно, части одного целого. Но самый эффективный способ помочь нам, религиозным людям, усомниться в наших определенностях, — привести пример такого

сомнения. Вы можете показать нам путь к умению сомневаться в себе, усомнившись, по крайней мере, в некоторых из своих допущений и взглядов?

В-третьих, расслабьтесь. Вы нас не переделаете. С этим справится жизнь. Жизнь победит, она всегда побеждает, и все подчинится жизни, в том числе и религиозные люди. В то же время не так уж абсурдна и мысль о том, что в конце концов вы тоже окажетесь на новом месте, где ни вы, ни верующие вокруг вас никогда не бывали. Вы тоже призваны позволить жизни победить.

В-четвертых, выйдите за пределы своих групп, организуйте встречу с религиозными соседями. Остановитесь возле их двери, офисной кабинки, их территории. Пригласите прогуляться вместе. Поговорите о вкусной еде и вине. Если вы не робкого десятка, загляните к ним на кухню, сядьте за их стол, посмотрите, как они молятся перед трапезой, перекусите вместе с ними, проведите время с пользой.

И наконец, углубите источник своих традиций. Один из ваших знаменитых учителей (которого, кстати, цитируют и любят многие верующие), Фридрих Ницше, утверждал, что каждая истина — орудие в руках тех, кто находится у власти. Только прошу вас, не поддавайтесь иррациональному убеждению, что вы исключение, каким-то чудом спасшееся от общечеловеческого проклятия. Можно ли сильнее упиваться властью, нежели верить, что ею упиваются все, кроме вас?

Я только хочу сказать вам, что и вы знаете, и я знаю, и все мы знаем: если мы не изменим жизнь на этой планете, если не возьмемся за это дело все вместе, нам грозит катастрофа. Борьба за власть не поможет никому.

ЛУЧШИЕ ВОПРОСЫ — ОБЩИМИ УСИЛИЯМИ

До последних дней жизни Зигмунд Фрейд был бескомпромиссным атеистом и в книге «Будущее одной иллюзии» называл веру в Бога «коллективным неврозом». Но в последней, с трудом опубликованной работе «Моисей и монотеизм» он признал, что поэзия и обещание религии соседствуют с ее темной стороной. Он утверждал, что чистая и цельная вера в Единого Бога (Фрейд выделял иудаизм как ее единственное достоверное проявление) вместо того, чтобы быть так называемым опиумом для народа, помогла освободить человечество от пут непосредственного, эмпирического мира, открыла новые возможности для человеческого духа и практики. По его мнению, люди, способные поклоняться символам, занимаются исследованием незримого внутреннего мира. Вера в Бога открыла Фрейду дар истинной сущности и воображения.

В письме Ромену Роллану, своему другу, увлеченному мистицизмом, Фрейд писал: «Как далеки от меня миры, в которых вы перемещаетесь! Для меня мистицизм — такая же тайна за семью печатями, как и музыка. Не могу представить себе, что это возможно — прочитать всю

литературу, которую, судя по вашим письмам, вы проштудировали. Тем не менее, для вас это легче, чем для нас — прочесть человеческую душу!»

Важно то, что мы признаем и благо, и зло, и свет, и тень в другом человеке и стремимся быть вместе в этом мире. Грэг Эпстайн, мой друг и священник-гуманист из Гарвардского университета, автор книги «Хорош и без бога» сказал в одном из интервью:

«Если из моей работы читатели почерпнут лишь одно, то пусть это будет мысль о том, что подлинный, страстный, преданный гуманист — и да, атеист, — должен признать достоинство других убеждений. Некоторые атеисты хотят уничтожить религию так же, как некоторые религиозные фундаменталисты хотят стереть с лица земли гуманизм. Мой гуманизм — всеобъемлющая философия. Он гласит: давайте постараемся понять себя настолько, чтобы выяснить, почему между нами возникают разногласия, и тогда мы сможем доверять себе настолько, чтобы заботиться друг о друге и вместе стремиться к достижению общих целей».

Затяжная полемика сторонников религии, защищающих ее любой ценой, и ее противников, готовых во что бы то ни стало бороться с ней, ничем не помогает миру. Их индивидуальность зависит от конфликтующего мира. Вместо того чтобы вести нас к великодушию других и надеждам на неизвестное будущее, вместо того чтобы просвещать нас и вдохновлять на разногласия друг ради друга, сторонники и противники религии уводят нас в новые темные века, и те и другие используют Бога и приближают конец диалога.

Слишком долго мы спорили о проблеме «Существует ли Бог?»

Существует в чем? В пространстве? Во времени? Мы пользуемся этими идеями физического существования и не-существования, чтобы каким-то образом избавиться от своего субъективного опыта и давать объективную оценку, признавать объективное существование и вмещать Бога. Обеим сторонам понравилась бы определенность такого рода! Благодаря ей Бог становится Чем-то, уловленным нашими идеями бытия, веры и существования. Таким образом, мы можем выбрать, принимать или не принимать Бога во внимание. Или, хуже того, используем Бога.

Нам необходимо разработать более точные вопросы.

Предлагаю для начала три, потенциал каждого из них больше того, который уже утомил нас, каждый поможет нам начать создавать необжитое и полное смысла пространство, в котором мы нуждаемся. Вот о чем мы можем спросить друг друга:

1. Во что вы верите, когда верите — или не верите — в Бога?
2. Что вы можете сделать, чтобы разыскать, защитить и выслушать тех, кто ниспровержает ваши представления о Боге, в которого вы верите или не верите?
3. Как можно превратить напряжение между нами не в разрушающую, а в животворную силу?

Атеизму незачем быть финалом мистики, он может быть ее началом.

Религии незачем быть опиумом для народа — она может быть народной поэзией.

И вера, и сомнения — противоположности определенности, следовательно, части одного целого, которое отказывается видеть что бы то ни было, кроме самого очевидного. Положить конец чему-то одному из них — значит, положить конец воображению.

Вера призывает на помощь воображение. Так поступает и сомнение. У нас есть и то, и другое. Нам лучше держаться вместе.

В дни моей свадьбы мои родные и я не верили, что нам будет лучше вместе. Мы организовали две свадьбы, так как нам не хватило убежденности и смелости выступить против сил, стремящихся разделить человеческую жизнь.

Однако на наших свадьбах были исключения. Мой дядя Франк и его жена Гордана, приехавшие по такому случаю из Германии, переступили черту и посетили нашу религиозную свадьбу. Отсутствие танцев немало озадачило их, но не помешало обмениваться шутками и обниматься со всеми подряд. Кроме того, я тайком провел своих нескольких друзей-христиан на первую свадьбу, объяснив отцу, что это «мои приятели из города». Среди них был Тихомир Жестич, друг, который заботился обо мне и рассказывал мне о Боге все два года изгнания из семьи, когда мы были студентами, вместе голодали и мерзли, и питались только припасами, которые он привозил из деревни, где жили его родители.

На свадьбе он не выдержал и потанцевал вместе с толпой атеистов, рискуя своим будущим в раю. Поскольку способность к танцам у адвентистов седьмого дня практически отсутствует, ему с трудом удавалось двигаться в такт музыке. Я наблюдал, как он беспорядочно дергается и притопывает, словно давит на полу клопов. Один из моих товарищей насмешливо заметил: «По-моему, у него в наушниках плеера играет совсем другая музыка!»

Но при виде этого прекрасного зрелища — моего друга-христианина, самозабвенно празднующего жизнь в кругу неверующих, — у меня навернулись слезы. Он понравился моим друзьям-атеистам. Лучшего танца я в жизни не видывал!

ГЛАВА 8

ЖИТЬ ОДНИМ МИРОМ

Купель в подвале одной македонской церквушки стала местом моего начала. В этом укромном месте, вдали от бдительных глаз военной полиции, я погрузился в воду жизни.

Наши казармы находились в городке Битола на территории нынешней Республики Македония, в 14 километрах от границы с Грецией. В тот вечер на территории части все было спокойно. В части насчитывалось четыре тысячи усталых солдат — и новобранцев, которые, наплакавшись, уснули, надеясь на избавление от новообретенной суровой реальности, и ждущих демобилизации старослужащих, которые уснули, опьяненные сливовицей, контрабандой пронесенной в казармы. Мы с Тюфяком перемахнули через ограду и под покровом ночи, быстрой и бесшумной походкой, свидетельством большого опыта подобных вылазок, успели в центр городка, к неприметной церкви.

Мой путь к купели начался шестью месяцами ранее. Поздно вечером, неделя за неделей и день за днем, мы с Тюфяком уворачивались от патрулей на границе между армейским и гражданским мирами, перебирались через ограду части и шли в гости к Проповеднику. Проповедник Стеван был большим авторитетом, бывшим главарем банды, его растатуированные руки теперь скрывал деловой костюм. Его освежающая, пронизанная чувством юмора доброта была неизменна. Когда я увидел, как Стеван и его жена Анда в обнимку скатились по заросшему травой склону холма — он такой огромный и уютно-округлый в своем костюме, она миниатюрная, с длинными волосами, в церковном платье — а затем поднялись обратно, по пути сорвав какую-то редкую лекарственную траву, чтобы прихватить домой, оба сразу мне понравились.

Остальная паства не впечатляла. Тюфяк с Проповедником пригласили меня на богослужение. Для меня оно было большим событием. Я вступил в совершенно новый мир чудаков.

Первым в тот день, как и во все последующие, ко мне подошел старый крестьянин, тощий и короткий, как сушеные перчики, которые он выращивал, всегда опрятный, в поношенном, но еще щегольском костюме с галстуком. Каждую неделю он подступал ко мне, заглядывал прямо в глаза и отчитывался о том, сколько раз за прошедшую неделю ему были видения Иисуса. Он утверждал, что обычно по вторникам, около полудня, когда он работал под жарким солнцем в поле, Иисус являлся к нему и беседовал с ним лично. Старик не забывал доложить мне о последних новостях, доставленных ему с небес. Мой прогресс был несомненным: не прошло и месяца с начала моего путешествия через страну чудаков, а меня уже отделяли от самого Иисуса всего две ступени! В той церкви бывала крупная женщина, страдавшая гипертензией. Все суетились, спеша помочь ей, приносили холодной воды, помогали подняться или спуститься по лестнице, спрашивали, не нужно ли ей чего-нибудь. Ее крошечный муж, рабочий завода, сам стряпал и убирал их тесную, доставшуюся от

государства квартирку, а его жена день-деньской сидела на диване, не переставая что-нибудь жевать. Прихожане называли ее «старшей диаконисой». Я понятия не имел, что это означает, но заметил: когда она слышала свой титул в разговоре, ее лицо сияло гордостью, и все вокруг радовались за нее.

Среди этих людей были и две сестры лет под двадцать. Старшая перестала расти в шестилетнем возрасте, у младшей были огромные глаза. На обеих стоило посмотреть обе льнули ко мне с тех пор, как однажды явились к нам в часть и добились у армейского начальства разрешения забрать меня на день, утверждая, что они мои «сестры» (вероятно, имея в виду — «будущие сестры во Христе»). Их родителей я никогда не видел, но эти девушки казались полноценной семьей.

Кроме того, я познакомился с македонскими обывателями, молодой парой с целым выводком детей. Похоже, в школе они проучились недолго, и понятия не имели, о чем говорить с городскими. Насколько я мог судить, они лишь тем и занимались, что растили перец да строгали детей.

У Проповедника были сын и дочь. Дочь оказалась тихой девочкой, которая видела тревожные сны о Боге, но не вполне понимала их. У сына был синдром ломкости костей несовершенный остеогенез, и он ужасно мучился.

И наконец, я приметил человека, который приходил на богослужения лишь изредка, поскольку ему требовалось целый день идти быстрым шагом, чтобы добраться до церкви из своей отдаленной деревни. На лице и теле он носил несколько рубцов от ожогов — следы нескольких конфликтов, когда односельчане вымазали его салом и облили вином, высмеивая его приверженность к аналогу иудейского кашрута и воздержанию от любого спиртного (адвентисты ценят тело так же высоко, как и душу — две части единого целого), а затем бросили его в костер, чтобы посмотреть, защитит ли его Бог. В церкви он уверенно шагал между рядами скамей, напевая вполголоса старые христианские гимны. Жить свободно, без оглядки, он мог только здесь, где его утешением были Иисус и собратья в вере.

Серен Кьеркегор говорил, что самые сильные сомнения мы испытываем незадолго до того, как уверуем.

Я решил, что мне все эти люди не ровня — человек-перчик, беседовавший с Иисусом, багроволикая диакониса, карлик, парочка неучей с оравой ребятни, фанатик из пламени. Я увлекался йогой, травкой, философией, был совсем не таким, как это пестрое сородичество людей Иисуса. Не церкви, затерянной на Балканах, учить меня, в чем смысл жизни — я читал Германа Гессе и Кастаньеду!

Свое самомнение я называл духовностью. Через два месяца после моего первого посещения церкви Тюфяк разочаровался во мне. Он вычеркнул меня из своего молитвенного списка. Зачем зря тратить молитвы? Но было уже поздно. Меня точила мысль, в сущности, постепенно

перераставшая в убежденность, что эти люди делают нечто правильное. Я никак не мог отделаться от вопроса: что это? Они просто не соответствовали меркам, с которыми я привык подходить к жизни. И Тем не менее, с ними что-то происходило, и для них это было гораздо важнее, чем все испытанное мной. Что же?

Этот вопрос, ответа на который не находилось, сжимал мое сердце и не желал отпускать. Заноза вечности, скрытая в нем, впивалась глубже, и от этого я сделал то, чего со мной еще никогда не случалось: совсем перестал думать о себе. Я перестал судить и непрестанно сортировать людей и впечатления по двум корзинам: в эту — разумное и приемлемое, в другую — бредовое. Вопрос «что с этими людьми?» пришел ко мне из внутреннего неизведанного пространства и вытеснил все прочие заботы. Непрестанная трескотня моего привычного внутреннего монолога утихла. И наступило прояснение.

Так я и пришел той ночью к воде жизни. Через шесть месяцев после моего первого появления в этой церквушке все мы спустились к маленькой купели. По такому случаю пыльный и затхлый церковный подвал, где обычно хранили коробки, велосипеды, садовый инвентарь и ветхую, церковную мебель, преобразился. Весь этот хлам сдвинули в стороны, высвобождая проход к воде.

При свете тусклых лампочек мы обступили лужицу в полу. Вода мерцала жизнью, и Дух Божий носился в пустоте над нею.

Проповедник нарушил молчание, прочитав из Евангелия от Луки: «Когда же крестился весь народ, и Иисус крестившись молился». Едва услышав эти на первый взгляд простые слова, я задумался об их смысле. Зачем Иисусу понадобилось креститься? Чтобы смыть грехи? Но Иисусу не полагалось совершать их. Может быть, крещение — это приглашение к тому, что распространяется не только на избавление от грехов?

Медленно спустившись в купель, стоя в воде, доходящей мне до пояса, одетый в белую крестильную рубашку, чувствуя себя в безопасности рядом с Проповедником и дожидаясь, когда несильные, но уверенные голоса допоют длинный, кроткий христианский гимн, я вовсе не чувствовал, что присоединяюсь к церкви, становлюсь частью истории людей Божьих, продолжавшейся веками, или вступаю в начало новой жизни. Вместо того чтобы создать нечто новое, мое погружение в воду словно связало меня с чем-то насчитывающим тысячи и даже миллионы лет. Я соединился с началом всего, с первичной жизнью, вплел свою историю в другую, гораздо более великую, возникшую до христианства, до религии, до Библии, когда все мы были единым целым.

ЧТО РЕКЛАМИРОВАЛ ИСУС?

Покинув дом своих родителей, Иисус не только начал участвовать в общественной жизни Палестины I века, но и очутился на всемирном рынке идей, где, как и на любом другом рынке, покупатели искали качественный товар.

В объяснения он не вдавался, а вместо этого предложил путь или образ жизни. Об этом и хотели узнать люди, окружающие Иисуса. О жизни.

Они явились с вопросами: «Равви, зачем нам следовать за тобой? Зачем посвящать жизнь твоему пути? Назови нам вескую причину».

И сегодня люди, размышляя о христианстве, задаются тем же вопросом: что даст мне следование за Иисусом?

«Следование за Иисусом придаст вам сил, окружит вас новыми друзьями, подарит новые возможности и больше удовлетворения, и высшей наградой станет вечная жизнь», — обычно отвечал я, подобно другим пасторам. В наши дни, зная, насколько обманчивыми могут быть обещания процветания, многие христиане вообще отмахиваются от этого вопроса. «Не спрашивайте "что даст мне следование за Иисусом?", — поправляем мы их. — Лучше придите к Богу ради Него самого, а не ради себя. Не приходите к Богу, чтобы Его использовать».

Но это не ответ.

Люди, наделенные всего одной жизнью, обязаны спрашивать, что они могут получить, следуя за кем-либо. А почему бы и нет? Вопрос резонный. Наша жизнь — преходящее явление, бесценный дар, и нам надлежит правильно выбрать, как распорядиться ею. Это все, что у нас есть.

Так что же мне даст следование за Иисусом?

Поначалу люди не понимают, как расценить ответ Иисуса. Он говорит о Царстве Божьем, которое пронизывает наш материальный мир, приходит к каждому, поддерживает все отношения, дает жизнь каждому растению, благословляет каждого человека и каждую вещь. В своем осознании жизни он не забывает даже камни. Там, где другие видят обособленность и преграды, Иисус видит единство. Небо и земля. Муки и радости. Мы и они. Иисус обращается к последователям, жизни которых разделены страхом, и приносит им мир. «В конце концов все будет хорошо, — уверяет магнит на моем холодильнике, — а если нет — значит, это не конец». Иисус действительно верил в это.

Надежда, которую Иисус принес в жизнь людей, была в то же время призывом: «Идите за Мною».

«Иди за тобой — куда?»

В ответ прозвучали слова, которых они не ожидали. Первым делом Иисус говорит, к чему не призывает их и чего не обещает. Человеку, пожелавшему стать его последователем, Иисус ответил, что у лисиц есть норы, у птиц небесных — гнезда, а ему и его последователям негде приклонить голову. Ответил, что пришел принести не мир, но меч, внести раздор даже в семьи своих приверженцев. Будущим последователям он, помимо прочего, предложил вероятность гонений, даже смерти от рук имперскихластей. Такие же предостережения распространяла и ранняя церковь. Иисус вовсе не собирался обманывать людские ожидания: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною».

Несмотря на столь неблагоприятный маркетинг, люди начиная с первого ученика, на протяжении всей истории христианства и до наших дней хотели того, что предлагал Иисус. Почему? Зачем они желали лишиться места, где можно приклонить голову? Зачем соглашались расстроить близких и пожертвовать дружескими отношениями? С какой стати выбирали путь, ведущий к гонениям и смерти? Почему стремились нести крест? Из-за сокровища. Иисус рассказывал притчу о человеке, который нашел сокровище, скрытое на поле, продал все, что имел, и купил то поле. Из-за жемчужины. Иисус рассказывал о человеке, который нашел драгоценную жемчужину, после чего продал все, что имел, купил ее и удалился безмерно радостный.

Безусловно, Иисус предлагал нам некий товар. Все мы посвящаем чему-либо свою жизнь — или путем осознанного выбора, или по воле случая. Все мы получили незаслуженное право на жизнь, всем приходится выбирать, как распорядиться ею. Я крестился, потому что почувствовал: ценность того, что предложил Иисус, невозможно превзойти. Я говорю «почувствовал», потому что лет десять сам не мог объяснить, что произошло.

Иисус назвал единственную причину следовать за ним — любовь; она была вплетена во все его слова и поступки (Некоторые примеры текстов: Ин 13:34, 35; Ин 15:5-17; Мф 5:43-45; Мф 22:37-40; Рим 13:8-10; 1 Кор 13; Еф 3:17-19 и 1 Ин 4:7-21. — Прим. авт.). Спустя двадцать четыре года я мог бы обобщить его коммерческий довод так: «Следуйте за мной, и вы будете счастливы — или не будете. Следуйте за мной, и вы обретете силу — или не обретете. Следуйте за мной, и у вас прибавится друзей — или не прибавится. Следуйте за мной, и вы узнаете ответы — или не узнаете. Следуйте за мной, и вы будете жить лучше — или не будете. Если вы последуете за мной, возможно, по всем своим меркам вы будете жить хуже. И все-таки следуйте за мной. Потому что за то, что я предлагаю, не жаль отдать все, что имеешь: вы научитесь любить по-настоящему». Вы научитесь любить по-настоящему. Эта короткая цепочка слов лишь кажется простой. Требуется время, чтобы красота этого предложения наконец проникла в наше существо. Когда вы всестороннее рассмотрите его, когда начнете сопоставлять с другими предложениями в жизни, с прочими сокровищами и жемчужинами, с иными пунктами назначения, вы начнете понимать, что с ним не сравнится ничто в этом мире.

Это и есть ответ, который я нашел, сокровище и жемчужина, которым посвятил жизнь. Вот что я испытал в неприметной церквушке и почему решил следовать за Иисусом так, как велит христианский гимн — не оглядываясь.

ЗАПУТАВШИЕСЯ В КАРТАХ

Сохранить жемчужину религии можно лишь одним способом — с помощью самой жизни.

Было время, когда мы, священники, словно одержимые, строили планы для нашей паствы и стремились направить ее к достижению наших целей. Нам требовалось немало дней, чтобы все обсудить, месяцев — чтобы разработать стратегии, лет — для осуществления планов. В то время я научился представлять себе мою церковную общину в виде людского стада, окруженного гигантской резиновой лентой. Я считал, что без перспектив и четко сформулированной миссии, вокруг которых мы могли бы сплотиться, вся наша энергия просто рассеется внутри системы и пропадет впустую. Лента могла растягиваться и сокращаться, но мы все вместе никуда не двигались, потому что все стремились в разные стороны. Вот почему мы, священники, так старательно разрабатывали планы. Мы составляли карты и вкладывали их в руки подопечных.

В этом случае мы исходили из предположения, что жизнь — преимущественно хаос, который следует обуздить. Людей надо отвлечь от «жизни как таковой» и занять делами и целями наших религиозных организаций. Естественной личной и общественной жизни не стоит доверять, для них обеих надо создать новую среду. Чтобы все мы двигались в одном и том же направлении и не тратили попусту энергию, нам пришлось просить людей оставить «жизнь как таковую» и вести себя соответственно предписаниям организации — посещать богослужения, групповые встречи, вести разъяснительную работу и участвовать в бесчисленных программах.

Царство Божье, о котором говорил Иисус, находилось вне досягаемости для наших людей там, где были они, но стоило нам возглавить их, и оно вполне могло приблизиться.

Многие люди, особенно в странах Запада, всю жизнь собирают подобные карты. Чтобы объяснить какие-либо человеческие впечатления, выяснить смысл, поставить цели, мы обращаемся к нужной карте, сравниваем наши карты и спорим, какая из них точнее. При этом многие из нас остаются вне «жизни как таковой». Прогулка по ландшафту жизни становится роскошью, которую мы не можем себе позволить. Мы путаемся в картах.

Пути прокладываются при ходьбе, а когда мы все время только и делаем, что изучаем карты, мы перестаем ходить. И наоборот, Иисус — как и большинство других основателей мировых религий — учил образу жизни, образу бытия, указывал пути движения по самому ландшафту.

Недостаток карт заключается в том, что предмет их внимания — пункт назначения, и мы начинаем жить ради места и времени, в которых окажемся в будущем. Жизнь утрачивает свою непосредственность.

Путешествие — это и есть место назначения. Время от времени я слышу, как люди реагируют на то, что воспринимают как клише, и утверждают, что романтизировать путешествие — это неправильно. «Путешествие без цели не стоит того, чтобы в него отправляться! У нас должны быть карты, чтобы мы пришли куда-нибудь. Что толку в путешествии, если оно приводит туда, куда тебе не надо? Мы стремимся к вечности с Богом. Вот наше место назначения!»

Но в вечности нет такого понятия, как прибытие. Если мы планируем прибыть куда-нибудь, значит, мы не готовы к бесконечному времени. Нынешняя жизнь и жизнь предстоящая — части одного и того же целого. Даллас Уиллард пишет:

«Я всецело убежден, что Бог пустит на небеса всех, кто, по его продуманному мнению, выдержит это. Но "выдержать" может оказаться гораздо труднее, чем думается тем, кто вынес представления о небесах из популярных фильмов или популярных проповедей. Возможно, жар небес обжигает сильнее, чем совсем другой огонь. Широко распространено мнение, будто бы пройдя через смерть, человеческая натура преображается... Просто верить достаточно, чтобы «справиться». Но мне так и не удалось найти в духовной традиции или психологической реальности основание для подобных предположений».

Уиллард показывает, каким образом жизнь, которой мы живем, и грядущая жизнь могут быть частями одного и того же путешествия. Его ландшафт, панорама и есть место назначения. Бог здесь, на этом ландшафте. Жемчужина доступна здесь и сейчас, в «жизни как таковой». Мы можем научиться любить реальную жизнь, которой сейчас располагаем. Сколько миллиардов лет нам понадобится прожить, прежде чем мы поймем, что уже прибыли туда, где можно отыскать жемчужину? Среда любви — жизнь, а не религия и не богословие. Следовательно, единственные карты, которые стоит иметь, — отправляющие нас на ландшафт жизни. Более того, люди, умеющие по-настоящему любить, — наши проводники и олицетворение истории, убеждений и ценностей христианства, независимо от того, есть ли у них в руках христианская карта.

Еще давно в одном телевизионном ток-шоу я видел, как известный христианин и известный атеист пришли к единому мнению, что прежде всего важно быть хорошим человеком, а уж потом христианином, атеистом и так далее. Затем ведущий объявил, что в эфире есть звонок, и довольно взвинченный голос принял утверждать, что «христианство — это прежде всего благодать. В христианстве ничего не сказано насчет того, что надо быть хорошим человеком». Последнее заявление буквально припечатало аудиторию. Но и ведущий, и атеист сочувственно отнеслись к звонившему, который сохранял самообладание с явным трудом.

Да, христианство имеет прямое отношение к благодати, и она, по моему убеждению, великолепна, но «в христианстве ничего не сказано насчет того, что надо быть хорошим человеком»?

Вероятно, этот человек выразил мысль, которую я мог бы высказать о христианстве сам. Но когда я услышал ее из чужих уст, да еще произнесенную во всеуслышание, мне показалось, будто меня придавила рука Божья. У меня заколотилось сердце и покатились слезы. Этот зритель, наверняка благонамеренный христианин, взял в руки карту с инструкциями, как добраться до небес, и совсем забыл, что христианство имеет отношение в первую очередь к самой жизни, к этой жизни, на этой земле.

Эта картография уже нанесла слишком большой ущерб религии. Мир переполнили карты. Люди ищут не тех, кто покажет им, как сбежать от жизни; они заняты поисками опытных спутников и сообществ, которые помогут им шагать по жизненному ландшафту.

БОЛЕЕ РАДОСТНАЯ ВЕСТЬ

Неумение описать религию в выражениях, способных пленить воображение как верующих, так и неверующих, — широко распространенная проблема, особенно в странах Запада. В современном христианстве, если взять для примера мою религию, чувствуется какое-то бессилие, и это бессилие непосредственно относится к неспособности религии вновь представить себе ответ на вопрос «что даст мне следование за Иисусом?» Для слишком многих христиан ответ однозначен — «рай». Награду мы получим после того, как оставим известный нам ландшафт жизни. Обещание жизни на небесах нередко утешает страдающих и обездоленных на земле, но рай без способности любить будет лишь продолжением страданий и несправедливости в вечности.

Будет ли христианство и впредь определять себя в соответствии с комплектом карт, уводящих отсюда, или развернется, найдет себе дело наряду со всеми, кто готов стремиться к добру и благодати среди жизненного ландшафта? Уйдет ли религия в глухую оборону и будет твердить, что жизнь, имеющая характер вечной, возможна только в другом мире, или же вернется в этот мир как партнер и ученик, распространяющий благо независимо от границ?

Ничто не определяет нынешние границы христианства лучше выражения «благая весть» — перевода греческого слова «евангелион» из Нового Завета. При однобоком восприятии можно предположить, что «благая весть» — это новость о том, что верующие когда-нибудь попадут в другое место. В настоящее время мы осознаем то, что было уже давно очевидно тем, кто смотрел на христианство со стороны. Вершина нашего эгоцентризма — доходящее до одержимости стремление после смерти попасть в рай ценой уничтожения в этом мире Божьей жизни. Земля — зал ожидания, истинная жизнь будет обретена позднее и в другом месте.

Порой мне, как сейчас, кажется, что в моем описании христианство походит на карикатуру. Кто-то сказал, что нам свойственно демонтировать то, что знакомо, и романтизировать то, что незнакомо. Я определенно чувствую за собой такую вину.

Дело в том, что христианство предлагает людям исполнение гораздо более грандиозной мечты.

Будущая райская жизнь — хорошая новость, но этого мало.

С точки зрения многих христиан, Иисус слишком мало говорит о рае в четырех евангелиях. Но на самом деле его Благая весть гораздо лучше.

В Талмуде говорится о раввине, который устроил у себя дома большой праздник и созвал на него всех друзей, родных и последователей. Один из друзей явился к нему, недоумевая: «По какому случаю веселье? Никто не родился и не женился. Почему все вы пляшете и поете?»

Раввин ответил: «Вчера, когда я шел по делам вместе со старейшинами деревни, некая женщина приблизилась ко мне и попросила зайти к ней в дом, потому что ее дочь больна. Я не мог оставить старейшин деревни и бросить дело, поэтому велел ей идти домой и подождать. Но когда я вечером явился к ней, к моему ужасу, дочь уже была мертва. Вернувшись к себе, я всю ночь не спал и молился. Я просил Бога: «Прошу, позволь мне завтра воскресить эту девушку! Пусть мое имя вычеркнут из Книги, только бы она ожила!» И Бог принял мое предложение. Сегодня утром я отправился к умершей девушке и воскресил ее. А теперь праздную вместе с учениками, родными и друзьями».

«Что же ты празднешь?» — спросил его друг.

Сияя, раввин объяснил: «Свою свободу. Впервые в жизни я могу служить Богу не ради будущих наград, а ради любви к Богу».

Много лет моей христианской жизни было потрачено на то, чтобы когда-нибудь в будущем меня пустили в рай. Меня примет благодать. Отлично. А люди, религии, философии и идеологии, которые рассчитывали на что угодно, только не на благодать Божью, предпринимали попытки спастись собственными средствами. Ладно, и это понятно. Бог есть Бог, никто не может принудить Бога спасать нас. Когда еще в Хорватии я впервые с восторгом изложил Благую весть о райском блаженстве матери, ее реакция озадачила меня. Услышанное ее ничуть не впечатлило. Она поморщилась, словно по комнате пронесся неприятный запах.

Но и есть и другое христианство, истинное, лучшее, основанное на жизни и учениях Иисуса. Наши грехи искуплены, нам обеспечена вечность, нас принимают без каких бы то ни было условий — но это не предложение! Сразу после безоговорочного принятия, как только мы признаемся в том, что и у нас есть темная сторона, и разгоним тени светом Божиим,

путешествие только начинается. Мы сможем любить свободно, без оглядки, ради причастности к радости нашего Господина, а не для того, чтобы нас признали или оценили. Только тогда мы готовы любить ради любви и быть полезными Богу и вселенной.

В годы учебы в колледже я, желая стать внештатным учителем, должен был пройти проверку анкетных данных в местном полицейском участке. Мне задавали вопросы, сверяли ответы с базами данных, сняли отпечатки пальцев и наконец признали годным. Но каждый раз, когда меня звали преподавать, я находил причину, чтобы отказаться. Я был слишком занят. «У меня уже есть другие планы», — честно отвечал я тому, кто звонил мне с предложением. За четыре года я так ни разу и не переступил порога класса. Точно так же мы можем потратить всю свою религиозную карьеру, посещая небесный полицейский участок, получая разрешение на работу, но не отвечая на призывы.

Небеса не призывают. Жизнь — это призыв. А вечность — всего лишь часть жизни.

В Редлендсе, Калифорния, по четвергам у нас устраивали уличные ярмарки. И каждую неделю туда приходила одна христианская группа, стояла под транспарантами и обращалась к прохожим, каждому задавая один и тот же вопрос: «Если завтра вы умрете, куда вы попадете — в рай или в ад?» От такого рвения люди начинали нервничать.

Приближаясь к тому месту, где они стояли, я старательно отворачивался и ускорял шаг. Но однажды один из этих людей шагнул ко мне, преградил путь, и устремил на меня участливый взгляд.

— Если завтра вы умрете, куда вы попадете — в рай или в ад?

Сообразив, что попался, я бросил ему в лицо:

— Да какая разница!

На самом деле это означало лишь одно — я уставал, даже когда просто размышлял над этим вопросом. Действительно выбивался из сил. Может, жизнь, имеющая характер вечной, и вправду продолжается вечно. Но это больше не имело значения. Настоящая любовь в этой жизни, даже без вечности, все равно останется «бесценной жемчужиной». Но вечность без жизни, имеющей характер вечной, ничего не стоит.

Зная, что я пастор, мой собеседник выслушал мой ответ, вспыхнул и раздраженно возразил:

— Поглядел бы я на вас потом, в Судный день!

Я не знал, что ему ответить, и выпалил те же слова, что и Иисус Петру, который пытался отвратить его от миссии:

— Отойди от меня, сатана!

Я сознательно решил не думать, попаду ли когда-нибудь в рай. В сущности, если Богу можно помочь, отказавшись от моей будущей жизни в раю (потом) ради какого-нибудь доброго дела на земле (сейчас), пусть делает, как считает нужным. И я сбросил оковы, открыто заявив об этом Богу.

Недавно я спросил у одного старого бруклинского раввина здесь, в Нью-Йорке:

— Равви, что говорит иудаизм о вечной жизни? Только не надо подробных объяснений. Мне хватит и краткого ответа. Он уверенно ответил:

— Один мир за другим, дружище, один мир за другим. И я понял, что такой же ответ услышал бы от Иисуса, раввина из Иудеи.

И теперь я молюсь: «Дорогой Бог, я хочу любить тебя, себя, людей, всю жизнь. Помоги мне научиться жить одним миром».

ВНУТРИ СОБОРА

Какой бы чудесной ни была вечность, она — побочный продукт. Жемчужина — это не христианство, не принятие Богом и не вечность. Жемчужина — это Царство Божье, приглашение учиться любить по-настоящему. И школой этой любви является жизнь — наша обычная жизнь, та, которой мы живем, а не та, о которой мечтаем.

Только жизнь может изменить наше богословие. Мой любимый преподаватель из семинарии, Джон Паулин, однажды за обедом разговорился с небольшой группой учеников о том, что он называл «двойной герменевтикой» (герменевтика — искусство истолкования чего-либо). Когда ранняя церковь столкнулась с необходимостью принимать решение о том, признавать или не признавать обращение неиудеев в христианство, ее лидеры собрались, чтобы дать ответ на вопрос: должны ли язычники стать иудеями прежде, чем стать христианами?

Услышав, что язычники были окрещены, собравшиеся не знали, как быть. Их муки трудно переоценить. В Библии они прочитали одно («нет, нельзя»), а теперь реальность, сама жизнь, которую они вели, противоречила прочитанному («да, можно»). Они осознали, — возможно впервые с такой ясностью, — что жизнь нельзя сбросить со счетов. Не только религиозные тексты, но и жизнь требуют добросовестного толкования.

Отблеск тех трудностей можно увидеть в мучениях некоторых нынешних христиан, вынужденных примирять Библию и гомосексуализм. По-видимому, кое-кто из христиан толкует Библию так, что она вовсе не помогает им любить по-настоящему. Независимо от того, миримся мы с существованием гомосексуализма или нет, есть что-то неправильное в нашем

толковании этого вопроса, как и в толковании проблемы санкционированных религиозных войн, истребления коренных североамериканцев, поддержки рабовладения и угнетения женщин.

Вопрос, как быть с язычниками, стал первой из подобных дилемм для ранней церкви; его последствия чрезвычайно поучительны.

Выслушав выступающих на церковном собрании, Иаков, брат Иисуса, поднялся и сказал: «Мужи братия! послушайте меня». Когда все утихли, он продолжал: «Бог первоначально призрел на язычников, чтобы составить из них народ во имя Свое; и с сим согласны слова пророков, как написано...» Затем Иаков привел слова пророков древности. До тех пор юная христианская церковь толковала и воспринимала реальность новой жизни своих приверженцев через призму Священного Писания. Но на этот раз дело обстояло иначе. Теперь церкви пришлось учиться толковать Священное Писание, воспринятое сквозь призму реальности. Язычники — в Царстве Божьем? Да, это подтверждает реальность, значит, Священное Писание придется истолковать заново.

Так произошла метаморфоза богословской методологии.

Вместо того чтобы пренебрегать ландшафтом жизни ранним христианам понадобилось вновь научиться читать священную карту писаний. Если карта, пусть даже священная, и реальность не соответствуют друг другу, ясно, что мы не можем пользоваться этой картой и тем самым осквернять реальность. Творить зло ради текста — значит осквернять текст. Текст относится непосредственно к жизни. А жизнь побеждает. Жизнь всегда побеждает. Подобно воде, она всюду найдет дорогу.

Сегодня мы столкнулись с похожим препятствием. Нас вновь просят найти ответ на вопрос: «Что даст мне следование за Иисусом?» На пороге, на котором стоит христианство в начале XXI века, давние ответы исчезают, нас вновь окружает пустота. Появляется новое прочтение писаний, рождается новое богословие, которое чтит лишь то, чья реальность бесспорно священна — жизнь. Наша жизнь, ваша и моя, взаимосвязана. Это единственное, что нам известно. Во все остальное мы верим.

Чтобы увидеть красоту христианства как «жизненного пути», а не «пути из жизни», требуется время. Мой друг, Анте Иерончич, преподаватель религии в университете Эндрюса, объяснил мне: чем более велика истина, тем больше времени требуется человеческим глазам, чтобы привыкнуть к ней и рассмотреть как следует. Это все равно, что войти в собор, добавил он. Поначалу в нем темно и тихо. Вот почему следует подождать, просто смотреть и слушать, пока глаза не научатся видеть, а уши — слышать. Как только наши органы чувств привыкнут к новой обстановке, мы разглядим и красоту, и глубину. Темноту вытеснят краски и формы, сквозь тишину начнут пробиваться звуки. И то, что окружает нас, окажется прекрасным. Иисус вновь

сказал бы: «Кто имеет уши слышать, да слышит», призывая нас внимательнее прислушиваться к глубокой истине в тихом веянии ветра, голоса Божьего снаружи и внутри нас.

Что истинного было в прихожанах балканской церквушки, где я крестился? Они учились у Иисуса любви. Христианство со всеми его текстами, традициями и обычаями, — не что иное, как шкатулка с сокровищами, в которой хранится история Иисуса. С тех пор эта община служит мне маяком в открытом море, оберегает меня от утраты религии.

Когда я окунулся в воду и вышел из нее, я впервые стал нормальным. Обновленным слухом и зрением я начал воспринимать мир, учиться настраивать свои органы чувств на изучение Царства Божьего, мира как такового. Теперь я ищу Бога не вдали от нашей жизни, а в ней самой, только глубже и дальше.

Как и в начале, Дух Божий еще витает над крестильной водой. Вечный небесный свет и звуки не скрыты от нас. Их отражение — в соборах наших религиозных традиций. Мне помог увидеть и услышать их в этой жизни Иисус, сказав: «Следуй за мной, и тебе будет лучше — или не будет. И все-таки следуй за мной. С тем, что я тебе предлагаю, не сравнится ничто: ты научишься по-настоящему любить». Иисус любил так преданно, что умер ради чего-то большего, нежели он сам. Такой должна быть и религия, утверждающая, что следует за ним.

ГЛАВА 9

КОГДА МОЙ БОГ СТАНОВИТСЯ ВАШИМ БОГОМ

В секуляризованной Европе, где я вырос, подавляющее большинство людей не придерживались каких-либо традиционных религиозных убеждений. То же самое относилось и ко мне в школьные годы. Мы, большинство, явно отличались широтой взглядов. Верующие же были в лучшем случае эмоционально или интеллектуально слабы, а в худшем представляли опасность для общества в целом. Так или иначе, им не следовало доверять ответственную работу и высокие посты.

«Разве можно рассчитывать на представителя власти, который верит в какие-то туманные идеи вроде Бога, а не опирается на рациональное мышление, когда он принимает решения?» — спрашивали мы друг друга и качали головой.

Вот почему родные выгнали меня из дома, когда я решил стать христианином. Они хотели, чтобы я усвоил суровый урок, касающийся религии, и чтобы он пошел мне на пользу. Хотя мой отец твердо помнил о своей этнической принадлежности к мусульманам, он не был по-настоящему верующим. Как бы странно это ни прозвучало, он был и идейным мусульманином, и столь же идейным врагом религии. Он просто хотел хорошо жить — а это, как уже было сказано ранее, означало радоваться жизни и беречь свою честь — так, чтобы его не беспокоили религиозные люди. Он считал, что мир разделен на два лагеря: нормальных людей и религиозных людей. А я переступил черту, перешел на другую сторону. После четырех месяцев тревожного сосуществования, слез, угроз и уговоров, отец счел последним средством изгнание из дома и семьи. Он объяснил мне условия и объявил: «Выбирай: или мы, или они».

«Если в следующую субботу пойдешь в церковь, домой не возвращайся», — предупредил отец. В четверг я погрузил свои вещи в машину друга и уехал. Я стал блудным сыном, оставил моего земного отца» чтобы быть рядом с небесным. Такой вот выбор.

Я оставил тех, кого раньше звал «мы», чтобы присоединиться к тем, кого называл «они».

Несмотря на то, что позади я оставил слезы, крики и бесконечные споры, покинуть дом оказалось труднее, чем я рассчитывал. Я начал скитаться из одного дома в другой, жил у товарищей по загребской церкви, готовых помочь мне, но повсюду мне недоставало тепла, прикосновений, звуков, вкусов и запахов моей родной семьи.

Однако какими бы трудными ни были эти двухлетние скитания и тоска по дому, в результате моего обращения в веру произошло кое-что еще более страшное.

Мой мир сжался.

Из моей жизни ушли сотни людей, не принадлежавших к числу христиан. Я обнаружил, что общаюсь почти исключительно с христианами. Я стал последователем Единого Бога, но мой мир оставался разделенным. Для нехристиан мы, христиане, были чужие, «они». Для нас, христиан, чужими были атеисты, иудеи и мусульмане — «они». Разумеется, мы, христиане, никогда не признавались в этом, но строили свою жизнь так, чтобы избегать «их». Мы отгораживались от «них», «они» отгораживались от нас. Все мы считали, что мир стал бы лучше, будь в нем побольше «своих» и поменьше «чужих».

Конечно, я видел и других людей, но не жил с ними. По крайней мере, по-настоящему. Разумеется, я делал вид перед самим собой и другими, что это ничего не значит, но со временем, пока они отвергали меня, начал отвергать их, в итоге мой мир существенно сжался, и, как я понял позднее, мое сердце сжалось вместе с ним.

Оценочные критерии перевернулись. «Разве можно рассчитывать на человека, который в трудную минуту, когда надо принимать решение, полагается на собственный разум с его ограниченностью и своекорыстием?» — вопрошали мы, христиане, и качали головами.

Через десять лет до меня вдруг дошло, что у меня не осталось близких друзей-нехристиан! Я просто взял и перешел на другую сторону! Осознание было мучительным и унизительным. В месте, куда вонзилась божественная заноза, образовалось острое воспаление, особенно когда я понял: жизнь в изоляции, неважно, на какой стороне, — это вовсе не жизнь, имеющая характер вечной.

БРАТЬЯ И СЕСТРЫ

Слова еврейского языка, которыми обозначается умение Бога и людей сострадать, имеют корень рехем, то есть «чрево». Родственное арабское слово «рахим» — корень двух имен Бога, которые упоминаются чаще прочих — «Милостивый» и «Милосердный»; ими начинаются все суры Корана, кроме одной. Когда Библия и Коран называют Бога «милостивым», возникает максимально понятный человеку образ. В этих текстах говорится в буквальном смысле, что Бог «подобен чреву». Как женщина ощущает сострадание к ребенку, появившемуся из ее чрева, так и Бог сострадает нам. Как ребенок сочувствует брату или сестре потому, что они вышли из одного и того же чрева, так и человек должен сочувствовать любому другому человеческому существу.

Когда отошли воды Божьи, все мы появились на свет.

Провозглашая «Бог есть Бог всех народов», пророки напоминают: «Разве мы вышли не из одного чрева? Разве всякая жизнь — не наша жизнь? А каждое страдание — не наше страдание?»

Ваша утрата — не только ваша, и моя утрата — не только моя. Хорватия — не только для меня, Америка — не только для вас. Американское — не только для меня, азиатское — не только для вас, христианское — не только для меня, атеистическое — не только для вас, мусульманское — не только для меня и индуистское — не только для вас.

Согласно Библии и Корану, Бог «чревоподобен». Склониться перед Единым Богом означает обнаружить сострадание, которое мы носим в себе. Какими бы ни были наши представления о сотворении — либо Бог создал нас, либо все мы по какой-то случайности зародились в первичном бульоне, — все мы пришли из одного и того же места, следовательно, мы братья и сестры.

Наше общее происхождение предшествует и, следовательно, превосходит нашу идентичность. Словно в семье: как бы трудно нам ни жилось вместе, как бы ни были нарушены отношения, ничто не может по-настоящему разделить нас.

«Они» — это, в сущности, «мы».

ДОСТАТОЧНО ЛИ БОГА?

Библия начинается рассказом о сотворении мира и человечества в нем — девственно-чистого, гармоничного и прекрасного. Однако в конце первого этапа сотворения Бог объявил, что все это хорошо, а Адаму «не хорошо быть одному». В идеальном мире ему было одиноко, ему чего-то не хватало.

Одного Бога было недостаточно.

Так захотел Бог. Бог сотворил нас такими, чтобы мы, подобно Адаму, не довольствовались одним только Богом. Согласно преданию о сотворении, Бог создал вселенную, где нам нужен кто-то еще, помимо Бога, чтобы удовлетворить наши потребности. Бог распорядился так, что мы нужны друг другу, чтобы населить этот мир.

Эта потребность в другом — часть совершенства Адама. Она демонстрирует целостность Адама, а не то, что он несчастен.

Без других нам не может быть хорошо. Без стремления к другим мы не можем быть целостными. В 90-х годах, когда я прибыл в США, меня повсюду — в литературе, на учебе, в прессе — преследовали слова о том, что «в Америке можно быть, кем хочешь». Эти неограниченные возможности привлекали, придавали сил, убеждали граждан верить, что каждый из нас способен сам строить судьбу. Удивительно, думал я. И решил воспользоваться этим преимуществом, добиться своего в Америке. В то же время мне казалось, что, стремясь стать тем, кем я хочу, я отворачиваюсь от чего-то священного, благого, но не американского, по крайней мере, с точки зрения распространителей лозунга.

Действительно ли я хочу быть всем, кем мне хочется быть? Предположим, я хочу быть великим архитектором. Очевидно, что моя мечта повлияет на жизнь и мечты других людей — тех, которые убирают мой кабинет, моют посуду в ресторанах, где я встречаюсь с другими архитекторами, роют котлован под фундамент, освобождают место для моих зданий, и это лишь малая часть людей и подробностей, которых потребует осуществление моей мечты. Чтобы моя мечта сбылась, должны найтись люди, которые мечтают стать уборщиками, мойщиками посуды и строительными рабочими. Если они не станут мечтать об этих ролях (или, по крайней мере, не смирятся с ними), тогда чья-то мечта не сбудется. Наши индивидуальные мечты неразрывно связаны с жизнью других людей начиная с членов наших семей и заканчивая жителями другого конца света. Мы живем не в параллельных вселенных, а в Царстве Божьем, в одном мире, на одной конечной и целостной планете, где «все относится ко мне» плюс «все относится ко всем нам». Моя задача — заботиться о благополучии уборщиков, мойщиков посуды и строительных рабочих, если я хочу, чтобы они помогли мне стать архитектором. Эта мечта относится и к ним.

Своим дочерям я объяснял: согласно священным писаниям человечества, Царство Божье имеет отношение вовсе не к Богу — или, по крайней мере, не к нашей версии Бога. Богу не нужны поклоняющиеся, чтобы исцелить уязвленное самолюбие Бога. Это мы превратили Бога в жаждущее похвал, жадное до любви, эгоцентричное существо, похожее на нас. Наоборот, сострадание и мечты Бога, если углубиться в религиозные тексты, предназначены нам в первую очередь для того, чтобы мы признали наше общее происхождение и общую судьбу. Бог создал человечество, чтобы получилось общество. В этом смысле верить в Бога и жить ради Бога означает веру и жизнь друг ради друга.

Если я буду упорствовать в своем желании стать тем, кем хочу, тогда моя семья, мои соседи, мой город, моя страна и в конечном счете — все человечество будут обременены, а не благословлены моей мечтой. Но если я буду стремиться стать таким, какими хотим стать мы, у мира есть шанс. Разумеется, жить вместе нелегко, иногда даже невозможно. Но не следует пренебрегать воображением. Если люди не начнут отстаивать свою свободу представлять будущее человеческого общества постфеодальным, посткоммунистическим и — это особенно трудно в нынешнем мире, где мы воспринимаем людей как *Homo economicus* — посткапиталистическим, то все мы вместе с планетой будем неуклонно двигаться к самоликвидации. В настоящее время преобладают представления о том, что коллективный труд эгоистичных индивидуальностей — путь к мировой гармонии. Эти представления исчерпали себя.

«Пост-» не означает «анти-». Эта приставка указывает, что нечто, прежде эффективное и помогавшее нам продвинуться вперед, утратило эффективность, и для того, чтобы жизнь на этой планете продолжалась, должно родиться новое, что понизит на пункт-другой значимость «я» и вместе с тем повысит значимость «мы», а затем снизит значимость и этой группы и побудит нас обратить внимание на чужих, на «них», как на путь к изобилию жизни.

Когда меня выставили из дома, только моя тетя Зухра отважилась пойти наперекор моему отцу, регулярно приглашала меня к себе на выходные, чтобы я немного отдохнул душой, и ставила на стол мои любимые блюда. Она внушала мне, словно малышу, что я, как последователь ислама, должен научиться «покоряться» (это буквальное значение слова «ислам»). Мне понадобилась целая жизнь, чтобы преодолеть интуитивную негативную реакцию на эту гнетущую концепцию подчинения и понять, что именно по причине людского подчинения мы живы и уживаемся друг с другом. Оглядываясь назад, я понимаю, что мы выжили и уцелели благодаря подчинению тети мечтам обо мне, ее племяннике, и моим мечтам, посвященным ей, моей тете, а также благодаря подчинению всех нас благополучию моей семьи, друзей, незнакомых людей и врагов.

Позднее, когда я уже был христианином, воспоминания о тетиных словах помогали мне понять, что заповеди Иисуса о любви к Богу и любви к ближнему — по сути дела, одно целое. Любовь едина. Подчинение едино. Все, что отделяет одно от другого, отделяет нас от Бога. То, что сводит нас вместе, приводит нас к Богу.

Древние священные писания служат основанием для критической оценки нашей нынешней ситуации. Тысячелетняя вера и мудрость учат нас: вместо того, чтобы замкнуться в себе, наше религиозное воображение способно увести нас к границам личности, к нашим пределам, где, как ни парадоксально, мы можем приблизиться к себе настоящим. Заботы о самих себе в итоге не приадут нам силы, а умалят всех нас.

«Быть» — значит принадлежать друг другу. Могут ли иудаизм, христианство и ислам обновиться так, чтобы Бог стал Богом всего человечества? Если каждый обратится к своей истории, текстам, традициям, если копнет глубже, чем когда-либо раньше, перемены смогут произойти. Заглянув в глубину, мы достигнем дна колодца наших религиозных традиций и вновь откроем для себя Бога, который не отдает предпочтение никому из «нас».

КАК ЖИТЬ ВМЕСТЕ «НАМ» И «ИМ»

Недавно я побывал в Ромему — иудейском собрании в Верхнем Вест-Сайде, в Манхэттене. Этих людей возглавляет раввин Давид Ингбер. Вечерняя служба в пятницу, посвященная наступающему на той неделе Пуриму, проводилась в арендованном спортивном зале; одна его стена состояла сплошь из окон, многие были открыты. По ходу службы все мы обратились к Иерусалиму, оказавшись спиной к окнам, и негромко запели еврейскую песню надежды и стремления, но нас прервал голос, доносящийся из темноты снаружи. От такой неожиданной помехи мы занервничали. Этот сильный и страстный женский голос пел по-испански песню, слова которой были положены на мелодию, пришедшую откуда-то из Южной Америки или с Ближнего Востока. Поскольку голос незнакомки оглашал темную улицу города, влетал в наши окна и заглушал наши голоса, раввин Давид решил воспользоваться случаем и предложил: «Спойте вместе с ней». Так мы и сделали. Мы начали импровизировать все вместе, в унисон,

вплетая в песню незнакомки нашу еврейскую мелодию. Кто-то из собравшихся вдруг прервал раввина криком: «Скорее сюда, к окнам!» Мы обернулись, бросились к окнам и застыли в изумлении.

Прямо перед нами проходило христианское пасхальное шествие с четырнадцатью большими черно-белыми изображениями картин крестного пути; четырнадцать молодых мужчин в белых одеждах вели священника, несущего крест. Сотни последователей Иисуса из Испанского Гарлема собирались перед зданием и увлеченно пели. Иудеи замахали руками над головой жестом благословения, некоторые стащили с голов ермолки и подбросили их вверх. Участники шествия обернулись к большим окнам и увидели силуэты целой толпы радостно машущих иудеев. Христиане замахали в ответ. На миг случившееся сконфузило всех. Святая неловкость. Но вскоре мы не выдержали и заулыбались.

Это навело меня на мысль: когда мы понимаем, что принадлежим друг другу, что происходит с нашими различиями? Если «они» — на самом деле «мы», разве границы между нами не должны исчезнуть? Разве прекрасные, хоть и разнообразные песни наших религий не сольются в одну? Богослов Йельского университета Мирослав Вольф объясняет, каким образом границы между отдельными личностями и группами являются частью их существования, какими они были задуманы. Бог разграниril сушу, воду и воздух, мужчину и женщину, свет и мрак, а также установил множество других границ. Независимо от того как возник мир — за краткий промежуток или за миллиарды лет, благодаря Богу или без Его участия, — существование требует границ. Без границ в мире воцарился бы хаос. Вольф пишет: «Отсутствие границ порождает беспорядок, а беспорядок — это не конец обособленности, а финал жизни... Запретите все границы, объявитте все особенности угнетающими, снабдите ярлыком «запрещено» все видимые различия — и получите бесцельное шатание вместо целеустремленности, рискованную деятельность вместо нравственных обязательств и ответственности, а в конечном счете — оцепенение смерти вместо танца свободы».

Наши различия животворны. Это не вопрос обстоятельств, а дело принципа. Если реальность относительна, дифференциация — благо.

И в то же время все мы едины. Вольф спрашивает: «Кто это — мы? Мы — люди, обладатели всесторонней и меняющейся индивидуальности; многие другие — это часть того, что мы собой представляем. Мы можем попытаться извлечь их из себя, чтобы стать исключительными, но в этом случае мы проявим насилие по отношению к другим и к себе. Кто эти другие?.. Это не просто окружающие. Они тоже сложные и динамичные индивидуальности, часть которых образуем мы, если находимся рядом. Точно так же, как другие "населяют" нас и привносят с собой историю, так и мы "населяем" их».

Наша «инаковость» — не абсолютное свойство нашего существа, не физическое (сама наша жизнь зависит от других), не интеллектуальное (мы не можем познавать, не будучи

познанными) и не духовное (никто из нас не может обладать всем, что священно). Мы все — часть большой жизненной сети, в которой другие — часть нашей собственной жизни.

Все мы особенные.

Но не обособленные.

Вспоминая историю своей жизни, теперь я понимаю, что каждый из миров, к которому я принадлежал, считал себя не просто отличным от прочих, но и отделенным от них. Все мы воспринимали наши границы как то, что нас разделяет.

Подобно стенам.

Когда я просил людей закрыть глаза и представить себе границу, большинству представлялись именно они, стены.

Почему стены?

Почему не окна?

Или не двери?

Почему не мосты?

Ведь и они границы — разве нет?

БЫТИЕ ЧУЖАКОВ

Мы смотрим на чужаков и говорим: «Мы с Богом, и Бог с нами. Мы правы и находимся внутри, а они — неправы и находятся снаружи». Таким образом мы держим Бога в услужении, в клетке, выстроенной из слов, значений, учений нашей религии. В этом случае Бог неизбежно превращается в не-божество, а наша религия — в своекорыстную идеологию. Но Бог, которого можно удержать в рамках нашей религии, недостоин поклонения.

Если мы не принимаем мир как нашу общину, тогда либералы от консерваторов, верующие от неверующих, мусульмане от иудеев, христиан и атеистов отличаются лишь тем, где именно мы проводим границы, разделяющие мир, и кого осознанно или бессознательно очерняем. Стоит нам разделить мир на «своих», которые «понимают» (благо) и «чужих», которые «не понимают» (зло), цель жизни становится более чем очевидной! После этого наша жизнь будет направлена на преуменьшение зла и увеличение блага в мире. Чем больше людей мы сумеем перетащить через стены в наши владения, тем лучше станет мир!

Даже те, кто говорит: «Я вообще нерелигиозен», Тем не менее, делают мир. Все боятся неких отдельно взятых людей или групп людей и обвиняют их во всех недостатках мироустройства. Антисемиты использовали для этой цели евреев. Евреи — амаликитян. Христиане и мусульмане — язычников и друг друга. Атеисты обвиняли христиан. Протестанты — католиков. Хуту — тутси. Белые — черных. Коммунисты — капиталистов. Богатые — бедных. Вдобавок ко всему, как убедительно и тревожно доказывает Мирослав Вольф, каждая группа, некогда бывшая жертвой, в свою очередь тем или иным способом становилась преступником. Рано или поздно все, кто был исключен, начинали изображать не только полную невиновность в событиях прошлого, но и нежелание делать шаги к оздоровлению.

В своем лучшем проявлении религии утверждают, что наше желание иметь узкие «избранные круги» — на самом деле деформированное стремление принадлежать. Пока мы чувствуем себя отвергнутыми, мы продолжаем отвергать других. К.С. Льюис однажды сказал, что пока вы движимы этим желанием быть в избранном кругу, «вам никогда не добиться желаемого. Вы пытаетесь очистить луковицу: если вы успешно справитесь с делом, от луковицы ничего не останется. Пока вы не победите страх быть «чужим», вы останетесь таковыми!».

ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ В СУЩЕСТВОВАНИИ РЕЛИГИЙ

Когда Бог призвал Аврама, отца христиан, мусульман и иудеев, то предложил ему покинуть свою землю — родных, дом отца, все, что он знал в этом мире. Бог сказал: «Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего... и благословлю тебя... и будешь ты в благословении... и благословятся в тебе все племена земные». Иными словами, «Я хочу благословить мир. Ты не мог бы согласиться принять это благословение и передать его?» Вера Аврама предстояло измерить благословением, которое он принесет чужакам. Благословение служило орудием. Он сам не был благословлен. Его благословили стать благословением.

И это еще не все.

Аврам и его потомки были призваны благословить других так, как Бог благословил их, и, следовательно, позволить им, другим, быть благословением. Сомневаюсь, что без понимания этой истины я остался бы христианином или принял бы любую другую монотеистическую религию. Я стал христианином потому, что узнал, как сильно Бог любит меня и как много я должен предложить миру. Но я остался христианином не по этой причине. Благословения, данного мне — любимому Богом и имеющему возможность изменить мир, — не хватало для поддержания моей веры. Мне помогало благословение, данное другим: Бог любит их, они благословлены, чтобы быть благословением для меня. Бог благословляет все живое.

Мне предложили принять его.

«Взять» и «принять» — не одно и то же. «Взять» указывает на нашу силу. «Принять» — на нашу слабость. Но эта слабость священна.

Мы призваны научиться не только благословлять «их», но и быть благословленными «ими», таким образом способствуя процветанию других религий, творящих добро и составляющих часть нашего взаимозависимого мира. В будущем в нем станут процветать те религии, которые научатся измерять успех не только количеством своих приверженцев или количеством благословленных «чужаков», а тем, сколько от этих «чужаков» досталось благословения им самим. Это и есть переломный момент. С тех пор как я стал христианином, меня учили отдавать. Об этом мне твердили постоянно, этому я все время учил других, когда сам стал пастором. С первых дней после моего обращения, на протяжении всей учебы в семинарии и работы пастором в городе я слушал из уст других и говорил сам: «Любите людей там, где учитесь. Любите людей там, где живете. Любите людей там, где работаете». Мы призываем друг друга служить окружающим, и под этим служением всегда подразумевается помочь, удовлетворение потребностей, наставление. Отдавать, отдавать, отдавать им. Благословлять, благословлять, благословлять их. Любить, любить, любить их.

Поскольку в христианских церквях нас учат любить других и организуют нашу жизнь так, чтобы мы их любили, как странно, думал я, что, согласно результатам опросов, нехристиане воспринимают христиан как людей, которые не любят! Как такое может быть?

Взяв себе за правило регулярно абстрагироваться от своей евангелической религии и ее смысла, чтобы взглянуть на них со стороны, вот что я заметил. В общем и целом мы и вправду не любим, потому что не знаем, как принимать. Нам хватает любви, чтобы принимать от других материальную помощь, похвалы, дружбу, но мы не позволяем им учить нас тому, что связано с Богом, благом и благодатью — словом, со всем тем, что действительно имеет значение. Да, мы принимаем их доброту в духе признательности, но считаем, что в делах Божьих им нечего добавить к нашим поискам жизни, имеющей характер вечной. В нашем представлении мы — дарители, а они — получатели. А это неправильно с христианской точки зрения.

Мы отдаляем потому, что дарители осуществляют контроль.

Мы благословляем потому, что благословляющие осуществляют руководство.

С другой стороны, принять — значит чего-то лишиться. Дары неизбежно меняют отношения. Как утрированно выражаются эскимосы, «подарки обращают в рабство». Принимающая сторона обычно воспринимается как слабая в этой сделке, может оказаться связанный обязательствами и утратить независимость. И наоборот, дарение позволяет нам сохранять контроль, завуалированным способом сообщать о превосходстве нашей точки зрения. Поскольку наша религия или мировоззрение — отражение всего, что мы считаем правильным, ценным и красивым, поскольку они придают нашей жизни смысл, принятие даров от других ощущается как потеря лица, контроля, власти или ценности. Мы считаем, что таким образом демонстрируем слабость или нужду нашей группы, выказываем свою незначительность, зависимость и неполноценность в отношениях с другими.

Таким образом, возможность оказывать помощь, проявлять любовь и заботу — «высшая привилегия» религии, считающей себя на земле самодостаточной. Да, мы научились в некоторой степени терпимо относиться друг к другу; иудеи, христиане, мусульмане и атеисты научились вести параллельные жизни. Но чтобы достучаться до человеческого сообщества, нам следует научиться ценить то, что есть у других, временами принимать и зависеть — да, именно зависеть от того, что нам дадут.

Во взаимоотношениях между религиями позиция единственного распределяющего абсолютного благословения становится не только неразумной и надменной, но и ужасающе контрпродуктивной. Все хотят учить, и никто не желает учиться! Все хотят оставаться при власти и отдавать, и никто не желает казаться слабым и принимать. Вот почему религии не знают, как раскаяться в своих исторических неудачах — чтобы подойти к ним, обычно требуется полвека, если такое вообще происходит. Покаяние означает, что кому-то требуется получить прощение, признать святую слабость и не делать вид, будто он выше человеческих недостатков.

Актом принятия мы признаем присутствие Бога в других.

Вот почему евангелизм в христианстве — распространение Благой вести — в настоящее время доступен только зрелым душам, умеющим смиренно принимать. Распространение Благой вести — в первую, и главную, очередь процесс принятия этой вести не как единичного события, а как жизненного пути. Нам следует применять к окружающим слова: «То, чего я не знаю о Боге, благе и благодати, возможно, знает этот человек». Я пришел к выводу, что миру понадобятся христиане, как только христиане научатся нуждаться в мире. Это касается не только христиан — можно подставить вместо них приверженцев любой другой религии.

Принимая благословение от других, мы становимся товарищами с Богом. Принимая, мы всякий раз завершаем один круг благословений, которые Бог начинает с ними. Мы отаем, получая.

ВСЕ ПОДОБНО ОКЕАНУ

Страх зависимости от окружающих парализует нас. Боящиеся не способны любить, а те, кто не может любить, не могут и получать. Цепь благословений прерывается, по спирали самодостаточности мы опускаемся все ниже. Мир, в котором все мы ведем параллельные жизни и воюем, чтобы сохранить границы, — этот мир остался в прошлом. Нет больше войн, в которых мы можем победить. Мы вернулись к тому, с чего начали. Современный мир подобен чреву, где все наши жизненные пути переплетены.

Все мы находимся здесь, на одной тесной планете, нравится нам это или нет, и эту реальность мы осознаем всякий раз, когда покидаем изолированные религиозные или идеологические круги и выходим на улицы. Среди нас все больше и больше других. Чуть ли не у каждого из нас они живут рядом, в семье, или будут жить, когда вступит в брак наш ребенок или внук. Отец

вроде меня уже не может сказать, что сын мусульманки никогда не женится на моей дочери или что еврей не будет ее школьным учителем, или что атеист не поможет мне найти работу, чтобы накормить дочь.

Более того, жители других континентов — не просто другие, безликая толпа «там, далеко». Они — наши ближние, члены наших огромных семей, хотя нас и разделяет океан. Люди, которые жили до нас и будут жить после нас, тоже связаны с нами. Все, что мы делаем, связано с нашим прошлым, все, чего мы достигнем, перейдет в руки тех, кто придет нам на смену. Таким образом, облегчить страдания людей вдалеке мира или в отдаленном будущем — значит, не просто совершить акт благотворительности, а продемонстрировать солидарность. Отец Зосима, мудрый и почтенный старец из романа Достоевского «Братья Карамазовы», говорит: «Все как океан, все течет и соприкасается, в одном месте тронешь — в другом конце мира отдастся... ибо чуть только сделаешь себя за все и за всех ответчиком искренно, то тотчас же увидишь, что оно так и есть в самом деле и что ты-то и есть за всех и за всё виноват».

Те, кто уязвлен или благословлен нашими мыслями, молитвами или действиями, могут быть совершенно неизвестны нам, но наша жизнь все-таки повлияет на них, а их жизнь повлияет на нас. Что бы мы ни делали, ни говорили, ни думали, о чем бы ни молились, все имеет значение для «них». Сегодня более чем когда-либо наша доля жизни в мире взаимосвязана со всеми остальными. Гуань Даошэн так выразила эту мысль:

*Возьми комок глины,
С водой помеси,
И сделай фигурки
Твою и мою.
Разбей их, сомни,
Водой размочи
И снова слепи
Тебя и меня.
Тогда во мне будет частица тебя,
В тебя попадет частица моя.
И нас никогда и ничто не разделит.*

ЛЮБИТЬ БОГА ВСЕЙ МОЕЙ ЛЮБОВЬЮ

В 2005 году в Пакистане произошло чудовищное землетрясение, одна из величайших гуманитарных катастроф в современной истории. Тысячи людей погибли или были ранены, миллионы остались без крыши над головой. Боб Саймон из «60 минут» отправился в Кашмир, чтобы сделать репортаж о тринадцати парамедиках из Нью-Йорка, которые, пока весь мир

пребывал в апатии и никак не реагировал на случившееся, бросили все и поспешили в район бедствия оказывать помощь в течение неопределенного времени.

Два мира встретились.

Их разделяли гигантские барьеры: культурные, религиозные, расовые, языковые. Встретились «те» и «эти». Поскольку слов для общения не нашлось, пользовались рисунками и языком жестов. Жители Кашмира не знали, как поблагодарить совершенно чужих людей. А те не знали, как ответить: «Нет, это вам спасибо».

И тогда один пакистанец показал парамедику руки.

— Смотри, у меня две руки.

Затем повернул руки ладонями вверх.

— Смотри, у меня на каждой руке пять пальцев.

И он заключил:

— И у тебя две руки. И у тебя на каждой пять пальцев.

— Человек. Я — человек. Человек. И ты человек, — просияв, добавил он.

Человеческая жизнь божественна во всех проявлениях. Мой предельно честный и умный нью-йоркский друг Норм Баггел однажды во время обсуждения после церковной службы поднял руку и выпалил: «Я не могу любить Бога». Мне вдруг вспомнилось, что Норм редко говорил «я люблю Бога», если вообще когда-нибудь говорил. Такого от него никто не ожидал. Он принадлежал к людям, которые обычно склоняются от богословских дискуссий, так как не любят говорить и предпочитают действовать.

На каждом собрании находятся присутствующие, которые по какой-то причине не вписываются в группу, потому что у них не все в порядке — не понимают намеков, лишены вкуса, забыли принять душ. Норм всегда заводил с ними разговор, демонстрируя заинтересованность и открытость.

Поэтому, когда он заявил: «Я не могу любить Бога», все мы дали ему возможность объясниться, может быть, заявить, что слишком уж много шума поднимают вокруг Бога. Он продолжал: «Я обязан любить стольких людей, а мое время и ресурсы ограничены. Если я добавлю Бога в список, ему достанется лишь малая толика. Но... — Норм сделал паузу, подыскивая верные слова, чтобы объяснить свое нелепое и кощунственное признание, а затем продолжал робко, словно прося позволения: — Если можно любить Бога, любя людей и мир, значит, я могу любить Бога всей своей любовью».

В этот момент я вдруг понял, как истинна и сладостна любовь Норма к Богу на самом деле. Норм не имеет отношения к Богу потому, что Бог имеет отношение не только к Богу. Или, наоборот, Норм имеет отношение только к Богу, потому что все в нас имеет отношение только к Нему.

Бог проживает свою жизнь в каждом из нас. Любить кого-либо — значит любить и Бога. Обижать кого-то — значит, обижать и Бога. Вот почему ранняя история монотеистических религий настолько значительна. Все началось с олицетворения этой истины. Еврейский народ призвали из Египта, чтобы он создал новое общество, которое благословит других справедливостью, миром, красотой человеческого опыта. Христианство зародилось как удивительное сообщество людей, которые были угнетены и отвержены, и пожертвовали своей жизнью. Когда пророк Мухаммад основал свою первую общину в Медине, он и его последователи старались в духе времени и места совершать радикальные индивидуальные и общественные преобразования, направленные на достижение справедливости, равенства и прав человека. Подобно Израилю и ранней церкви, им принадлежало «сообщество на земле». Когда для нас все только зарождалось, сердце наших сообществ находилось на небесах, а ноги уверенно ступали по земле.

Мы не можем просто «любить Бога».

То, что отдаляет нас друг от друга, отдаляет и от Бога.

То, что соединяет нас друг с другом, связывает и с Богом.

Бог непосредственно связан с другими, и пока мы не примем их, мы никогда не докажем свою преданность Богу.

МОЯ ВТОРАЯ МОЛИТВА

Моя первая молитва преобразила мою жизнь. Я пробормотал ее на скамье в дальнем углу территории военной части, когда осознал, что Бог любит меня. Я просто сказал: «Бог», и мой мир навсегда изменился.

Еще одна молитва, преображающая жизнь, прозвучала на богослужении в христианской церкви Нью-Йорка. Способы толкования Библии и подходы к богословским вопросам, которых придерживались в этой общине, отличались от моих. В моей душе шла борьба. Я придерживался мнения, что все, кто не согласен с взглядами моей церкви, заблуждаются — значит, их следует поправить. Это мой долг! Мы узнали об этом из евангелий, мы должны быть учителями, а другие христиане — учениками. Поэтому, стоило мне зайти в другую церковь, как тревога буквально изводила меня, напоминая о догмах, которые я считал своим долгом защищать.

Но в этой церкви, в это воскресенье Возлюбленный вновь посетил меня. Служба была ничем не примечательна. Прихожане страстно и уверенно пели христианские гимны. Утомленная моим беспокойством о догмах, моя душа потянулась к пению этих людей. Мне захотелось запеть вместе с ними. И не просто запеть, а так, словно Богу нравится мой на самом деле скверный голос! Сразу узнанная волна благодарности окатила меня, когда я осознал: какими бы иными ни были эти люди, они мои братья и сестры — дар Бога, предназначенный для меня. В этот момент груз слов, накопившихся за десятилетие защиты моей религии, свалился с моих плеч. Ох, и глуп же я! Как я мог не принимать этих людей? Мне хотелось обнять и перецеловать ничего не подозревающих прихожан, как в ту ночь, когда меня впервые поцеловала Вера.

А потом вдруг мне захотелось уйти.

Влекомый невидимой рукой Возлюбленного, я поспешил вышел из церкви на оживленный манхэттенский перекресток с островком безопасности для пешеходов посередине. Стоя в толпе людей, я посмотрел вверх, на небо в просвете между высотными зданиями, и произнес вторую молитву, которая навсегда изменила мою жизнь: «Наш Бог». Вот именно.

— Наш.

Произнося это слово, я признавал, что Бог не только «мой». Что ни я, ни моя церковь, ни христианство не заведуем Богом.

— Наш.

Мне представилась монгольская семья, стоящая перед юртой — эту фотографию я видел в National Geographic. Я смотрел на кривые ноги отца-наездника, темные волосы его жены, лица двух ребятишек. А они смотрели на меня.

Мне представился имам, которого я никогда в жизни не видел — пышнобородый, живущий где-то в моем городе, служащий в мечети, возможно, на расстоянии нескольких минут ходьбы от моего дома. Его рука ласково коснулась моего плеча.

Мне представилась учительница из государственной начальной школы, убежденная буддистка. Она отдавала себя без остатка, работала дни напролет, медитировала, чтобы поддерживать в себе силы, и обучала мою дочь всему, что важно в жизни.

Когда я возносил молитву Господу, все они стояли вокруг меня. Я начал молитву, которой научил нас Иисус: «Отец наш...»

К кому относилось это слово «наш»?

После первой молитвы, когда я произнес: «Бог», обратный путь к неверию оказался отрезанным. Бог должен был остаться в моей жизни. После второй молитвы, когда я произнес: «Наш Бог», повернуть обратно к неверию было уже невозможно. Другим предстояло навсегда остаться в моей жизни.

ЭПИЛОГ

МОЯ ИСТОРИЯ — И, ВОЗМОЖНО, ВАША

Когда я служил пастором в деятельной и дружной церковной общине «Кроссуок» (CrossWalk) в Южной Калифорнии, мои родители с сестрой приехали в гости из Хорватии. Они и прежде бывали в США, и мы навещали их в Хорватии, но эта поездка обещала быть совсем не такой, как прочие. По прошествии двадцати лет мои родные наконец согласились посетить мой христианский мир.

Едва ли не целыми днями мы готовили еду. Троє гостей лакомились роскошными блюдами американской кухни, аромат сытной еды вызывал воспоминания о том времени, когда мы были одной из счастливейших семей на земле.

Однажды в воскресенье, глядя, как мама ставит в духовку аппетитный вишневый штрудель, я подумал, какой постаревшей и изнуренной она выглядит. Но ее глаза сияли радостью ярче, чем когда-либо. Похоже, за последние двадцать лет нашей семейной борьбы ее сердце только выросло. Она превращала боль в благословение и раздавала его родным. От кого-то я услышал, что «благодать умеет не придавать значения». В таком случае моя мама была исполнена благодати, ведь она долгие годы не придавала значения непростительно эгоистичному поведению — моему и отцовскому. Что стало бы с нами, если бы не она?

Выглянув в окно нашей гостиной, я увидел отца: он, почти полвека олицетворявший непреодолимую движущую силу нашей семьи, терпеливо красил нашу веранду. Все, за что он брался, он делал добросовестно и с радостью, и любил вкусно поесть. Кем бы я был, если бы не он? Как бы я научился страстно любить жизнь, если бы его страсть не горела, освещая мне путь, если бы его цельность не вдохновляла меня?

Пока мама и отец увлеченно занимались домашними делами, которые нашли себе сами, моя сестра Бисера прилегла на диван вздремнуть. Я окунул взглядом ее стареющее тело. Двадцать лет она заботилась о родителях, пока они тревожились обо мне, и при этом успевала строить свою прекрасную семью. Моя сестра всегда была в семье источником веселья и здравого смысла. Я думал: «Она заслужила долгий и сладкий сон. Каково бы нам пришлось без ее стойкости?» Мне хотелось, чтобы мои дочери выросли похожими на нее.

За четыре недели, пока продолжался их визит, мы успели поговорить обо всем — кроме веры. Мы научились делать вид, будто религию можно оставить в другой комнате, как запертое на замок чудовище, которое лучше не тревожить. Все четыре недели каждые выходные мы с женой и двумя дочерьми ходили в церковь, а наши гости оставались дома. И все время, пока мы были в церкви, мы думали о них, а они — о нас.

Потом мне вспомнилось то, что случилось двадцать лет назад, когда я вошел в отцовский кабинет, чтобы впервые сообщить ему о своей вере в Бога. И меня вдруг осенило: почему бы не сделать то же самое еще раз? Только на этот раз я могу пригласить отца в свой кабинет. Так я и поступил. Едва он вошел в мой кабинет, где мы остались вдвоем, я спросил:

— Хочешь посмотреть мою церковь и узнать, чем я там занимаюсь?

Отец отвернулся к окну.

— Ты же знаешь, как я к этому отношусь, — ответил он. — Не могу себя пересилить.

— Тебе и не придется, — возразил я.

— Не хочу, чтобы все подумали, будто я одобряю твою веру, — объяснил он.

— Наши религиозные убеждения тут ни при чем. Просто я тебя прошу. Потому что я люблю тебя, а ты любишь меня. Я хочу, чтобы ты увидел, из чего складывается моя жизнь, — я знал,

что этот приезд моих родителей в другое полушарие наверняка станет последним, и добавил:
— Отец, ты стареешь. Может, это твой последний шанс увидеть мой мир изнутри.

Помолчав, он ответил: «Ну хорошо» и тихо вышел из моего кабинета, все еще явно потрясенный после стольких лет.

В гостиной его с беспокойством ждали мама и сестра. Обе были посвящены в мои планы, обе бесшумно молились за меня и отца, повторяли слова, не относящиеся ни к какой религии. Через пару дней мы обсудили подробности. Мои гости должны были прийти на богослужение, но не ради музыки, а ради «лекции»: заставить себя произнести слово «проповедь» они так и не смогли. Им оно казалось слишком странным., В следующие выходные в моей церкви был наплыв посетителей, собралось около семисот человек. Дьяконы оставили места для моих родных, прибывших с опозданием, чтобы послушать «лекцию». Они появились, как только отзвучала музыка. Сестра шепотом переводила маме и отцу на хорватский. Я назвал свою проповедь одним словом — «Любовь». Поприветствовав собравшихся, я начал:

— Вот мой первый и самый непосредственный опыт любви, — на большом экране появился увеличенный проектором черно-белый снимок свадьбы моих родителей. Затем — их снятые с близкого расстояния лица, сияющие счастьем и любовью. Я представил их медовый месяц еще несколькими снимками, в том числе сделанным в автоматической фотографии: они целовались, обнимались, смеялись и никак не могли наглядеться друг на друга.

— Это любовь, — сказал я.

— А вот это — догадайтесь, кто?

На снимке мальчуган в комбинезончике сидел на ступеньках типового многоквартирного дома. Глаза маленького Самира блестели, их переполняли удивление и радость.

— Я живу на свете благодаря тому, что мои мама и отец любили друг друга.

Затем я показал несколько собственных снимков: на одном из них я усмехался. Это была усмешка человека, способного привести цитату из Библии по любому случаю, прервать любой разговор не о Боге и сменить тему — усмешка ревностного защитника Бога на земле.

— Незадолго до этого я стал христианином, — продолжал я. — Мои родители не поняли, как такое могло произойти. А я считал, что возможность стать последователем Иисуса — лучшее, что могло случиться со мной. Для родителей же это событие оказалось величайшим разочарованием жизни, — и я коротко рассказал о том, как они пытались образумить меня, а затем продолжал:

— Они испробовали все, что могли, лишь бы заставить меня одуматься, наконец выбились из сил и решили прибегнуть к последнему средству — выгнать меня из дома. Так они и поступили — с надеждой, что трудности чему-нибудь да научат меня и приведут обратно домой.

Но после двух лет разлуки они поняли, что больше не выдержат, и потому с радостью приняли меня обратно и научились сосуществовать со мной.

Когда я стал христианином, мои мама, отец и сестра были уязвлены так, что я не могу передать словами их состояние — вероятно, я даже понять его не смогу, но во всем этом проявлялась их любовь ко мне.

Сегодня они находятся здесь, в самом неожиданном для них месте. Впервые в жизни, впервые за двадцать лет моего пребывания в христианской вере, они переступили порог церкви. Возможно, это первое посещение станет для них единственным.

Есть люди, которые вынуждены терпеть наши разговоры и лучшие намерения, касающиеся нашей религии. Есть миллионы невоспетых героев Бога — таких, как мои родители. Даже Иисус почтительно и с состраданием признавал, каким трудным может оказаться ответ на его призыв для родных его последователей. И поэтому я прошу вас: пожалуйста, окажите мне любезность, поприветствуйте моих родителей стоя — за любовь, которую они дарили мне, хотя и не понимали меня. Для меня это чрезвычайно важно.

Все присутствующие поднялись с изъявлениями благодарности: продолжительными, громкими и искренними. Мне казалось, нас всех приподняла исцеляющая рука Бога, я наслаждался каждой секундой происходящего. Потом я сказал:

— Мама, папа, сестра, спасибо вам за любовь. Все хорошее, что во мне есть, досталось мне благодаря вам и вашей любви ко мне.

Я был горд своей церковью.

Я был горд своими родными.

В этот момент впервые за все время я принадлежал и родным, и церкви.

Мы все равно никогда не принадлежим религии. Мы всегда принадлежим людям. Даже наша принадлежность к Богу ощущается благодаря им.

После службы моя мама радостно улыбалась, словно ощущив приток свежей энергии, запаса которой ей должно было хватить на предстоящие годы; у сестры был умиротворенный вид — она понимала, что все ее попытки помирить нас наконец-то принесли плоды; отец неловко попытался справиться с волнением и пошутил, что моя «лекция» слишком уж затянулась — минут на сорок, не меньше.

Я не сомневаюсь, что мое решение следовать за Иисусом было прямым следствием родительской любви друг к другу и их любви ко мне. Когда я впервые прочел древние священные писания и узнал, как пророки и поэты древности любили и страдали за свой народ, как Иисус обращался к народу и страдал вместе с ним, и сколько благ принес ему, я обрел Иисуса. Благодаря моим родителям я с первого взгляда узнал любовь, как только ее увидел. Когда Иисус говорил в Ин 14: «Я есмь путь и истина и жизнь», я поверил ему. Родители стали моими первыми свидетелями пути, истины и жизни Христа — моими первыми евангелистами.

В тот день в церкви все мы наполнились небесной благодатью и испытали новое начало.

Расходясь к своим машинам, оставленным на стоянке, люди останавливались, чтобы переброситься словом с моими родителями, кое-кто даже пытался говорить с ними по-хорватски, чем доставил им радость. Казалось, Бог остановил время только для меня, чтобы я мог упиваться Божьей любовью. Этого момента я ждал два десятилетия: чтобы в моей церкви моих родных приняли как своих, а мои родные отнеслись, как к людям, к прихожанам моей церкви. Единый мир. Царство Божье прямо здесь, как и говорил Иисус.

ВИХРЬ, КОТОРЫЙ НЕ ОСТАНОВИТЬ

Нам необходимы разговоры о религии. Продолжительные, глубокие, подробные разговоры. О каждой религии — под которой, повторюсь, подразумевается любая система значений — со всем человечеством, со всем этическим сообществом. Нельзя просто претендовать на «нашего Бога» как на «нашего судью». Наши религиозные и другие системы находятся в одной и той же лодке размером с нашу планету. Наши судьбы настолько взаимосвязаны, что никто не может сказать: «Прошу, оставьте меня в покое: я дырявлю дно лодки под моим сиденьем, а не под вашим. У меня своя жизнь, у вас — своя». Теперь все мы или поплывем, или утонем вместе. Жизнь никогда не бывает просто нашей. Бог, добро и благодать всегда

присутствуют и в других, и преображение начинается, когда мы достигаем глубин нашей религии и обнаруживаем жизнь, в которой участвуют другие. Мы осознаем очевидное: Царство Божье принадлежит Богу, а не нам.

Еще одно определение для Царства Божьего, о котором говорил Иисус, — «реальность». Вместо того чтобы повторять: «Царство Божье здесь», Иисус мог бы сказать: «Царство Божье в том, как все устроено». Вот почему честность в разговорах о нашей религии нам не повредит. Наоборот, может исцелить. Подтверждения из реальной жизни — пенициллин для наших религиозных иллюзий. Никто не поможет нам, если мы смотрим на эти подтверждения как на чужаков.

Мои родные и моя церковь были чужими друг для друга. Чужак не такой, как мы. Чужак в образе Бога, в Божьем целом. И в том, и в другом.

Решения, которые мы не можем найти, и благословения, которые не можем получить, недосыгаемы именно потому, что они находятся там, где, как нам «известно», их никак не может быть! Не в том, что нам известно, а именно в том, чего мы не знаем. Не в наших мыслях, а в том, о чем мы не думаем. Чужак, подобно небесному консультанту, которого никто не звал, способен увидеть то, чего мы не видим или отказываемся видеть. Чужак является все это нам. В этом и заключается проблема с чужаками. Чтобы выжить, нам необходимо защищаться от чужаков; чтобы выжить, чужак нужен нам — только он поможет нам прозреть.

В священных писаниях проблема чужака представлена обратным образом и преображена в одну из самых действенных заповедей для верующих. Если Еврейская Библия повелевает «любить ближнего» всего один раз, в ней содержится не менее 36 упоминаний о «любви к чужаку», как в Лев 19: «Когда поселится пришлец в земле вашей, не притесняйте его. Пришлец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; люби его, как себя». В Новом Завете Иисус утверждает, что окончательное суждение о наших поступках можно сделать по тому, как мы обращаемся со странником, ибо этот странник не кто иной, как Иисус. В мусульманском мире тексты Корана сообщают, что странников полагается впускать в дом, оказывать им почести, заботиться о них не менее трех дней, даже если эти странники считаются врагами.

Может показаться, что это всего лишь простое приглашение любить ближнего, но в этот настойчивый призыв Бога вложен гораздо более глубокий смысл. Меня всегда удивляло, почему таинственный священник Бога всевышнего, Мелхиседек, был призван благословить «первого» верующего, Аврама, и зачем Богу понадобились волхвы с востока (на самом деле мудрецы или астрологи), чтобы подтвердить, что новорожденный и вправду младенец Иисус. Разве не мог Бог обратиться к «нашим» людям?

Понимание наших отношений и жизни с Божественным — Святым, который всегда будет объединять нас, — неразрывно связано с нашими отношениями и жизнью в человеческом

сообществе, с человечеством, которое также нас объединяет. Другой человек — частица Божественного, по образу которого он был сотворен. Не зная чужаков и не будучи узнанными ими, мы не можем возрастать в познаниях Бога и самих себя. В настоящее время глобализация превратила наши сообщества в чудесные сообщества чужаков, где у каждой религии вновь появился шанс превзойти свои ограничения! Как подтверждает история жизни раввина Брэда Хиршфильда, теперь мы призваны обращать внимание на человека перед нами прежде, чем на идеологию в нас, и отдавать предпочтение человеку.

Когда в Мишне (собрании ранних устных толкований еврейских писаний) говорится, что мир подобен колючему кусту с единственной розой и что эта роза — Израиль, а прочие народы — колючки, или когда Иисус утверждает, что лишь его имя приведет к Богу, будто бы подразумевая, что все, кто не знает Иисуса, покинуты Богом, или когда Коран гласит, что неверные должны быть уничтожены, смысл этих текстов изменится, если читать их в присутствии других. В буквальном смысле слова. Когда колючки, брошенные люди и неверные, находятся здесь же, когда они смотрят на тебя, жизненный контекст нашего толкования меняется, как и само толкование текста. И не только в общем направлении, но и в базовой логике. Когда Бог посещает нас посредством других, мы пробуждаемся и чувствуем то, чего никогда не ощущали прежде, видим то, чего раньше не могли разглядеть, думаем о том, что прежде нам и в голову не приходило. В присутствии других меняется все.

Золотое правило такого же отношения к другим, какого вы ждете к себе, лежит глубоко в основе всех значительных религий. Представим, как предлагает Карен Армстронг, что мы толкуем все наши писания как комментарии к этому золотому правилу, а также читаем все их — и, добавлю также, наши — писания, руководствуясь правилом Августина всегда стремиться к наиболее благожелательному истолкованию текста. Все это не только отразит наши лучшие традиции, но и, как ни парадоксально, поможет сохранить нашу религию. Стремление к Богу означает, помимо всего прочего, стремление к Богу среди других точно так же, как мы хотим, чтобы другие искали Бога среди нас.

Благожелательное истолкование также должно быть дополнено смелым толкованием текста — чтобы мы могли войти в динамический относительный конфликт с ним. Как и в отношениях с любимым человеком, в отношениях с текстом возникают разногласия и конфликты, а временами — прямое несогласие. Противоречие и несогласие со специфическими текстами в рамках всех отношений с целым текстом может оказаться способом воздать ему должное. Более того, готовность рискнуть своим положением внутри собственной религии и своим Богом ради благополучия других может стать гораздо более глубоким проявлением любви к своим текстам и послушания своему Богу. Для этого понадобится углубление нашей идентичности. Джонатан Сакс, главный раввин Англии, пишет: «Стремление к миру может быть воспринято как род предательства. Оно подразумевает компромисс. Это означает удовлетворенность меньшим, чем нам хотелось бы. Здесь нет простоты и ясности, свойственных войне, проблемы которой... недвусмысленны и очевидны. Война обращается к нашему самому фундаментальному ощущению идентичности: есть "мы" и есть "они", и

смешение невозможно. Но когда враги обмениваются рукопожатиями, кто из них "наш", а кто — "не наш"? В мирное время развивается глубокий кризис идентичности».

Изменчивость и пассивная терпимость не выдержат рвения тех, кто боится мира. Как указывает раввин Сакс, «ему можно противопоставить только равное по силе и противоположно направленное рвение. Исцеление... если и придет откуда-нибудь, то лишь из сердца самого вихря».

В прошлом вихрь религиозной страсти исходил из нашего опыта посещений, исправлений и благословений Божьих. Сегодня Бог не отдаляется, а призывает нас пережить глубокие впечатления, обрести Бога в чужих, чего прежде никогда не делал народ Божий. Религию ждет увлекательное будущее. Для тех, кто открыт к общению с чужаками, вихрь будет существовать всегда.

РАСКРЫТАЯ ТАЙНА

Майстер Экхарт говорил, что наши религии подобны домам. В каждом доме есть люк где-то внизу, в подвале, и если мы спустимся достаточно глубоко, то через этот люк упадем в реку, протекающую под всеми нами. Прекрасно, думал я. Но тут же удивился: почему бы не воспользоваться парадной дверью? Почему истина о взаимной принадлежности доступна лишь тем, кто предпочитает болтаться в подвале? Почему нас надо втягивать в поиски хитростью?

Зачем пренебрегать этой истиной об общем благословении или скрывать ее? Почему бы не порадоваться ей?

Человечество — живой организм, тело, в котором религии — различные части, а разнообразие — вопрос жизни. У каждой части свои функции, каждая служит другим частям. Как и природное разнообразие, наша слава не уменьшается, а скорее, разрастается в служении благополучию других. Какой бы огромной ни была почка, она не выживет без связи с другими органами тела, служа им и будучи обслуживаемой ими. Мы не можем функционировать так, как, по-видимому, хочется некоторым людям: безмятежно, обособленно, как коллекция внутренних органов в отдельных стеклянных банках.

Что же в конечном счете позволяет религии процветать? Когда мы понимаем, что религия верна и соответствует своим идеалам, что она действует? По словам? Обрядам? Богослужениям? Традициям? Даже если все последователи религии «поймут» ее одинаково, этого все равно недостаточно для доказательства ее единственности! Обещание вашей и моей религии — не благополучие самой религии, а благополучие мира. Например, у земли — новой несчастной и угнетенной жертвы в мире — нет религии. Каждая религия должна заняться спасением земли, эту работу мы обязаны поделить потому, что все отвечаем за нее. Земля страдает, эти страдания объединяют человечество. Узы между нами носят мистический

характер, но как говорит Пол Ниттер, известный современный богослов и специалист по плюрализму, «мистические узы формируются в этических действиях».

Следовательно, взаимозависимость — уже не избирательная активность, второстепенная по отношению к нашей идентичности. Слишком многое поставлено на карту, чтобы поручать эту работу тем, кто проваливается в люки наших религий. Пришло время раскрыть секрет нашего единства! Теперь наша идентичность создается у границ соприкосновения нашей религии с миром.

КОГДА БУДУЩЕЕ ЗА НАШИМ СТОЛОМ

Со своими дочерьми я всегда говорил о религии так честно и открыто, как только мог, делясь с ними тревогами и надеждами. Я объяснял, что мы должны сблизить наши религии не только для терпимости и диалога, но для того, чтобы помочь всем жить взаимозависимо.

Однажды вечером мы ехали домой с мероприятия, пробудившего немало вопросов в их юных головах. Мы познакомились с Боно, лидером группы U2, на частной вечеринке в Лос-Анджелесе, где он говорил о кампании Product Red по сбору средств в фонд помощи беднейшим районам мира и поддержания местной экономики. Наша старшая дочь Эна вручила ему стихи о положении африканских отцов и матерей, которые сама написала. Боно прочитал их, особенно отметил одну удачную строчку, поцеловал Эну и колоритно, на ирландский манер пообещал «всю дорогу до Дублина держать ее стихи у самого сердца, в нагрудном кармане пиджака».

На обратном пути наша девятилетняя дочь Лета подала голос с заднего сидения:

— А по-моему, эти религии никогда не будут жить дружно. Ничего у тебя не выйдет, пап.

Эна принялась спорить с ней, а Лета упрямо твердила, что иудеи, мусульмане и христиане просто не захотят.

— Слишком сложно, — объяснила она. — Люди хотят делать только то, что им хочется. И все хотят быть правыми.

Ни моя жена, которая вела машину, ни я не нашлись с ответом. Я задумался, дети не сводили с меня глаз. Два самых нежных существа, которых мы знали, обсуждали最难的 problem из проблем земли.

Им пришлось. Под угрозой оказалось их будущее.

Я размышлял, согласились бы архиепископы, влиятельные муллы, главные раввины, почетные профессора, могущественные политики и ведущие экономисты придвинуть стул и пригласить

будущее присесть к ним за стол переговоров и, может быть, приготовить еще несколько стульев — места для моей дочери или ваших детей.

Увы, такое случается редко. Только настояще с его соображениями, касающимися непосредственного состояния экономики, политики и религии, приглашается за стол переговоров. Подрастающее поколение в дискуссиях не участвует. Мы не спрашиваем: «А как отразится это решение на людях, которые будут жить через пятьдесят или двести лет?» В своей книге «Ортодоксия» Г.К. Честертон высказал убедительный призыв чтить традиции и прошлое вместо того, чтобы поклоняться настоящему. По-видимому, мы приближаемся к новым вехам мышления, когда мысль Честертона о «демократии, разрастающейся во времени», будет охватывать и будущее.

Центром нашего внимания является сегодня, еще один способ сказать «мы». Мы стали эгоцентричными и потому разрушаем сами себя. Как я писал во вступлении, наши дети смотрят на нас с немым вопросом: «Что же вы натворили?»

А если Бог воспринимает нашу религию глазами детей, которые унаследуют землю после нас, и судит ее такой, как видит? Почему бы тогда не прислушаться к вопросам, которые задают дети? «Защитники Бога выслушали бедных?» «Они поняли, что обижают других?» «Они любили землю?» Что будет, если мы начнем толковать наши священные тексты и традиции не в тиши кабинетов, не в славе храмов, и не для того, чтобы сберечь прошлое, а, по сути дела, не пытаясь ничего доказать? Что было бы, если бы мы взялись изучать нашу веру, практиковать ее и молиться под пристальным взглядом наших сыновей и дочерей? Что если бы мы проявляли религиозность не просто как иудеи, христиане и мусульмане, братья и сестры в вере, а как матери и отцы?

СМЕХ, СЛЕЗЫ И СПОНТАННЫЙ ПОДЪЕМ

На следующее утро после визита моих родителей в церковь я подъехал к ней раньше, чем обычно. Я припарковал машину, вышел на пустую стоянку, где днем раньше мы стояли в кругу родных и друзей. Дух Божий еще витал здесь, прохладу калифорнийской ночи уже вытесняло тепло встающего солнца. Меня переполняла радость от встречи с Богом и сожаления о жизни, потраченной на борьбу из-за религии.

Мне неудержимо хотелось засмеяться.

Над своей религией.

Так я и сделал; я засмеялся, находясь один на стоянке. Мы, люди, смеемся, реагируя на несоответствие. Смех — один из способов справиться с расхождениями нашей жизни. Вот наша мечта о мире, а вот, пожалуйста, — сам мир. Вот надежды, которые мы возлагаем на свою религию, а вот и сама религия.

И все мы — мусульмане, христиане, иудеи, атеисты, индуисты, буддисты, колдуны и так далее — согласимся, что между нашими сокровенными чаяниями и нашим опытом есть несовпадение. Это печально и вместе с тем прекрасно. И смешно. Богослов Томас Оден пишет:

«Мы — студенты Бога, взгляните на нас: образ самого Бога чешет нашу экзему; раздраженные геморроем, но способные на ответную божественную доброту; двуногие животные, мечтающие о вечности; мы играем в Бога, будучи негодяями, паяцами, оболтусами, — но негодяями, которые от всего сердца говорят "Господи, благослови", паяцами, которые подражают позе Супермена, оболтусами, которые вынашивают идею совершенного человека. Нам интересны божественные суждения, но в большей мере — состояние тормозов в нашей машине; потребители рациональности, мы не в состоянии привести в порядок финансовые дела; мы живы, но озадачены смертью. Таково существо, которое берется за перо и чернила и царапает туманные сентенции о Боге, отправляет своим дыханием воздух и разглагольствует о Духе, поминает Бога чаще всего, когда бранится, и вместе с тем называет Его "украшением сущего"».

Я пришел к выводу, что наша способность любить Бога, себя, людей и все живое растет вместе с нашей способностью смеяться. Мы смешны, и не смеяться над нашей религией, мировоззрением и философией (то есть, в сущности, над собой) было бы лжесвидетельством, ложью.

Мы постоянно путаем наши мечты и достоинство, с одной стороны, и человеческие реалии — с другой. Вот почему насмешки над религией — не просто способ подсластить пилюлю, спрятать замешательство под маской радости. Это, скорее, целеустремленная жизнь, позитивное мышление, сила намерения или закон избыточности. Это исповедь надежды. Это — акт веры. Такая способность смеяться, несмотря на все наше несовершенство в присутствии Бога, — то, что мы называем благодатью. Она окружает нас повсюду, и те, кто имеет глаза и уши, увидят и услышат ее, а также потрогают, понюхают и попробуют на вкус.

Я говорю здесь не о высмеивании своей или чужой религии. Насмешничество — акт исключения, юмор подразумевает принятие. Мудрость, позволяющая нам смеяться над своей религией, имеет божественное происхождение, она неизменно напоминает о нашем сотворении и служит противоядием для абсолютной зависимости от нашей системы управления Богом. Смех дает нам возможность относиться к себе менее серьезно, чтобы со всей серьезностью принять Бога и Его мир.

Стоя на автостоянке, я отсмеялся и понял, что сейчас заплачу.

И я заплакал. Так, как не плакал много лет. Я присел на бордюр рядом с машиной и закрыл лицо ладонями.

Как я жалел о том, что рядом никого нет.

Я жалел, что рядом нет других. Мне нужен был кто-нибудь, кто обнял бы меня, тот, кто мог бы меня простить. Может быть, люди, которым моя религия причинила вред.

Мы могли бы погоревать вместе. И утратить наши религии, чтобы обрести их.

С тех пор я не переставал мечтать о какой-нибудь межрелигиозной «службе слез», где мы могли бы забыть о своей исключительности. Мы слишком спешим заявить: «Вспомните их историю. Посмотрите, что они творят. Взгляните, как они равнодушны. Они слишком часто творили несправедливость. Они пролили кровь». Но кого бы мы ни подразумевали, говоря «они», когда мы судим других, мы судим себя. Я не просто не могу отречься от христиан, которые веками убивали именем Бога — они мои духовные предки, без них я не был бы христианином, — но и не могу отречься от убийств, которые совершали мои мусульманские или иудейские братья, потому что и они — мой народ. Если мы, люди, принадлежим друг другу, значит, это относится и к нашим злодеяниям. Угнетали и убивали всегда только мы.

Это мы должны попросить Бога и человечество простить нас за то, что сделали они.

Слезы помогают нам быть честными. Возможно, мы сумели бы признаться, что видим в конфликтах пользу. Мы увековечиваем страх, насилие и глупость не без причины. Они помогают нам продавать что угодно — от книг до танков. Они помогают нам оставаться у власти, безнаказанно совершать преступления, скреплять обязательства наших последователей, исцелять боль наших сомнений. Терпение, диалог, смижение, служение и мир просто обошлись бы нам слишком дорого. Мы воюем не за Бога, истину, справедливость или любовь, а за землю, ресурсы и власть. Все это отчетливо видно сквозь наши слезы.

Слезы не удается сдерживать подолгу. Томас Мертон пишет о спонтанном подъеме, который охватит наш мир:

«Все мы живем в эпоху величайшей революции в истории — гигантского спонтанного подъема всего рода человеческого: не революции, спланированной и проведенной какой-то конкретной партией, народом, страной, а стихийной борьбы всех глубоких внутренних противоречий, какие только существовали в человеке, откровениям хаотических сил внутри каждого. Такой выбор нельзя сделать добровольно, его нельзя избежать». Верить — значит стремиться всей душой и строить действенные взаимоотношения с тайной. При этом можно или принять других, или забыть о них.

Наши разнообразные тайны уцелеют, но может измениться то, как мы будем хранить их.

Мы можем хранить наши тайны, чаще смеясь над собой, чаще оплакивая чужаков, чаще чувствуя вихрь для всех нас. Нам лучше быть вместе.

А когда наметятся волнение и подъем, пусть победит жизнь.